

Правительство Забайкальского края
Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края
Забайкальское отделение ВПП «Единая Россия»
Забайкальский государственный университет
Читинский институт Байкальского государственного университета
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чита
Центр научных исследований российско-китайских отношений
Забайкальское общество любителей истории

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

Международная научная конференция

Посвящается 100-летию Революции 1917 года,
80-летию со дня образования Читинской области,
50-летию атомной промышленности в Забайкалье

22 сентября 2017 г.

г. Чита

Часть 3

Чита
Забайкальский государственный университет
2017

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43
П 755

Рекомендовано к изданию организационным комитетом научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Э. Д. Дагбаев, д-р социол. наук, профессор,
профессор кафедры политологии и социологии,
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Е. Ю. Захарова, д-р филос. наук, доцент, заведующая кафедрой философии,
Забайкальский государственный университет, г. Чита

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (гл. редактор), *А. Е. Горковенко*, *А. В. Дроботушенко*, *Н. Г. Дятчина*,
Д. А. Крылов, *Ю. Н. Ланцова*, *М. В. Пряженникова*, *И. А. Романов*, *О. А. Яремчук*

Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. – Чита : ЗабГУ, 2017.
ISBN 978-5-9293-1941-9

Ч. 3. – Чита, 2017. – 174 с.
ISBN 978-5-9293-1944-0

Конференция проводится в рамках программы ежегодных научных мероприятий по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии». В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников международной научной конференции, посвящённой 100-летию Революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье. В материалах отражены различные аспекты развития России, государств ближнего и дальнего зарубежья. Отдельное значительное внимание уделено истории и проблемам современного развития Забайкалья, а также приграничных территорий соседних государств, Китайской Народной Республики и Монголии.

Материалы сборника будут интересны как учёным, преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям средних общеобразовательных школ, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами предметного поля конференции.

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43

ISBN 978-5-9293-1944-0 (Ч. 3)
ISBN 978-5-9293-1941-9

© Забайкальский государственный университет, 2017

Government of Zabaikalsky Krai
Ministry of International Cooperation
and Foreign Economic Relations of Zabaikalsky Krai
Transbaikal regional branch of VPP "United Russia"
Transbaikal State University
Chita Institute of Baikal National University
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Zabaikalsky Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Regional Branch of Russian Historical Society
Russia-China Relations Scientific Research Center
Zabaikalsky Historical Society

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

International Scientific Conference

Conference is dedicated to the 100th anniversary of the Revolution of 1917,
80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding,
50th anniversary of the nuclear industry in Zabaikalye

22 September 2017

Chita

Part 3

Chita
Transbaikal State University
2017

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43
П 755

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event of Transbaikal State University

Reviewers

E. D. Dagbaev, Dr. of Social Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Political Science and Sociology
of Buryat State University

E. Yu. Zakharova, Dr. of Philosophy Sciences,
Docent, Head of the Chair of Philosophy of Zabaykalsky State University

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *A. E. Gorkovenko*, *A. V. Drobotushenko*, *N. G. Diatchina*,
D. A. Krilov, *Yu. N. Lantsova*, *M. V. Pryazhennikova*, *I. A. Romanov*, *O. A. Yaremchuk*

Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation
П 755 **tion** : proceedings of the International scientific conference : [3 p.] / Transbaikal
State University ; [Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko]. – Chita : Transbaikal
State University, 2017.

ISBN 978-5-9293-1941-9

P. 3. – Chita, 2017. – 174 p.

ISBN 978-5-9293-1944-0

The Conference is a part of the annual scientific conferences on Cross-border cooperation: history and modernity. The collection of articles comprises reports and speeches of the participants of International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Revolution of 1917, 80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding and 50th anniversary of the nuclear industry in Zabaikalsky Krai. Proceedings contain different development aspects of Russia, CIS and other countries. Special attention is given to the historical and modern development issues of Zabaikalsky Krai, cross-border areas of the neighboring countries, People's Republic of China and Mongolia.

The proceedings could be interesting not only for scientists, academics, and teachers but also for a wide range of readers who are interested in the topics of the Conference.

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43

ISBN 978-5-9293-1944-0 (P. 3)
ISBN 978-5-9293-1941-9

© Transbaikal State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Миграционные процессы: вопросы теории и истории

<i>Штайн А., Ширрмахер Б., Рид А.</i> Интернациональная миграция: тенденции, взаимодействие мигрантов со старым и новым обществом	9
<i>Таскаева М. П.</i> Международная трудовая миграция: новые реальности для Забайкальского края	12
<i>Коврижных О. А.</i> Культурные ценности как инструмент психологической защиты мигрантов-мусульман	15
<i>Арпентьева М. Р.</i> Транскультурализм и мультикультурализм: поиски идентичности мигрантов и номад в приграничье	18
<i>Карасёв С. В.</i> Русская Маньчжурия. Год 1945	23
<i>Куренная И. Г.</i> Судьбы членов семьи Лундстрем в период Гражданской войны и политических репрессий в СССР	27

Раздел 2. Трансграничье в философском дискурсе (философское направление)

<i>Бернюкевич Т. В.</i> К вопросу об исследовании региональной идентичности в трансграничном социокультурном пространстве	32
<i>Крылов Д. А.</i> Конструируемое трансграничье: между пустым знаком и реальными действиями	34
<i>Павлов А. В.</i> Трансграничная цивилизация	38
<i>Крылов Д. А., Ли Ваньли</i> На перекрестке эпох: сохранение социокультурной идентичности	40
<i>Маслин М. А.</i> Ключевые ценности в контексте русско-китайского диалога	43
<i>Иванова Ю. В., Середа А. В.</i> Проблема материального благополучия в Китае в контексте теории ценностей	47
<i>Соколова Е. А.</i> «Восток» и «Запад» в философских воззрениях Ф. М. Достоевского	51
<i>Суслов Е. В.</i> Критерий справедливости войн как вневременной фактор оценки права на её существование	54

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

<i>Буров В. Ю.</i> Социально-экономическое развитие региона: региональные и международные аспекты	59
<i>Рыжая А. А., Белякова Е. В.</i> Зарубежный опыт управления научно-технологическим развитием промышленности	63
<i>Кашбразиев Р. В., Товмасын Л.</i> Роль международных транспортных коридоров в развитии российского рынка логистических услуг	66
<i>Ортыков А. У.</i> Влияние государства на экономическую деятельность субъектов малого предпринимательства в современной России	71
<i>Кайбалина Н. Б.</i> Мотивация как фактор повышения конкурентоспособности: региональные аспекты	74
<i>Матузова М. С.</i> Финансовый контроль за использованием имущества приграничных муниципальных образований	78
<i>Владимирова О. Н., Петрова А. Т., Малаховская М. В.</i> Маркеры реалистичности реализации инноваций: институциональные инструменты региональной инновационной политики (на примере регионов СФО России)	81
<i>Кривоносова Н. Я.</i> Методика анализа бюджетов байкальских приграничных территорий	87
<i>У Синчэнь, Чжан Ин</i> «Один пояс – один путь» – китайско-российское экономическое сотрудничество и гуманитарный обмен в стратегическом контексте	91
<i>Сунь Янь</i> Роль стратегии «Один пояс – один путь» в экономическом и социокультурном сотрудничестве КНР и России	102
<i>Грибова С. Н.</i> Приграничные российско-китайские экономические отношения: современные направления сотрудничества	105
<i>Шишкина Н. П.</i> Перспективы развития пищевой промышленности в контексте китайско-российского сотрудничества	109
<i>Кичигина И. М.</i> Проблемы и перспективы сотрудничества Китая и России в области добычи полезных ископаемых	113

Кравцова С. А. Перспективы экспорта российского зерна в КНР	116
Гернего Л. В. Особенности развития Забайкальского региона	119
Попова Е. М. Проблемы реализации инвестиционных проектов с участием китайского капитала на территории Забайкальского края	123
Дроботушенко Е. А. Обеспечение продовольственной безопасности России на примере Забайкальского края	127
Ковальчук Л. Б. Проблема трансформации процессов внешнеэкономической деятельности Забайкальского края в условиях глобализации	132
Криклевская Л. Ю. Направления развития транспортно-логистической инфраструктуры Забайкальского края	136
Бондарева А. Г. Роль атомной промышленности в социально-экономическом развитии Забайкальского края	141
Атанов Н. И. «Зелёное» развитие Забайкалья: прожект или реальность?	145
Филонич С. А. Сотрудничество со строителями из КНР у АО «РУС»: опыт и перспективы	149
Дроботушенко А. В., Суходолов Я. А. Забайкальский край как ключевое звено в создании и развитии аэрокосмического кластера на востоке России	152
Михайлова Е. В., Чубаров И. Г. Социально-экономическое сжатие через призму демографических изменений в переходной экономике на примере городов Амурской области	156
Ганжуурдалайн Цолмон Хроника о Мардаи	162
Сведения об авторах	169

CONTENTS

Section 1. Migration Processes: Theoretical and Historical Issues

<i>Stein A., Schirmacher B., Ried A.</i> International Migration: Trends, Interaction of Migrants with Old and New Society	9
<i>Taskaeva M. P.</i> International Labour Migration: New Reality for Transbaikal Region	12
<i>Kovrizhnykh O. A.</i> Cultural Values as a Means of Psychological Defense for Muslims Migrants	15
<i>Arpentieva M. R.</i> Transculturalism and Multiculturalism: the Search for Identity Migrant and Nomad in the Borderlands	18
<i>Karasyov S. V.</i> Russian Manchuria. The year 1945	23
<i>Kurenaya I. G.</i> The Fate of Family Members Lundstrom During the Civil War and Political Repression in the USSR	27

Section 2. Border Region in the Philosophical Discourse (Philosophical Area)

<i>Bernyukevich T. V.</i> To the Question about the Study of Regional Identity in Transboundary Socio-Cultural Space	32
<i>Krylov D. A.</i> Design Transchange: Between Blank Sign and Real Actions	34
<i>Pavlov A. V.</i> Cross-border civilization	38
<i>Krylov D. A., Li Wanli</i> On the Border of Two Worlds, Sociocultural Identity	40
<i>Maslin M. M.</i> Core Values in the Context of Russian-Chinese Dialogue	44
<i>Ivanova Y. V., Sereda A. V.</i> The Problem of Material Welfare in China: Axiological Analysis	47
<i>Sokolova E. A.</i> "East" and "West" in Philosophical Visions of F. M. Dostoyevsky	51
<i>Suslov Y. V.</i> The Criterion of Rightfulness of War as a Timeless Factor of Evaluation of the Right to its Existence	54

Section 3. Economics and Social Field: Cross-Border Format (Economics Area)

<i>Burov V. Yu.</i> Socio-Economic Development of the Region: Regional and International Dimensions	60
<i>Ryzhaya A. A., Belyakova E. V.</i> Foreign Management Experience of Scientific and Technological Development of Industry	63
<i>Kashbrasiev R. V., Tovmasyan L.</i> The Role of International Transport Corridors in Development of the Russian Market of Logistics Services	67
<i>Ortykov A. U.</i> The Influence of the State on Economic Activities of Subjects of Small Business in Modern Russia	71
<i>Kaybalina N. B.</i> Motivation as a Factor of Increasing Competitiveness: Regional Dimensions	75
<i>Matuzova M. S.</i> Financial Control over Municipal Assets	78
<i>Vladimirova O. N., Petrova A. T., Malakhovskaya M. V.</i> Markers Realistic Implementation of Innovation: Institutional Tools for Regional Innovation Policy (jn The Example of Regions of The Siberian Federal District of Russia)	81
<i>Krivososova N. Ya.</i> The Method to Analyse Budgets of Baikal Near-Border Territories	87
<i>U Sinchan, Zhang Ying</i> "One Belt – One Road" – China-Russia Economic Cooperation and Humanitarian Exchange in The Strategic Context	92
<i>Sun Yan</i> The role of "One Belt – One Road" Strategy in Economic and Socio-Cultural Cooperation Of China And Russia	103
<i>Gribova S. N.</i> The Border of Russian-Chinese Economic Relations: Modern Trends of Cooperation	105
<i>Shishkina N. P.</i> Prospects of the Development of the Food Industry in the Context of the Chinese-Russian Cooperation	109
<i>Kichigina I. M.</i> Problems and Prospects of Cooperation of China and Russia in the Field of Mineral Resources	113
<i>Kravtsova S. A.</i> Prospects of Export of the Russian Grain to the People's Republic of China	116
<i>Gernego L. V.</i> Features of Development of the Zabaikalsky Region	119
<i>Popova E. M.</i> The Problems of Impementation of the Chinese Direct Investment Projects in Zabaikalsky Region	123
<i>Drobotushenko E. A.</i> Ensuring Food Security of Russia on the Example of Zabaikalsky Region	127

Kovalchuk L. B. The Problem of Transformation of Foreign Economic Activity of the Transbaikal "Territory in the Conditions of Globalization	132
Kriklevskaya L. Yu. The Development Trends of The Transbaikal Region's Transport and Logistics Infrastructure	137
Bondareva A. G. The Role of Nuclear Industry in Socio Economic Development of Zabaikalsky Krai	141
Atanov N. I. "Green" Development of Transbaikalia: Project or a Reality?	145
Filonich S. A. Collaboration With the Builders From China, Jsc "Rus": Experience and Prospects	150
Drobotushenko A. V., Sukhodolov Y. A. Zabaikalsky Krai as a Key Link in the Creation and Development of Aerospace Industry on the Russian East	152
Mikhailova E. V., Chubarov I. G. Social and Economic Shrinkage Through the Lense of Demographic Change in the Context of Transition Economy: the Case of Amur Oblast Cities	157
Ganjuurdalai Tsolmon The Chronicle of Mardai	162
Information about the Authors	169

РАЗДЕЛ 1. Миграционные процессы: вопросы теории и истории

SECTION 1. Migration processes: theoretical and historical issues

---

УДК 314.15

ББК С7

Альбрехт Штайн,

*Людвиг-Максимилиан-Университет,
г. Мюнхен, Германия*

Бьянка Ширрмахер,

*Институт Фрезениус,
г. Мюнхен, Германия*

Александра Рид,

*Ассоциация социального обеспечения работников,
г. Мюнхен, Германия*

Интернациональная миграция: тенденции, взаимодействие мигрантов со старым и новым обществом

В предлагаемой статье рассматриваются исторические и современные тенденции интернациональной миграции, вводятся понятия «позитивной» и «негативной» миграций. Особое внимание уделяется взаимодействию мигрантов со старым и новым обществом, изменению его реалий в процессе глобализации миграции, а также его интерпретации в социологической литературе.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, иммиграция, интернациональная миграция, «позитивная» миграция, «негативная» миграция, ассимиляция, мультикультурализм, социальные сети

Albrecht Stein,

*Ludwig-Maximilian-University,
Munich, Germany*

Bianca Schirmacher,

*University of applied sciences Fresenius,
Munich, Germany*

Alexandra Ried,

*Workers' Welfare Association,
Munich, Germany*

International Migration: Trends, Interaction of Migrants with Old and New Society

The proposed article examines historical and modern trends of international migration, introduces the concepts of “positive” and “negative” migration. Particular attention is paid to the interaction of migrants with the old and new society, changing its realities in the process of globalization of migration, as well as its interpretation in sociological literature.

Keywords: migration, emigration, immigration, international migration, “positive” migration, “negative” migration, assimilation, multiculturalism, social networks

Миграция населения как изменение места постоянного проживания известна с древнейших времен. Она представляет собой вид пространственной, горизонтальной (в отличие от социальной, вертикальной) мобильности, характеризующейся, в отличие от туризма или перманентного странствия, долгосрочностью, целенаправленностью, а также переносом на новое место пребывания центра индивидуальной социальной жизнедеятельности [8, с. 13–18].

Интернациональная миграция как разновидность миграции возникает с появлением национальных государств с их границами и обладаёт, в принципе, сходными характеристиками, с учётом, как правило, большего масштаба сопутствующих изменений различных аспектов жизни.

Социологическая перспектива изучения феномена интернациональной миграции, в отличие от, например, этнографической, экономической или политологической, заключается в отслеживании, описании и изучении связанных с ней социальных процессов, динамики социальных объектов и социальной структуры общества.

Влияние, оказываемое миграционными процессами, наиболее заметно проявляется на особенностях субъектов, непосредственно осуществляющих переселение. Однако воздействие осуществляется и на всех уровнях и во всех областях жизни обществ: от индивидуального восприятия до изменений в социальной сфере, политике, культуре и т. д. Затронутыми при этом оказываются реалии обоих обществ: «донора», утрачивающего мигранта и «реципиента», его получающего. Если же учесть растущую глобализацию всех сфер жизни, то оказывается, что воздействие феномена миграции воистину всеобъемлюще.

Различные характеристики и разновидности переселения, т. е. миграции в целом, свойственны и её конкретным проявлениям в интернациональном масштабе – эмиграции и иммиграции. Оба эти термина относятся, по сути, к одному явлению, рассматриваемому с точки зрения различных обществ.

В интернациональной миграции существуют две основные тенденции: «позитивная» и «негативная». «Позитивная» интернациональная миграция, подобно фроммовской «свободе для», направлена на более полное раскрытие идентичности личности, реализации её ресурсов. Экономически выражаясь, она является результатом сравнения стоимости индивидуального человеческого капитала в различных странах. После информированно-

го анализа издержек и выгод возможно принятие рационального решения о конкретной миграции. В основном, это относится к высококвалифицированной и предпринимательской миграции, часто пользующейся привилегированной схемой въезда в принимающее общество.

«Негативная» интернациональная миграция, подобная «свободе от», направлена на избежание неблагоприятной ситуации. Она часто отличается ярко выраженным эмоциональным компонентом. К классическим подобным случаям относится беженство («бегство от смерти»), спасение от преследований («бегство от неволи»). Оно направлено, прежде всего, на выживание, на сохранение себя как социальной единицы (индивида, семьи, группы). В этом случае возможны самые разнообразные социальные и индивидуальные характеристики мигрантов. Низкоквалифицированная миграция предполагает, в свою очередь, чаще всего, стремление повысить уровень благосостояния и ориентируется на более высокий экономический уровень общества-реципиента («бегство от бедности»). Социальные характеристики и достоинства мигранта (образование, информированность и т. д.) после миграции могут при этом значительно обесцениваться. Специальную разновидность «негативной» миграции представляет «бегство от себя». Спектр относящихся к этой группе случаев, как и социокультурные характеристики мигрантов, отличаются большим разнообразием. Импульсом могут служить психологические проблемы, стремление к новому образу жизни, кризис отношений и многое другое.

Глобализация интернациональной миграции происходит, с одной стороны, в количественном аспекте. Она охватывает всё большее количество стран и людей; интенсификация миграционных потоков, в первую очередь, вынужденной миграции, влияет на демографическую ситуацию в странах, а также на уровень потребления ресурсов в обществах-реципиентах. В качественном аспекте она ведёт к необходимости адаптации и трансформации не только самих мигрантов, но, по сути, всех элементов социальной структуры «принимающего» общества.

Отношения мигрантов со старым и/или новым обществом находились в центре внимания систематических анализов и теорий уже с 1920-х годов. Вначале ограничивались экономические макротeorии монокаузальным объяснением миграции и, соответственно, рассматривали в качестве Push- и Pull-факторов,

т. е. негативных и позитивных явлений, вызывающих отъезд из одного государства и въезд в другое [5], лишь экономические причины. Интерес к отдельной личности как субъекту интернациональной миграции появляется лишь в позднейших микротеориях, также ограничивающих спектр причин стремлением к материальному благосостоянию. Взаимодействие индивида со старым обществом преимущественно игнорировалось как несущественное, с новым же должно было проходить в соответствии с достаточно однолинейной концепцией ассимиляции [1, с. 9–14, с. 19–33].

Развитие модели интернациональной миграции, её причин, субъектов и взаимодействий с прежним и новым обществом в новой экономической теории миграции рассматривает в качестве цели миграции максимизацию благосостояния уже не отдельных индивидов, а целых семейств (домашних хозяйств), выступающих основной единицей анализа. Здесь впервые заостряется внимание на значимости связей эмигрантов со страной происхождения, в которой продолжает проживать нуждающаяся в материальной поддержке часть семейства [7]. Это всего лишь шаг к поликаузальности феномена интернациональной миграции, решающим, однако, является признание того, что один лишь уровень зарплаты не выступает достаточной причиной переселения. Центральной становится стратегия, направленная на минимализацию рисков всего семейства в целом с помощью его отдельных членов, избравших путь эмиграции.

В русле микротеорий интенсифицируются исследования индивидуальных причин, решений, ожиданий относительно интернациональной миграции. Концепции Place Utility [10, с. 17–18], Cognitive Behavioral Approach [3, с. 14–15] учитывают гораздо более широкий круг субъективных факторов, таких, как климат или близость к родственникам, кажущимися аномальными в логике идеи рационального выбора. Идеальные ментальные карты регионов составляются на основе индивидуальных предпочтений и ожиданий. Соответственно изменяется и представление о роли иммигрантов в принимающем обществе. Цель абсолютной или относительной ассимиляции в новой культуре сменяется признанием возможности и права сохранения мигрантами изначального

национального своеобразия, т. е. трансформации обществ-реципиентов в мультикультурные сообщества [1, с. 15–18; 6].

С 1990-х годов изменившиеся реалии показывают необходимость разработки новых подходов к изучению интернациональной миграции. Развитие коммуникаций, политические преобразования в восточно-европейских странах, распространение дистанционных трудовых процессов, культурная диверсификация и связанная с ней неоднозначная оценка мультикультурности, а также другие новые факты, оказывающие принципиальное воздействие на социум, вызывают к жизни альтернативные концепции миграции. Речь идёт о таких темах, как, например, постепенное преодоление разрыва между географическим и социальным пространствами, конструкции новых, транснациональных социальных реальностей [9, с. 53–54]. При переселении центр жизнедеятельности не нуждается более в полном переносе (к примеру, телеработа). Вместо одного, локального фокуса возникает плюрализм средоточий жизнедеятельности, таким образом миграция релятивизируется. Мигранты нового поколения, с одной стороны, не растворяются в новом обществе (ассимиляция), но, с другой стороны, и не образуют отдельные замкнутые «микрокультуры». Для них характерна, скорее, множественная укоренённость, включённость в политический и культурный контекст как общества-донора, так и общества-реципиента [2, с. 250–255].

Реальная связь между обоими обществами во всё большей степени осуществляется с помощью саморегулирующихся интернациональных социальных сетей (в т. ч. мигрантских). Эти сообщества на мезо-уровне, выходящие за рамки отдельных семейств, начинают в целом активно воздействовать на социальную структуру обществ [3, с. 19–20].

В целом, актуальная мировая миграция продолжает следовать обеим вышеописанным тенденциям, – позитивной и негативной. Оба направления существуют довольно обособленно, хотя можно заметить активизацию как одного, так и другого потока. Определяющую роль здесь играют политические процессы, от которых зависит принципиальная возможность осуществления надежды на создание единого общечеловеческого мирового пространства.

Источники и литература

1. **Grote M.** Integration von Zuwanderern: Die Assimilationstheorie von Hartmut Esser und die Multikulturalismustheorie von Seyla Benhabib im Vergleich // Universität Bremen. Migremus Arbeitspapiere. – 2011. – Nr. 2. – 65 p.
2. **Han P.** Theorien zur internationalen Migration. Ausgewählte interdisziplinäre Migrationstheorien und deren zentralen Aussagen. – Stuttgart: UTB, 2006. – 310 p.

3. **Haug S.** Klassische und neuere Theorien der Migration // Arbeitspapiere – Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung. – 2000. – Nr. 30. – 38 p.
4. **Kley S.** Migration im Lebensverlauf: der Einfluss von Lebensbedingungen und Lebenslaufereignissen auf den Wohnortwechsel. – Wiesbaden: VS, 2009. – 273 p.
5. **Lee E.** A Theory of Migration // Demography. – 1966. – Nr. 1. – P. 47–57.
6. **Leicht I.** Multikulturalismus auf dem Prüfstand. Kultur, Identität und Differenz in modernen Einwanderungsgesellschaften. – Berlin: Metropol, 2009. – 205 p.
7. **Massey D.** Theories of international Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. – 1993. – Nr. 4. – P. 699–749.
8. **Oswald I.** Migrationssoziologie. – Konstanz: UVK, 2007. – 225 p.
9. **Pries L.** Internationale Migration. – Bielefeld: Nomos, 2001. – 77 p.
10. **Wilmsen F.** Die Veränderung der natürlichen Umwelt als Einflussfaktor von Migrationsdynamiken? artec Forschungszentrum Nachhaltigkeit Universität Bremen. – 2013. – Nr. 195. – 75 p.

УДК 314.15(571.55)
ББК С7(2Рос-4Чит)

Марина Павловна Таскаева,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Международная трудовая миграция: новые реальности для Забайкальского края

В статье рассмотрена международная трудовая миграция и её динамика в Забайкальском крае, проведён структурный анализ трудовых мигрантов, обозначены особенности изменений в налоговом и миграционном законодательстве.

Ключевые слова: международная миграция, трудовая миграция, рынок труда, миграционное и налоговое законодательство, разрешение на работу

Marina P. Taskaeva,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

International Labour Migration: New Reality for Transbaikal Region

The article is devoted to international labour migration and its dynamics in Transbaikal region. In the article the author carries out structural analysis of labour migrants, points out features in tax and migration legislature.

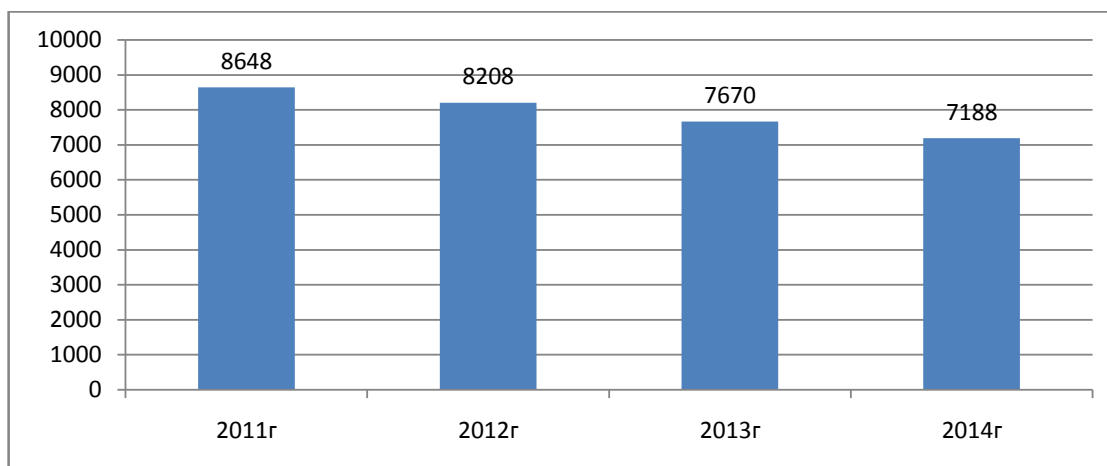
Keywords: international migration, labour migration, labour market, migration and tax legislature, working permit

Международная трудовая миграция как закономерное социально-экономическое явление имеет огромное значение в современной экономической, политической и социальной жизни общества. Её основная функция заключается в обеспечении количественного и качественного соответствия между спросом и предложением рабочей силы различного профиля и различной квалификации в различных районах и населённых пунктах [3].

Число официально работающих в Забайкальском крае трудовых мигрантов постепенно снижается. В 2014 году оно составило 7188 чел.,

что на 17 % ниже, чем в 2011 году, как показано на рисунке. По-прежнему этот показатель отражает лишь небольшую часть реального процесса: согласно экспертным оценкам, численность нелегальных (или незаконно занятых) трудовых мигрантов в крае как минимум в пять раз превышает данные официальной статистики.

В качестве рабочей силы на территорию края привлекались граждане из стран СНГ и дальнего зарубежья. Особенно много трудовых мигрантов в 2015 году прибыло из Узбекистана (10,4 %) и Таджикистана (9,7 %), а также Китая (20,8 %).

Число трудовых мигрантов, получивших разрешение на работу в Забайкальском крае, чел. [1]

С 15 января 2007 года вступило в силу новое законодательство, существенно упрощающее процедуры легализации для мигрантов из стран СНГ – в первую очередь, для приезжающих на временную работу. Теперь сам мигрант получает разрешение на работу (а не работодатель, как раньше). Таким образом, ликвидирована «крепостная зависимость» мигранта от работодателя.

Стоит отметить, что не только в России миграция является серьёзной проблемой. Сегодня многие европейские страны страдают от наплыва переселенцев. Обусловлено это неспокойной ситуацией на Востоке, в том числе и в Сирии. Люди пытаются всеми силами покинуть захваченные террористами области. За счёт этого процветает нелегальное пересечение границы. Из-за этого начинаются всплески преступности, вплоть до торговли людьми, ввоза наркотиков. Поэтому не только Россия ужесточила законодательную базу. С 1 января 2015 года вступили в силу изменения миграционного и налогового законодательства. В результате затраты, связанные с оформлением на работу граждан КНР, выросли в 2,3 раза и составили 30 898 р. на одного китайского рабочего. Также работники-иностранцы должны выплачивать из своих зарплат 1,8 % на страхование. Это гарантирует не только обеспечение медицинской помощи, но и возможность встать на учёт в Центр занятости и получать компенсацию за потерю работы. Чтобы оформить её, необходимо делать взносы минимум 6 месяцев. Если у будущего работника нет медицинского полиса, то его не имеют права брать на работу. Полис оформляется минимум на один год.

Согласно официальным данным, наибольший удельный вес (54,4 %) среди трудовых мигрантов занимают рабочие, занятые на

горных, горно-капитальных и на строительномонтажных и ремонтно-строительных работах (на начало 2015 г. – 3909 чел.), 30 % – в торговле, 5 % – в сельском хозяйстве, 8 % – в других видах деятельности.

Реальная структура занятости мигрантов несколько отличается от официальных данных из-за сильного недоучёта мигрантов в сфере услуг, включая сферу досуга и развлечений, ЖКХ, работы по дому.

Трудовая миграция в Забайкальский край до 2013 года продолжала оставаться в значительной степени мужским занятием. По официальным данным статистики, в 2013 году 52,2 % мигрантов – мужчины. Это связано, в первую очередь, с отраслевой структурой занятости трудовых мигрантов, поскольку более половины мигрантов работают в строительной отрасли.

С 2013 года соотношение мужчин и женщин изменилось. Так, в 2014 году число прибывших мигрантов-женщин составило 15 299 чел., что на 8,9 % больше, чем мужчин. И данная тенденция сохраняется. Есть основания полагать, что дальнейший рост женской составляющей миграции происходит за счёт сферы услуг, которая развивается высокими темпами и сегодня даёт 2/3 рабочих мест.

Среди прибывших мигрантов 75,9 % – лица трудоспособного возраста. Средний возраст мигрантов – 32–33 года, причём более 75 % из них моложе 40 лет. За последние годы трудовая миграция помолодела: повзрослевшая молодёжь в странах выезда (особенно в странах Центральной Азии) всё чаще идёт по дороге миграции, проторенной старшим поколением.

В настоящее время во многих регионах в целях приоритетного трудоустройства россий-

ских граждан проводится политика по ограничению внешней трудовой миграции, одним из основных направлений которой выступает снижение квот на выдачу разрешений на работу.

Таким образом, меры экономической политики в тех секторах, где заняты мигранты (строительство, торговля, коммунальное хозяйство и др.) приведут к повышению конкурентных шансов местных работников на рынке труда.

Важен и субъективный момент. Многие мигранты получают в России вполне устраивающие их деньги. Зарплата мигрантов в России в среднем в три раза выше, чем она могла бы быть на родине, не говоря уже о том, как трудно получить в странах выезда хоть какую-нибудь оплачиваемую работу. Так или иначе, более 70 % мигрантов считают свой выезд на работу выгодным и собираются продолжать эту деятельность. Не стоит игнорировать и гуманитарную составляющую трудовой миграции, о которой часто забывают, увлекаясь подсчётами экономических выгод и потерь. Огромному количеству населения соседних с Россией стран эта миграция позволяет достойно жить. Не будет преувеличением сказать, что она формирует средний класс этих стран, тем самым способствуя поддержанию социальной стабильности во всем евразийском регионе.

В целом можно сказать, что миграция в России развивается примерно так же, как во многих развитых странах мира. В настоящее время спрос России на мигрантов в большей мере обусловлен экономическими причинами. В крупнейших российских мегаполисах, регионах с динамично растущей экономикой, приграничных областях, где трудовая миграция бурно развивалась на протяжении десятилетий, мигранты уже заняли определённые экономические ниши, которые в будущем будут углубляться и расширяться. В таких регионах труд иностранных работников уже сейчас стал структурообразующим фактором экономики, которая не может эффективно функционировать без привлечения мигрантов.

На мировых рынках труда мигранты в основном занимают рабочие места, не пользующиеся спросом у местных работников. Это следующие виды деятельности:

– “3D jobs” – грязная, тяжёлая и/или опасная работа, не требующая квалификации, включая труд повышенной интенсивности (конвейер, строительные работы, добыча природного сырья, обработка пищевых продуктов и т. д.);

– работа низкой или средней квалификации в общественной сфере услуг, включая сферу досуга и развлечений (химчистка, развоз пиццы, уборка, торговля и т. д.);

– работа по уходу и обслуживанию в частной сфере (уборка и домашние работы в частных домохозяйствах, уход за детьми и больными и т. п.);

– занятость в теневом и криминальном секторах экономики (в «левых» незарегистрированных фирмах, в производстве контрафактной продукции и т. п.).

Мигранты заняты также в сезонных работах, т. е. там, где спрос на труд подвержен сильным колебаниям. Чтобы удовлетворить его в период сезонного пика, местных кадров часто не хватает. К тому же работа в сельском хозяйстве, сфере туризма и развлечений также не пользуется спросом у местного населения.

Обсуждая влияние миграции на рынок труда принимающей страны, обычно обращают внимание на несколько основных вопросов, вызывающих наибольшую обеспокоенность:

– конкурируют ли мигранты с местными работниками или, напротив, занимают те рабочие места, которые не пользуются спросом у местного населения;

– как мигранты влияют на уровень оплаты труда в отраслях, где они заняты, способствуют ли они демпингу труда;

– чем грозит экономике принимающей страны зависимость от иностранного труда, наличие анклавов мигрантской занятости;

– насколько велика нагрузка на государственную систему социального обслуживания, вызванная миграцией.

Источники и литература

1. **Забайкальский край – 2015:** стат. сб. / Забайкалкрайстат. – Чита, 2016. – 307 с.
2. **Миграция в России 2017** [Электронный ресурс] // Форум переселенческих организаций. Международное общественное движение содействия мигрантам и их объединениям. – Режим доступа: <http://www.migrant.ru/migraciya-v-rossii-2017/> (дата обращения: 26.03.2017).
3. **Синькевич И. В., Неганова И. Б.** Процесс внешней трудовой миграции рабочей силы и его влияние на рынок труда // Вестник Иркутской государственной экономической академии. – 1996. – № 10. – С. 131–136.

УДК 314.15
ББК С7

Олеся Анатольевна Коврижных,
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

Культурные ценности как инструмент психологической защиты мигрантов-мусульман

В статье приводится характеристика ценностей религиозной культуры мусульман, а также предпринимается попытка проанализировать основные угрозы и вызовы современной глобализации на примере феминизации и консервации патриархального общества. Автор приходит к выводу, что анализ проблем европейских мигрантов-мусульман позволит сохранить баланс религиозных сил и межкультурный диалог в Забайкальском крае и в России в целом.

Ключевые слова: феминизация, ислам, патриархальные ценности, конфликт идентичностей, мигранты

Olesya A. Kovrizhnykh,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Cultural Values as a Means of Psychological Defense for Muslims Migrants

The article deals with the characteristics of Muslim religious and cultural values. The author analyzes main dangers and challenges of modern globalization in terms of feminization and preservation of a patriarchal society. The study concludes that the analysis of the problems of European Muslims migrants will help to maintain the balance of religious forces and intercultural dialogue in Zabaykalsky Krai and Russia at large.

Keywords: feminization, Islam, patriarchal values, conflict of identities, migrants

Забайкалье является многонациональным трансграничным регионом Российской Федерации, где проживают представители всех мировых религий. Большинство местного населения исповедуют православное христианство, меньшее количество жителей – буддизм и ислам. По мнению А. В. Жукова, Н. С. Кондаковой, М. С. Шевченко, «определение конфессиональных предпочтений свидетельствует о широком распространении на этом пространстве идентификаций, связывающих население главным образом с двумя конфессиями: русским православием и бурятским буддизмом» [3, с. 108].

Каждый год в Забайкальский край прибывают для временной или постоянной работы мигранты из восточных стран СНГ. «Мигранты новых поколений, прибывающие в Российскую Федерацию из государств-участников Содружества Независимых Государств, по сравнению с их предшественниками обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки» [4, с. 96]. Большинство из них исповедуют мусульманство. На сегодняшний

день проблема межэтнических и религиозных отношений в Забайкальском крае не является острой: «становится очевидным, что среди населения Забайкальского края распространены отношения толерантности и добрососедства по отношению к непосредственному окружению. Если по отношению к иным (чужим) религиям в целом могут распространяться фобии, опасения и даже неприязнь, на личностном уровне по отношению к их конкретным представителям существует толерантное или безразличное отношение» [3, с. 109]. Однако глобализационные вызовы несут угрозы конфликта идентичности в процессе диалога культур. Данные опасения связаны со спецификой условий формирования и реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, отражённых в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012 г.): «Несовершенство действующей системы управления миграционными процессами проявляется в наличии большого числа незаконных мигрантов. Ежегодно в стране от 3 до 5 миллионов иностран-

ных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения. Незаконная миграция, питающая рабочей силой теневой сектор экономики, является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части населения РФ» [4, с. 96].

Проблема адаптации мигрантов-мусульман является актуальной не только для Забайкалья и России, но особенно в современной Европе. Как показывает анализ проблем миграционного кризиса в Европейском Союзе, новые вызовы должны быть осмыслены и проанализированы для развития диалога культур и успешной адаптации мигрантов в РФ, в том числе и в Забайкальском крае. Проведём анализ проблем с мигрантами-мусульманами в современных европейских странах.

Традиционные устои ислама хранят основы доминирующей патриархальной морали, высокой культуры, нравственности семьи и духовной сущности мусульманства. Они являются правилами, предполагающими не только соблюдение религиозных догм, но и ведение соответствующей светской жизни на бытовом уровне. Жизнь по нормам шариата предполагает строгое соблюдение для верующих норм Корана. Под влиянием процессов глобализации в современной Европе наблюдается рост исламизации общества за счёт притока мигрантов, увеличения количества мусульманских общин и кварталов и принятия в них новых членов.

Как отмечает исследователь Г. И. Гаджимурадова, «большинство мусульман, проживающих в Европе, сопротивляются ассимиляции, так как крепко привязаны к исламским ценностям и убеждены в преимуществе своих прав и обычаев» [2, с. 138]. Европейские мусульмане, находясь в условиях «чужой» им культуры, не приемлют «либеральных европейских ценностей». Эти ценности ассоциируются у них с развращёнными нравами, кажутся им аморальными и бездуховными. В качестве примера можно привести семейные ценности европейцев с их равными правами мужчин и женщин, незаконные брачные связи, гостевые браки, сексуальные отношения до брака, включая однополые браки и права секс-меньшинств. Мусульмане ищут психологической защиты прежде всего в исламе: «Ислам для них не просто религия с её столпами веры, ислам – это образ жизни, включающий в себя этические нормы, социальное поведение, обычаи и традиции, которые остаются неизменными на протяжении веков» [2, с. 138].

В связи с этим особенно остро стоит проблема образа жизни и феминизации восточ-

ных женщин в Европе. Их социальные роли предписаны Кораном, и в мусульманском обществе женщины должны быть прежде всего жёнами и матерями. Получение образования, возможность становления карьеры, а также реализация творческих способностей и личных желаний для многих мусульманских женщин являются недоступными. Именно патриархальные ценности (доминирование мужчины во всех сферах общества), с одной стороны, являются механизмом защиты тысячелетних традиций от натиска западных культурных ценностей, а с другой стороны, они являются тормозом культурного развития для миллионов мусульманок. Различные правозащитные организации Пакистана считают, что традиционные каноны мусульманской теологии были заложены мужчинами-богословами в условиях ещё древнего патриархального и феодального общества. На сегодняшний день они не отражают интересы женщин-мусульманок. На наш взгляд, ислам служит религиозным средством для дискриминации и подавления гражданских свобод восточных женщин на протяжении веков.

По утверждению И. Н. Серенко, «феминизация ислама свидетельствует о том, что идея реформации ислама всё больше находит поддержку женщин-мусульманок. Этот процесс имеет место не только в Пакистане, но и в других странах (Сирии, Ливане, Кувейте, Египте и т. д.)» [7, с. 437]. Исламизация восточных обществ тормозит культурное развитие женщин, получение образования, делает невозможным свободный выбор своего жизненного пути, мужа. Этот процесс служит гарантией доминирования патриархальных ценностей на Востоке, где путь исламского феминизма только предстоит пройти женщинам-мусульманкам. При этом в современной Европе часто происходят «преступления чести». Анализ преступлений, совершённых во всём мире в защиту чести, показал, «что 58 % жертв-женщин были убиты, часто близкими людьми, потому что они хотели жить по западному образцу и не желали придерживаться мусульманских культурных и религиозных традиций. Многие хотели учиться, отказывались выходить замуж за двоюродных братьев и мужчин из выбранных семей» [2, с. 137]. Рассмотрим причины данных процессов. Агрессия мусульманской молодёжи по отношению к либеральным ценностям обусловлена несколькими причинами: внутренний дискомфорт личности основан на разрушении религиозного сознания и проявляется в националистических, антиконфессиональных, криминальных действиях личности или социальной группы.

В. А. Абрамов и Н. Н. Волнина справедливо отмечают, что «при деформациях идентичности возникают такие негативные последствия, как этноцентризм, предрассудки и стереотипы, в которых сознательно или подсознательно подогревается религиозная нетерпимость, инстинктивно бытовое неприятие других культур» [1, с. 51]. Агрессивное самоутверждение молодых мусульман становится основой отчуждения, деформации их идентичности и религиозного экстремизма. Для них ислам остаётся не только религией, но и образом жизни, мыслей и религиозных чувств. Это ключ к сохранению своей идентичности религиозной и даже национальной. В условиях европейской массовой культуры, свободных половых отношений и равенства гендерных ролей вековые запреты ислама приводят к кризису идентичности европейских мусульман. Однако многие молодые мусульмане, соблюдавшие все нормы и запреты шариата у себя на Родине, попадая в качестве иммигрантов в Европу, отказываются соблюдать их. Это объясняется целым комплексом социальных и культурных факторов.

Во-первых, в Европе нет налаженной системы контроля со стороны общества, органов государственной власти, старших родственников, родителей, семейного клана. Кроме того, отсутствует давление общественного мнения, социального окружения, образовательных учреждений, СМИ. Молодые мусульмане не испытывают влияние традиционных агентов социализации в европейском обществе. Во-вторых, появившаяся свобода провоцирует чувство эйфории и вседозволенности, особенно теряется личностный контроль при массовом девиантном поведении. Третьим фактором, способствующим криминализации европейских мусульман, выступает массовая безработица, употребление наркотиков, алкоголизм и нежелание работать и адаптироваться к новым условиям. Четвёртый фактор, являющийся катализатором массовых беспорядков мигрантов в Европе – это большой объём протестного потенциала и социальной энергии, нереализованной силы, адреналина неустроенной асоциальной мусульманской молодёжи. Европейские мусульмане, проживающие в обособленных анклавах, во многом копируют опыт европейской культуры, преимущества потребительской европейской цивилизации. Например, их устраивает высокий уровень жизни, получение широкого спектра услуг, включая

хорошее образование, доступ к товарам и услугам в интернете и др.

При этом, контакты и развитие религиозных и межэтнических отношений между европейцами (христианами) и мигрантами из арабских стран (мусульманами) могли бы проявляться в самых разных формах: как «прибавление – когда этнос, сталкиваясь с другой культурой, осваивает некоторые её достижения. Убавление – потеря собственных навыков в результате контакта с более развитой культурой. Обеднение – деструкция и постепенное исчезновение культуры» [6, с. 93].

Страх этой деструкции, то есть деградации и исчезновения своей культуры, приводит к культурному и религиозному объединению и обособлению в гетто европейских мусульман. Этническая культура или религиозные традиции становятся способом психологической защиты от проникновения ценностей чужой культуры, морали и религиозных норм. Вместо ассимиляции и интеграции происходит дезинтеграция как во всём обществе, так и в анклавных этнических группах мусульман. Таким образом, под влиянием процессов глобализации нарастают социально-культурные изменения, которые создают угрозу национальной, религиозной и культурной идентичности личности. В данных условиях именно религиозная культура является механизмом социальной защиты европейских мусульман.

Учитывая негативный опыт миграционной политики современной Европы, ужесточение миграционного законодательства РФ является адекватной мерой для её подконтрольного для государства развития. Большую эффективную работу проводит миграционная служба РФ в целом, особенно важна эта работа в приграничном регионе – Забайкальском крае. Здесь успешно работают Ассамблея народов Забайкалья, различные социальные, правовые центры для успешной адаптации мигрантов в русскоязычную культуру. Согласно справедливому выводу Н. В. Леоновой, «миграция является для Забайкальского края, как и для России одним из главных ресурсов, который компенсирует естественную убыль населения, и важным фактором экономического развития» [5, с. 48]. Забайкальский край представляет собой площадку диалога культур, где необходимо вести большую просветительскую, образовательную работу для сохранения баланса межэтнического и религиозного диалога, учитывая негативный опыт современной Европы.

Источники и литература

1. **Абрамов В. А., Волнина Н. Н.** Глобализирующийся человек: грани социокультурного изменения. – Чита: ЧГУ, 2006. – 209 с.
2. **Гаджимурадова Г. И.** Проблемы гендерного равенства в мусульманских общинах Европы // Власть. – 2017. – № 1. – С. 136–139.
3. **Жуков А. В., Кондакова Н. С., Шевченко М. С.** Современная религиозная ситуация на территории Забайкальского края (по материалам социологического исследования) // Вестник ЧитГУ. – 2011. – № 4. – С. 102–110.
4. **Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года** // Миграционные мосты Забайкалья: задачи, проблемы, перспективы развития: материалы междунар. симпозиума. – Чита, 2013. – С. 93–111.
5. **Леонова Н. В.** Правовые проблемы трудовых мигрантов и помощь правозащитных организаций в их разрешении // Миграционные мосты Забайкалья: задачи, проблемы, перспективы развития: материалы междунар. симпозиума. – Чита, 2013. – С. 42–49.
6. **Разгильдеева И. И.** Этнология: учеб.-метод. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 130 с.
7. **Серенко И. Н.** Женское образование в Исламской Республике Пакистан // Ислам на современном Востоке / под ред. В. Я. Белокреницкого, А. З. Егорина. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт, 2004. – С. 430–439.

УДК 008
ББК Ч14.1

Мариям Равильевна Арпентьева,
*Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия*

**Транскультурализм и мультикультурализм: поиски
идентичности мигрантов и номад в приграничье**

В статье анализируется вопрос поликультурных (мультикультурных) сообществ и сообществ, возникающих и исчезающих на границах различных этноконфессиональных и иных групп и субгрупп. Рассматривается проблема идентичности в рамках приграничья. Выделяются две основные модели отношений общества и государства: этатический легизм как мультикультурализм и юснатурализм как транскультурализм.

Ключевые слова: транскультурализм, мультикультурализм, культура, приграничье, миграция, мигранты

Mariyam R. Arpentieva,
*Kaluga State University K. E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russia*

**Transculturalism and Multiculturalism: the Search for Identity
Migrant and Nomad in the Borderlands**

The article examines the issue of multicultural (multicultural) communities, appearing and disappearing at the borders of different ethnic, religious and other groups and subgroups. Discusses the problem of identity in the framework of the borderland. There are two main models of relations between society and the state: etaticheskogo legalism as multiculturalism and jus naturale as transculturalism.

Keywords: transculturalism, multiculturalism, culture, borders, migration, migrants

В мире поликультурных (мультикультурных) сообществ и сообществ, возникающих и исчезающих на границах различных этноконфессиональных и иных групп и субгрупп, эта-

тизм и персонализм проявляются в выборе модели отношений между ними, а также в особенностях формирования и реформирования идентичности ленов этих групп. Мультикульту-

ральность способствует либо становлению и развитию транскультурной субъектности и гибридной идентичности, признающей свободу человека и задающей признание человеком важности всего сущего, важности сообщества и его естественных прав и обязанностей, или десоциализации, отказу от культурной идентичности, а также промежуточным формам транскультурной социализации в виде лоскутной или маргинальной идентичности, которые пестуются разными типами мультикультуральных доктрин, государством, акцентирующем права и игнорирующем обязанности одних групп по сравнению с другими – как перед этими другими, так и перед самими собой. Под идентичностью обычно понимается система более или менее осознанных переживаний личностью тождества с собой – *личностная идентичность*, и своей принадлежности к той или иной группе, воспринимаемой исторически непрерывной и пространственно целостной, – социальная идентичность [16]. Идентичность человека и/или группы предполагает уникальность и непохожесть; непрерывность и целостность; включённость/близость; подтверждение бытия и значимости человека другими людьми через принятие, внимание и уважение. В ситуации вынужденной или добровольной миграции или кочевничества все эти черты оказываются изменёнными. Особенно болезненны вопросы неподтверждённости, возникающей по месту прибытия. Игнорирование мигрантов новой средой воспринимается теми как непризнание самого их бытия, небрежение – как отрицание значимости их личности и идентичности, непринятие – как тотальное отвержение той и другой. Но в случае «кочевников» проблема неподтверждённости извне отступает на задний план, вперёд выходит своеобразие их личностной и социальной идентичности.

Особенности личностной и социальной идентичности выражаются в специфике межличностных отношений мигрантов. «Личностная идентичность» и «межличностные отношения» отражают меру принятия и понимания человеком себя и мира, степень гармоничности отношения индивида и/или группы к себе и к другим людям, в том числе в контексте мультикультурных отношений, то есть – гармоничности социализации человека. Ведь сообщества, в которых и между которыми «кочуют» мигранты, в большинстве случаев – мультикультурные. Это создаёт как иллюзию лёгкости перехода из одной культуры в другую, так и противоречия и дисгармонии в идентичности. Наиболее явно дисгармонии обнаруживаются

в сфере межличностных отношений мигрантов, следовательно, в их социальной идентичности, а закрепляются – в их личностной идентичности. Пребывающий в постоянном, вынужденном или добровольном движении мигрант – «гражданин мира» или «человек без корней» – одна из загадочных реалий современного мира. «Кочевники» и мигранты часто живут под множеством «флагов»: множественность идентификаций помогает им интернационализировать все аспекты их жизни, тем самым – обогатить её, повысить её качество. Вещный минимализм они сочетают с «жизнью по своим правилам», так достигая – рассчитывая достичь – идеала, в том числе – идеала свободы и гармонии [8; 28; 29; 33; 36; 38]. Однако такой минимализм может быть вынужденным и временным: люди стремятся в целом к большей определённости и стабильности отношений с собой и миром.

Мультикультуральность, миграции и кочевничество – одно из проявлений детерриториализации и «денационализации», потери культурной идентичности, ведущей к десоциализации или к формированию транскультурной идентичности (субъектности) [6; 14; 26], он произведен от эпохи «текущей современности» [20]. Эпохи, в которую мы живём, и в которой и самое частное больше не является полностью личным, равно как и национальным, прочно связанным с определённой территорией и народом, их культурой [37]. Мало того, что мы становимся «свидетелями реванша кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости» [3]. Фактически люди подвергаются деиндивидуализации. Лишённая стабильных духовно-нравственных основ идентичность неустойчива, номадизм становится одним из результатов этих метаний. Исследователи отмечают, что «принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы»» [9; 10; 11; 15, с. 1]: представители разных культур меньшинства и большинства так или иначе признают свою собственную этническую гибридность как данность, иницирующую силу и власть, и ищут пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый, действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения или ассимиляции, которая идёт параллельно с процессом зарождения нового, «гибридного». У субъекта мультикультурного контакта – переходная (двойственная, «гибридизированная») идентичность. В ней отражается диалектика оппозиций «общность – необщность» с той или иной группой людей, той или иной нацией, ре-

лигией, профессией, «принадлежность – непринадлежность» к ним [7, с. 84]. Особенно трудно процесс мультикультурного взаимодействия протекает там, где нация и её идентичность длительное время подвергались масштабному игнорированию, где их бытие было скорее «инобытием». В такой ситуации формируется идентичность, лишённая нравственных опор, живущая ощущением тотального преследования. Переживание преследования и связанное с ним «бегство» от реальности, от себя (своего) и от других (чужого), т. е. от реальных отношений с собой и миром всегда было одним из симптомов идентичности «человека без корней». Напротив, человек с корнями, хотя и нуждается в автономности, периодически пересматривает свою идентичность и принадлежность, реинтегрируясь в общество на тех или иных основаниях, направлен именно на реальность, стремится к глубоким и разносторонним отношениям с собой и миром [16]. Наличие таких отношений – критерий социально-психологического здоровья, отсутствие – нарушений разной степени интенсивности и обширности. Обсуждаемые способы решения вопроса о формировании и развитии идентичности мигрантов и номад как индивидов и членов группы отражают старый спор между «либералами» и «коммунитаристами» о приоритетности и соотношении личной свободы и социальной принадлежности, этатизма и персонализма. Либералы, персоналисты утверждают, что индивид может свободно определять своё собственное понимание жизни, ибо разделяемый ими принцип примата личности над общностью предполагает, что если индивиды не видят необходимости сохранять существующие культурные традиции и практики, то общность не обладает правом препятствовать их модификации или вообще отказу от них. Коммунитаристы, этатисты же убеждены, что личность встроена (*embedded*) в систему социальных отношений: человек наследует тот или иной образ жизни, он – результат социальных практик, а приоритет личной свободы ведёт к разрушению общества [13; 21; 22; 30; 31]. На наш взгляд, более продуктивен подход С. Бенхабиб, которая ситуацию культурного плюрализма, поддерживающего, в частности, и феномен цифрового номадизма, определяет как наличие «радикального», «локутного», «мозаичного» мультикультурализма [4, с. 9]. В борьбе разных групп за существование и развитие прослеживаются стремление к разнообразию и отвержение дискриминации и/или неравенства, эгалитаризм и властные амбиции, саморефлексия и индивидуализа-

ция, признание ценности предписываемой группе негативной идентичности и желание её реабилитировать [1]. В то же время, вероятен иной вариант эволюции мигрантов и кочевников, их идентичности – вариант «сдержанной интеграции». А. И. Куропятник описывает его как «балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст» [12, с. 85].

Мультикультурализм как концепция построения отношений между нациями, культурами и государствами стал третьей влиятельной моделью решения проблем, связанных с культурной, расовой и этнической разнородностью государств. Мультикультурализм обычно противопоставляется концепции унификации или «плавильного котла» (*melting pot*), который предполагает слияние всех культур в одну [9]. Однако более точной и этически корректной признана четвёртая концепция м–«салатницы», её акцентом о важности как на транскультурных, так и специфических для каждой культуры аспектов. Первой моделью является ассимиляция: поглощение меньшинств в более широкой, доминирующей культурной и этнической общности. В таких странах мультикультурная политика представляется опасной, поскольку способна привести к фрагментации общества на множество культурно специфичных этнических и религиозных сообществ. Вторая модель основана на интеграции – сохранении каждой этнокультурной общностью своей идентичности в рамках частной жизни (так, Германия выступала за «мультикультурную демократию», опираясь на идеи Ж.-Ж. Руссо.). Культурные, этнические, религиозные и другие аспекты – частное дело отдельного человека. Все эти концепции отражают реальные процессы в сфере миграции и её изучения. Например, в соответствии с предложенной У. Бекон «контейнерной теорией общества» (*the container theory of society*), общества, называемые «национальными», основаны на государственном контроле над занимаемыми этнокультурной группой «большинства» территориями. Внутренняя однородность обществ – результат такого государственного контроля: всевозможные социальные практики тиражируются и стандартизируются государством, которое идентифицирует их как «национальные», превращая территорию в «накопитель» (*container*), внутри которого систематически фиксируются различные статистические показатели: категории государственного учёта, бюрократии, становятся категориями науки [21; 31].

Однако, этому представлению нанесён существенный урон: с середины XX века наблюдается, по выражению Э. Смита, «этническое возрождение» (*ethnic revival*), или подъём этнонационализма как деколонизации, борьбы с экономической, социальной и политической дискриминацией мигрантов и на рубеже веков – утверждение нациями собственного существования и культуры, вопреки тенденциям глобализации, декларация «нестираемых различий» и требование их публичного признания странами и миром в целом. В борьбе наций за признание смешались три больших тенденции: стремление к разнообразию и борьба против дискриминации или неравенства, саморефлексия и индивидуализация, признание ценности и желание реабилитировать негативную идентичность, эгалитаризм и властные амбиции народов [39; 40; 31]. Миграционные потоки, размывая этническую и религиозную однородность того или иного государства, формируют в пределах его территории очаги различных культур: происходит «колонизация наоборот» и самогеттоизация [13; 31].

Мультикультурализм возник как комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препонов в административной карьере и т. д. [1; 5; 31]. Он этатичен и служит интересам государства, но не общества. Его цель – стереть «иное» с повестки дня, пусть и ценой временного, парциального ущемления «своего».

«В транскulturации “иное” не просто видимо, но и рассматривается не как препятствие, а как самостоятельный субъект, общение с которым может происходить только на подлинно паритетных условиях». При этом, «...в отличие от мультикультурализма, строящегося по-прежнему на западной игре со временем и игнорировании пространства, транскulturация смело развоплощает эту модель и реабилитирует пространство и субъектность “иного”, ставя под сомнение сами изобретённые в западноевропейской культуре понятия модерности и традиции и выступая за реальный диалог равных культур в настоящем» [14, с. 126, 143]. Транскulturальная идентичность выступает как результат эгалитарного культурного взаимодействия, она скорее гибридна, чем маргинальна, скорее це-

лостна, чем лоскутна. Транскulturация, согласно Ф. Ортису [34], «прославляет самознание периферии, точку схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текущие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» [25, с. XLI]. Она формирует своеобразное двойное сознание, существующее между мирами и культурами, в пограничье – “la frontera”, в котором сталкиваются, смыкаются и перетекают друг в друга сущности и смыслы [18]. Идентичности «пограничья», которые воссоздает Г. Ансальдуа, основаны на понимании «иного» как самостоятельного голоса: «Пограничье – неопределённое и расплывчатое место, возникающее в результате... реакции на неестественную, навязанную кем-то границу. Оно в постоянном состоянии метаморфозы и его населяют отверженные и объявленные вне закона» [18, с. 3, I–II]. Человек с такой идентичностью – «метис» – «Mestiza выживает путем культивирования в себе терпимости к противоречиям и неоднозначности. Его личность плюралистична и действует в плюралистичном мире – ничто не отвергается – ни плохое, ни хорошее, ни уродливое, ничто не исключается и не выбрасывается. Он не только сохраняет противоречия, он переводит амбивалентность в иное качество» [18, с. 79].

Ведущие модусы отношений, структурирующие сознание/идентичность мигрантов и номад – антитезы свободы и зависимости, близости и отчуждения, труда и отдыха, новизны и привычности, развития и стагнации. С их помощью можно и далее подразделять «кочевников»: на зависимых/дезинтегрированных и свободных/интегрированных; на включённых и отчуждённых; на строящих бизнес и улучшающих профессиональные навыки и просто странствующих и отдыхающих; на жаждущих новизны и уставших от неё, на стремящихся к развитию или к стабильности («назад к корням»). Либо – пассивно «зависающих» между этими категориями в неудовольствии от мира и от самих себя. Ещё одна типология выстраивается по критерию различий в функции, предписываемой пространству «кочевниками». По этому критерию выделяются такие типы номадизма и миграций: 1) «беженство», когда человек перемещается, чтобы уйти из мира обязательств и травм; 2) «туризм» с целью структурирования времени и пространства жизнедеятельности; 3) «путешествие» в мир иных смыслов, за самим собой и гармонией своего мира, развитие; 4) «захваты» новых территорий, в первую

очередь мест, где «не ступала нога человека», и мест, «похожих на рай», борьба за ресурсы и выживание.

На путях поиска модели отношений общества и государства выделяются две основные модели: этатический легизм как мультикультурализм и юснатурализм как транскультура-

лизм. Первая работает непродолжительное время успешно, в перспективе приводя к нарастанию социальной напряжённости, десоциализации и т. д. Вторая – важный компонент решения межнациональных, межгрупповых, межличностных и внутриличностных проблем мигрантов и номад.

Источники и литература

1. **Арпентьева М. Р.** Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании // Представительная власть – XXI век. – 2014. – № 7–8. – С. 59–65.
2. **Бард А., Зодерквист Я.** Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
3. **Бауман З.** Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
4. **Бенхабиб С.** Притязания культуры. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
5. **Головкина О. В.** Канадский мультикультурализм как основа национальной идентичности Канады // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 44–54.
6. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2000. – 895 с.
7. **Касавин И. Т.** «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. – № 7. – С. 74–84.
8. **Кужелева-Саган И. П.** Общество-Сеть. Эволюция представлений: концепции, образы, метафоры // Wolkenkuckucksheim. Воздушный замок. Международный журнал по теории архитектуры. – 2014. – № 32. – Р. 29–42.
9. **Ле Коадик Р.** Мультикультурализм // Диалоги об идентичности и мультикультурализме / под ред. Е. И. Филипповой, Р. Ле Коадика. – М.: ИАЭ РАН: Наука, 2005. – С. 78–104.
10. **Минигалиева М. Р.** Толерантность и мультикультурализм. – Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012. – 332 с.
11. **Носова С. С., Кужелева-Саган И. П.** Молодёжь в сетевом информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы // Сибирский психологический журнал. – 2013. – № 49. – С. 85–96.
12. **Русских Л. В.** Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник Южно-Уральского ГУ. Сер. Социол.-гум. науки. – 2014. – № 2. – С. 85–89.
13. **Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Шайгерова Л. А.** Принципы формирования толерантности и управления рисками ксенофобии // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 60–79.
14. **Тлостанова М. В.** От философии мультикультурализма к философии транскультурации. – М.: РУДН, 2008. – 251 с.
15. **Толкачёв С. П.** Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // ИГП «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 1.
16. **Эриксон Э.** Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
17. **Aguinis H., Lawal S. O.** ELancing: A Review and Research Agenda for Bridging the Science-Practice Gap // Human Resource Management Review. – 2013. – Vol. 23, iss. 1. – P. 6–17.
18. **Anzaldúa G.** Borderlands/La Frontera: The New Mestiza. – San-Francisco: Spinsters/Aunt Lute, 2012. – 312 p.
19. **Barley S. R., Kunda G.** Contracting: A New Form of Professional Practice // The Academy of Management Perspectives. – 2006. – Vol. 20, No. 1. – P. 45–66.
20. **Bauman Z.** Liquid Modernity. – Cambridge: Polity, 2000. – 224 p.
21. **Beck U.** What is Globalization? – Cambridge (UK): Polity Press, 2000.
22. **Berry J. W., Pleasants M.** Ethnic Tolerance in Plural Societies // International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. – Potsdam, 1984.
23. **Boden D.** Worlds in action: information, instantaneity and global futures trading // The Risk Society and Beyond / B. Adam, U. Beck, J. van Loon (eds). – London: Sage, 2000. – 240 p.
24. **Boden D., Molotch H.** The compulsion to proximity // Nowhere. Space, time and modernity / R. Friedland, D. Boden (eds). – Berkeley: University of California Press, 1994. – P. 257–286.
25. **Coronil F.** Transculturation and the Politics of Theory: Countering the Center, Cuban Counterpoint // Introduction to: Ortiz, F. Cuban Counterpoint. – Durham, N. C.: Duke Univ. Press, 1995. – P. I–XLI.
26. **Deleuze G., Guattari F.** Nomadology: The War Machine / Trans. by B. Massumi. – New York: Semiotext(e), 1986. – 629 p.
27. **Fernández V. A.** Nomadismos contemporáneos: formas tecnoculturales de la globalización. – Murcia: Universidad de Murcia, Servicio de publicaciones, 2010. – 160 p.
28. **Gusseklou A., Jacobs E.** Digital Nomads: How to Live, Work and Play around the World. – New York: Location-Independent Publishers, 2016. – 280 p.

29. **Howe N., Strauss W.** Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York: Quill William Morrow, 1991. – 544 p.
30. **Kymlicka W.** Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 374 p.
31. **Le Coadic R.** Multiculturalism / отв. ред. Е. Филиппова и Р. Ле Коадик // Débats sur l'identité et le multiculturalisme. – М.: ИЭА РАН, Наука, 2005. – P. 78–104, 126–149.
32. **Makimoto T., Manners D.** Digital Nomad. – Chichester: John Wiley, 1997. – 256 p.
33. **McLuhan M.** Understanding Media: (Routledge Classics). – Milton Park: Routledge, 2001. – 400 p.
34. **Ortiz F.** Cuban Counterpoint. – Durham, N. C.: Duke University Press, 1995, Durham, N. C.: Knopf, 2012. – 408 p.
35. **Osnowitz D.** Managing Time in Domestic Space Home-Based Contractors and Household Work // Gender & Society. – 2005. – Vol. 19, No. 1. – P. 83–103.
36. **Peters J. D.** Exile, nomadism, and diaspora / H. Naficy (ed.) // Home, exile, homeland. – New York: Routledge, 1999. – P. 17–41.
37. **Putnam R.** Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster, 2001. – 544 p.
38. **Sisson N.** The Suitcase Entrepreneur: Create freedom in business and adventure in life. – New York: Tonawhai Press, 2013. – 314 p.
39. **Smith A. D.** The Ethnic Revival in the Modern World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 240 p.
40. **Smith A. D.** Chosen Peoples. Sacred Sources of National Identity. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 350 p.
41. **Urry J.** Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. – London and New York: Routledge, 2000. – IX. – 255 p.

УДК 94:314.15(518)

ББК ТЗ(2)622,14:60.7(5Кит2)

Сергей Владимирович Карасёв,

*Иркутский Национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Россия*

Русская Маньчжурия. Год 1945

В статье рассматриваются вопросы отношения русской эмиграции в Маньчжурии к событиям советско-японской войны 1945 года. Отмечено, что крупная группа русских проживала в районе Трёхречья, в меньшем числе – по восточной линии КВЖД, ст. Пограничная, в западных районах Маньчжурии русские в основном были представлены забайкальскими казаками. Автор предполагает возможность существования в Маньчжурии подпольного центра, в результате деятельности которого произошел рост антияпонского настроения как среди русского населения, так и у представителей других национальностей. Исследование проводилось на базе материалов, находящихся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Маньчжурия, русские, советская власть, эмиграция

Sergey V. Karasyov,

*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia*

Russian Manchuria. The year 1945

The article discusses the attitude of the Russian emigration in Manchuria to the Soviet-Japanese war 1945. Noted that a large group of Russians lived in the district of three rivers, in a smaller number on the East line of KVZHD, article Border, in Western Manchuria the Russians were mainly represented by the Transbaikalian Cossacks. The author suggests the possibility of the existence in Manchuria of the underground center, the result of which has seen an increase in anti-Japanese sentiment

among the Russian population and other nationalities. The study was conducted on the basis of information stored in the Central archive of the Ministry of defence of the Russian Federation.

Keywords: emigration, Manchuria, Russians, the Soviet government, the World War II

Оказавшись волей судьбы на территории Маньчжурии, русские не могли оставаться здесь просто разрозненной массой. Осевшая здесь после Гражданской войны часть русских активно взаимодействовала с другой частью, которая появилась здесь ещё до Революции 1917 года. Но именно общий фундамент культурных и исторических ценностей не позволял этим людям отойти от своих национальных идей. Вот именно эта многочисленная русская эмиграция была разделена советско-японской войной 1945 года.

Первоначально русская эмиграция в Маньчжурии была объединена одной идеей – ненавистью к советским порядкам. Бежав из СССР, одна её часть была обижена на то, что новая власть России лишила их положения в обществе, власти, денег, будущего, другая – на то, что их попытки получить всё это на волне «ура-патриотизма» не увенчались успехом, третья – на несправедливые действия со стороны новой власти. Были и те, кто просто не хотел перемен и переезд назад в СССР явился бы сильным психологическим потрясением. Однако с течением времени взгляды эмигрантов на советскую власть менялись, уже не было такого единства в отрицании всего, что происходило в СССР, но оставалось одно общее чувство страха, состояние неопределённости перед переменами, которые вошли в жизнь эмигрантов вместе с советскими войсками, пришедшими в Маньчжурию и Китай. С началом Великой Отечественной войны отношение русской эмиграции к политике Советского Союза ещё больше разделилось. Немалую помощь в этом оказали японские власти, которым русские вообще были обузой. Недоверие японцев к русским подтверждает расформирование русских военизированных формирований, на участие которых в вооружённых действиях против СССР они первоначально делали ставки.

В работе с русской эмиграцией был найден верный рычаг воздействия на эту категорию жителей Маньчжурии – национальная гордость, принадлежность к народу, победившему в страшной борьбе с фашистской Германией.

На август 1945 года ГРУ ГШКА не располагало точными данными о количестве русских в Маньчжурии. Было известно только, что там находилось около 72 000 русских [1, л. 39].

В западных районах Маньчжурии русские в основном были представлены забайкальскими казаками. Часть бывших советских подданных в районе Трёхречья приняли японское или маньчжурское подданство [1, л. 40–41].

Центром сосредоточения русских в Маньчжурии являлся Харбин. Кроме этого, русские проживали вдоль западной линии КВЖД в городах и посёлках: Маньчжурия, Хайлар, Бухэду, Мяньюхэ и др. [1, л. 41–42].

Крупная группа русских проживала в районе Трёхречья, в меньшем числе – по восточной линии КВЖД, ст. Пограничная. В Маньчжурии русские в основном занимались сельским хозяйством. Такое явление отмечалось, прежде всего, в районе Трёхречья (численность русских казаков в этом районе от числа коренных жителей составляла от 75 до 90 %). Остальное русское население в Маньчжурии было занято на службе в торгово-промышленных предприятиях, владело мелкими торговыми заведениями, занималось ремеслом, служило в полиции и других государственных и торговых японских и маньчжурских учреждениях. Значительная часть русских эмигрантов совершенно деклассировалась (не имела постоянной работы и профессии) [1, л. 42–43].

Органом управления белой эмиграции в Маньчжурии являлось Главное Бюро по делам русской эмиграции в Маньчжурской империи. Главное Бюро имело свои филиалы во всех местах наибольшего сосредоточения русских эмигрантов. Так, в Хайларе русской эмиграцией руководил А. П. Бакшеев, в Маньчжурии – С. Безобразов (под его началом находилось свыше 2000 эмигрантов). Бюро по делам русской эмиграции в Якэши возглавлял атаман Новиков, в Трёхречье – Сергеев. Он имел 16 своих представителей по всем посёлкам этого района (Верхние Кэли, Верхняя Урга, Драгоценка, Дубовое, Ключевое, Лезарин, Покровка и др.) [1, л. 44–47].

Весьма интересно было построение руководства белой эмиграции. Например, в Маньчжурии был разбит на 10 кварталов. Во главе каждого квартала стоял назначенный руководитель, который в полном объёме отвечал за состояние работы со своими «подчинёнными» [1, л. 45].

Все белоэмигрантские организации создавались по национальному принципу. Так, име-

лись армянские, тюрко-татарские, еврейские, украинские и другие духовные общины. Кроме этого, существовал ряд объединений по роду занятий – союз аптекарей, союз служащих, союз чаеразвесчиков, а также различные партии вроде Трудовой крестьянской партии, Союза русских монархистов [1, л. 51]. Существовал Союз казаков, руководимый А. П. Бакшеевым. Одним из инициаторов создания этого Союза являлся Г. М. Семенов [1, л. 53].

Значительная часть русского населения в Маньчжоу-Го как была, так и осталась враждебно настроенной к СССР, но для старожилов и молодых был характерен рост симпатии к Советскому Союзу, у них особо проявлялось желание выехать на родину. После изменения отношения советского правительства к вопросам православной религии, создания святейшего синода, избрания Патриарха Всея Руси духовенство в Маньчжурии чётко определило свой поворот в сторону России [1, л. 63]. Митрополит Милетий не разрешил японским властям снимать колокола с церковей для последующей переплавки. Газета «Тайдун Жибао» (на китайском языке) 6 сентября 1943 года писала: «Состав русского населения в Маньчжурии весьма сложен, к тому его отношение к Советской России необычайно загадочно. Отрицательной чертой русских в Маньчжурии является то, что они не прониклись должным образом идеями, господствующими в Маньчжурии» [1, л. 66].

Советские войска район Трёхречья заняли 9 августа 1945 года. Местные жители (белоэмигранты) бежали в сопки. Например, в посёлке Шанцунь, где проживало 100 русских, осталось всего 3 чел. А в посёлке Драгоценка, наоборот, прошло собрание местных жителей, на котором присутствовало 300 чел. [1, л. 155].

Общий уровень отношения к Красной армии со стороны местных жителей был лояльный, но настороженный [1, л. 78–80]. По поводу прихода частей Красной армии в Маньчжурию у большинства русского населения искренней радости не чувствовалось. «Одни боялись расплаты за прошлое, другие были напуганы японской пропагандой», – так писал в своём отчёте представитель 7-го отдела Политического управления Забайкальского фронта майор Кара Мурза [1, л. 84–85]. Далее он отмечал, что в Маньчжурии с населением в 8000 чел. русских было около 2000 чел. Они встретили Красную армию сдержанно. Отмечались случаи участия русских в диверсионных актах. «По поводу нашего прихода у большинства русского населения искренней радости не чувствуется» [1, л. 81–84].

При проведении бесед русское население активно интересовалось жизнью в Советском

Союзе и планами командования РККА на территории Маньчжурии. Среди наиболее часто задаваемых вопросов были:

– Можно ли избрать органы советской власти на местах?

– Будет ли разрешена частная торговля?

– Можно ли вступить в ряды Красной армии?

– Правда ли, что в СССР нет одежды и промышленных товаров?

– Что будет с теми, кто в 1927–1932 годах нелегально покинул пределы СССР?

– Почему советских людей называют большевиками?

– Как живут крестьяне в колхозах [1, л. 112]?

Сборы в фонд обороны СССР, пожертвования среди духовенства, молебны во славу русского оружия, многочисленные просьбы о принятии в советское подданство – таковы наиболее яркие проявления роста симпатий русских эмигрантов к Советскому Союзу.

В результате изучения документов сложилось впечатление, что в Маньчжурии существовал подпольный центр, в результате деятельности которого произошёл рост антияпонского настроения, как среди русского населения, так и у представителей других национальностей. Радиостанция «Отчизна» вела регулярную антияпонскую и, конечно, антибелогвардейскую пропаганду среди населения Маньчжурии. Её передачи призывали к активной борьбе с японцами и лидерами белой эмиграции [1, л. 131]. Данных о том, что руководство подпольным центром осуществлялось советской стороной, обнаружить не удалось, но по объёму и содержанию разведывательной информации, которой располагал Советский Союз к 9 августа 1945 года, можно предположить, что это было не без его участия.

Встречая Красную армию, русские эмигранты старших возрастов надели Георгиевские кресты, полученные за героизм, проявленный в ходе русско-японской войны 1905 года. Они видели, что Красная армия уважает людей, боровшихся раньше за Родину, и не преследует людей, имевших царские награды. Однако уровень общего настроения можно определить как сдержанный. Люди с выжиданием наблюдали за развитием событий. Только небольшая часть проявляла активность, стараясь этим или искренне помочь Красной армии, или желая своей помощью вызвать благожелательное отношение к себе. Так, например, сразу после вступления частей Красной армии в Хайлар заведующий складом оружия белорусской эмиграции Муравьев до-

бровольно явился к командованию 94-й стрелковой дивизии и сдал всё оружие [1, л. 86]. Эмигрант Попов указал место, где проходил подземный кабель, связывающий город с УРом. Другой русский эмигрант – инженер – объяснил систему электроосвещения этого УРа, в строительстве которого он принимал личное участие. Девушка и парень, знавшие китайский и японский языки, предложили свои услуги переводчиков, и после всесторонней проверки использовались разведывательным отделом [1, л. 87]. Одна женщина по доброй воле сдала коменданту Хайлара 1200 руб. золотом в фонд победы. Трое местных жителей Хайлара – Исакин с 16-летним сыном и приятелем сына – прибыли в одну из частей Красной армии с просьбой выдать им оружие для того, чтобы драться с японцами. После их изучения оружие им было выдано, они воевали против японцев. В дальнейшем в одном из боев Исакин был убит [1, л. 87].

Текст одной из листовок, обращённых к русским эмигрантам, гласил: «Настал момент, когда вы вновь можете обрести Родину, стать полноправными членами великой семьи русского народа. Даже те из вас, кто вольно или невольно изменил Родине, могут сейчас искупить свою вину и заслужить прощение своего народа. Подымайтесь на борьбу против врагов России – японских милитаристов! Организуйтесь в партизанские отряды и громите тыл и коммуникации японцев» [2, л. 93–94].

При прохождении населённых пунктов подразделениями 6-й гвардейской танковой армии русское население встречало бойцов Красной армии в основном с положительными эмоциями. В первый же день появления РККА на территории Маньчжурии почти все мужчины и подростки, не занятые работой, пришли к командирам советских частей с предложением поработать в качестве переводчиков, проводников, шофёров. Вообще русские эмигранты проявляли большой интерес к Советской России, задавали много вопросов советским военнослужащим, касающихся различных сторон жизни в СССР. Они признавались, что в начале войны с Германией большая часть русских эмигрантов предполагала, что Гитлер победит и в России начнет существовать новая форма власти [1, л. 89]. В конце 1942 года, в период поражения немецких войск под Сталинградом, среди русских эмигрантов резко выросло антифашистские настроения, что вызвало волну

репрессий со стороны японцев. Как только части Красной армии пересекли границу Маньчжурии, глава христианской церкви Мукденского прихода отец Приходько выразил желание отслужить молебен по поводу победы Красной армии над японцами. Местное бюро русских эмигрантов в Мукдене при японцах активно занималось антисоветской пропагандой. Однако в это бюро приходилось записываться всем русским эмигрантам, даже тем, которые не были настроены антисоветски. В противном случае они лишались возможности получить хлебные карточки и другие экономические и юридические права. Непосредственно перед войной японцы арестовали практически всех китайцев, знавших русский язык, и русских эмигрантов, ранее состоявших на подозрении как симпатизировавших Советской России [1, л. 90]. Кроме проведения репрессий в отношении русских японцы старались подкупить часть русских эмигрантов, находившихся в привилегированном положении по отношению к остальной массе русских. Например, китайцам хлеб не выдавался совершенно, а русские получали по 400 г на одного человека. Если китаец, русский и японец выполняли одинаковую работу, то китаец получал лишь половину платы по сравнению с японцем, а русский – 75 % [1, л. 93].

Идеологически до конца с японцами осталась лишь совершенно незначительная часть русской эмиграции, крайне реакционная и абсолютно не принимающая политику, проводимую Советском Союзом в Маньчжурии. В целом русская эмиграция в Маньчжурии была рада приходу Красной армии и освобождению от японцев. Однако многие эмигранты хоть и были настроены лояльно, всё же проявляли настороженность и боязнь за свою жизнь, опасались репрессий со стороны советской власти за содеянное ранее – участие в борьбе против советской власти. В этом отношении показателен ответ, как выражение общего мнения, пожилого русского эмигранта на вопрос об отношении к приходу Красной армии в Маньчжурию: «Поживём – увидим» [1, л. 193]. Русская молодёжь опасалась репрессий за антисоветское поведение своих родителей. Но, несмотря на настороженность и проявления чувства страха со стороны эмигрантов, можно отметить, что у русских значительно выросло чувство патриотизма и желание воссоединиться с Родиной.

Источники и литература

1. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). – Ф. 66. – Оп. 3191. – Д. 17.
2. ЦАМО РФ. – Ф. 66. – Оп. 3191. – Д. 26.

УДК 94:341.322.6(571.55)
ББК ТЗ(2)614–361(2Рос-4Чит)

Ирина Григорьевна Куренная,
администрация городского округа «Город Чита»,
г. Чита, Россия

Судьбы членов семьи Лундстрем в период Гражданской войны и политических репрессий в СССР

Статья посвящена судьбам членов семьи музыканта с мировой известностью, лауреата государственной премии РСФСР, народного артиста России Олега Лундстрема. Исследование вписано в контекст довоенной истории СССР с его противоречиями в государственной политике внутри страны, репрессивной системой мер в отношении гражданского населения не только своего государства, но и соотечественников за рубежом.

Ключевые слова: Гражданская война, зверства в отношении населения Сибири и Дальнего Востока, войска США, русское зарубежье, политические репрессии

Irina G. Kurenayay,
The administration of city district “City of Chita”,
Chita, Russia

The Fate of Family Members Lundstrem During the Civil War and Political Repression in the USSR

The article is devoted to the fates of the family members of the musician with world fame, winner of the state prize of Russia, people’s artist of Russia Oleg Lundstrem. The study was written in the context of pre-war history of the Soviet Union with its contradictions in public policy in the country, repressive measures against the civilian population of not only their state but also of compatriots abroad.

Keywords: Civil war, atrocities against the population of Siberia and the Far East, US troops, the Russian foreign countries, political repression

В 1921 году преподаватель читинских гимназий, выпускник физико-математического факультета Петроградского университета, политический деятель (кадет, гласный Читинской городской Думы, председатель Забайкальской Земской управы и член Учредительного собрания ДВР) [2, с. 57] Леонид Францевич Лундстрем с семьёй покидает Читу и выезжает как советский подданный на работу на КВЖД. Вместе с главой семьи в Маньчжурию выехали: жена Галина Петровна, урождённая Валужева и двое малолетних сыновей – Олег (5 лет) и Игорь (4 года) – будущие музыканты, мать жены – Екатерина Константиновна Валужева и её дочь Людмила, родная сестра Леонида Францевича – преподаватель читинских гимназий Елена Францевна Лундстрем и их родная тётя, сестра отца, также педагог – Елена Карловна Лундстрем.

Причина отъезда была более чем серьёзной: продовольственный кризис, материальные трудности, увольнение с работы сестры Елены и страх остаться без средств к существованию, авторитарность большевистских

действий в отношении представителей других политических партий, запрет коммунистами, находящимися на всех ключевых постах, агитации и их запрет иметь свои организации в армии другим партиям, а также бандитизм, процветающий на улицах столицы ДВР не только в ночное, но и дневное время, поскольку город наводнили организованные преступные банды уголовников, хлынувших с ликвидированной Нерчинской каторги.

Семья Лундстремов поселилась на маленькой железнодорожной станции Хондоходзе, а в 1924 году выехала в Харбин, где ранее обосновались сёстры Леонида и Галины Лундстрем. В середине 1930-х годов геополитические события азиатского континента бурно вовлекают семью в очередной кипящий драматический «котёл». Маньчжурия становится под власть Маньчжоу-Го, что сделало невозможным дальнейшую совместную с Советским Союзом эксплуатацию дороги. В марте 1935 года СССР был вынужден продать свой пай КВЖД, Огромные материальные вложения, людские судьбы вместе с инфраструкту-

рой и всем непомерно богатым хозяйством за бесценок перешли к японским марионеткам. На КВЖД – частые провокации и налёты японо-маньчжурских войск. Всё русское, а значит советское, принижается, нивелируется или ломается. Россияне-харбинцы спешно и массово покидают ставший родным этот «русский культурный Ренессанс». В 1936 году задумывает вернуться на родину и Лундстрем. Он понимает всю сложность политической обстановки, страшится за будущее своих сыновей и угрозу их призыва в армию. Он, с его шведской фамилией и корнями, имел реальную возможность получить в Харбине паспорт гражданина Швеции или Финляндии. Но мечта и надежда вернуться в Россию сопровождали его, как и тысячу других русских, все эти годы жизни на чужбине. Его сын, впоследствии известный композитор и дирижёр Олег Лундстрем вспоминал, что на его предложение переехать в Шанхай отец отвечал: «Что мне делать в Шанхае? Я русский патриот. Давайте так, вы поедете работать, а я с матерью вернусь в Россию, устроюсь там» [6].

Леонид Францевич ведёт переписку с научными и образовательными институтами Советского Союза. Он получает приглашение стать доцентом института железнодорожного транспорта в Ростове и покидает Харбин. «Звал с собой мать, но та сказала, что не оставит детей одних. Ничего себе дети! Мы с Игорем были студентами Харбинского политеха. Мне было восемнадцать, Игорю – семнадцать, а наш новоиспечённый джаз-бэнд уже заключил свой первый контракт в Шанхае. Отец пообещал, что как только обживётся в Ростове, получит квартиру, тут же пришлёт нам вызов» [5, с. 57]. В Ростове доцент Леонид Лундстрем всерьёз занимался наукой в области ядерной физики. Он ждал получения квартиры, чтобы перевезти семью. Но, проработав два года, учёный был арестован по делу «кавежединцев» как японский шпион. Арест разрушил всё. Он не дал Лундстрему не только закончить исследования, но и сообщить о произошедшем с ним семье в Шанхай. Галина Петровна, Екатерина Константиновна и сыновья Леонида надолго останутся в неведении. Да и откуда они могли знать, что на родине идут массовые репрессии. Все публикации в печати большая часть советских подданных считала белогвардейской пропагандой. Молодые Лундстремы были верны идеалам комсомольской молодёжи страны Советов. Правда, о культе личности Сталина Олег и Игорь немного узнали в школе, будучи подростками. Но в отличие от школ Советского Союза харбинские ученики учили

историю СССР по другим учебникам, в которые было включено «Завещание Ленина», где вождь не советовал избирать Сталина генсеком ЦК партии [5, с. 56]. Олег Леонидович вспоминал: «Просто он [отец] был нормальным человеком, думал, как, впрочем, и все, что в России не сажают просто так, ни за что. В феврале 1935 года ему прислали направление в железнодорожный институт в Ростове-на-Дону, и он поехал. До сентября 1938-го мы регулярно получали его письма. И вдруг ни единой строчки. Ничего. Ещё до отъезда в Россию отец подхватил ишиас. Естественно, мы подумали, что он там наверняка тяжело болеет, а может быть, даже и умер. Пришлось даже как-то примириться с этой мыслью. Что мы тогда знали о нашей стране? Могли ли себе вообразить, что наш отец, “антисоветчик и пособник мирового империализма”, скончался в советских лагерях от перитонита? Долгие годы на все запросы в Ростовский железнодорожный институт нам отвечали, что Леонид Францевич Лундстрем у них вообще не значится» [5, с. 56].

Разумеется, общественно-политическая деятельность Леонида Францевича в Чите – секретарство в комитете партии кадетов, его «нерусское» происхождение и отъезд из СССР на КВЖД – были только поводом для обвинения. Главным был приказ НКВД № 00593 от 20 сентября 1937 года об аресте всех харбинцев, до которых можно было добраться. Приказ именовался: «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев». Этот вандальный нормативный акт одобрило Политбюро ЦК ВКП(б) и Ежову были окончательно развязаны руки. Двадцать пять тысяч советских граждан Китая, включая бывших соотечественников-эмигрантов, были объявлены шпионами японской разведки. В их число попал и Леонид Лундстрем. В конце 1937 года он будет приговорён к расстрелу, но, как оказалось, расстрелян он не будет, а будет отправлен в лагерь «Ивдель» на севере Свердловской области. Лагерь был организован в непроходимой тайге в почти шестистах километрах от Свердловска. Заключённые валили лес, занимались распиловкой, трелёвкой, погрузкой и сплавом леса по рекам, а также строительством дорог для вывоза леса. В годы войны их насчитывалось более 20 тысяч человек, в то время как в самом Ивделе числилось почти столько же. Это был один из самых страшных лагерей страны, где имели место пытки заключённых, издевательства и голод, от которого погибало большин-

ство узников. «Поначалу лагерный контингент составляли, в основном, так называемые враги народа. Условия, в которых они содержались, пища, которой питались, соответствовали неким лагерным нормам, но не здравому смыслу. Для значительного числа осуждённых эти условия оказались несовместимыми с жизнью» [4]. За сорок лет существования этой «адской мясорубки» сюда было отправлено более полумиллиона человек. Многие из них имели нерусские фамилии. Это были молдаване, поволжские немцы, евреи, а также русские, которых, как везде, было большинство. Только немногие из заключённых, пережив лагерный ад, вернулись домой. В этом числе, увы, Леонида Францевича Лундстрема не было. Он погибнет в 1944 году. Но об этом семья узнает только после смерти вождя народов, и то от случайно встреченного бывшего заключённого, который отбывал срок вместе с Леонидом Францевичем.

Репрессивный молох коснулся судеб не только кавежединцев, но и других членов семьи Лундстремов-читинцев – второй жены деда Олега и Игоря – Франца Карловича – Анны Лундстрем, его дочери Елены – тёти Олега и Игоря, второй родной тёти братьев – Марии Петровны Союзовой (младшей дочери Петра Валуева, которая осталась в Чите), её мужа Виктора Союзова и его брата Михаила.

После смерти мужа Анна Иоакимовна также осталась жить в Чите. В 1931 году она как жена члена партии кадетов Франца-Августа Карловича Лундстрема была арестована. В её доме по улице Енисейской, 40 произвели обыск, а затем осудили на три года. Дальнейшая судьба этой немолодой к тому времени женщины неизвестна.

Елена Францевна пострадала за мужа Павла Александровича Кудрявцева – активного деятеля общественных и политических организаций Харбина. Свою военную карьеру Кудрявцев начал есаулом 1-го казачьего Нерчинского полка. В войне с германцами был контужен и ранен, о его мужестве говорит список наград: ордена Святого Владимира 4-й степени, Станислава 2-й и 3-й степеней, Святой Анны 2-й и 3-й степеней и 4-й степени с надписью «За храбрость». Елена Францевна с мужем вряд ли догадывались о том, что за ними уже давно была слежка. В Главном бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) ещё в 1935 году на неё завели дело, которое занимало 45 страниц. Сразу после окончания Второй мировой войны Кудрявцев был арестован в Шанхае и депортирован в СССР. Получив срок, отбывал его в Ка-

захстане на территории Карагандинской области. В 1954 году было разрешено покинуть Китай и Елене Францевне. Она приехала в Казахстан к мужу в Карлаг, через который прошёл почти миллион заключённых. Детей супруги завести не успели, помешал арест. После реабилитации семья несколько лет жила в Караганде, где Елена Францевна умерла в 1972 году. «Она сохраняла до конца дней лучшие черты истинно русской интеллигентной и благородной женщины», писал один из её учеников, И. Н. Пасынков [3]. В её карагандинской квартире была для репрессированных харбинцев своеобразная «перекладная база». Ни один из них не ушёл от Кудрявцевых без их помощи и участия.

Муж Марии Петровны Валуевой Виктор Союзов оказался неудобным тем, что был в Чите известен в кругах преподавателей и учёных как деятельный член Русского Географического общества и охотовед. Он входил в окружение исследователя, основателя Читинского краеведческого музея А. К. Кузнецова и работал заведующим химико-фармацевтической лабораторией Читинского аптекоуправления. Ему не забыли офицерские погоны и службу в семеновских войсках. Виктор Иванович был взят чекистами в январе 1931 года по делу «краеведов» и приговорён к расстрелу, заменённому позже тремя годами заключения в лагерь. Его отправили в Белморбалтлаг, а после выслали в Новосибирск. В 1937 году вновь арестовали, теперь в лагерях он провёл десять лет [1, л. 102]. О его дальнейшей судьбе было бы мало что известно, если бы читинский исследователь Г. А. Жеребцов не получил ответ на свой запрос от Олега Лундстрема в июле 1995 года. Забегая вперед, приведём это свидетельство: «Уважаемый Геннадий Александрович! – писал маэстро. – Получил Ваше письмо и спешу ответить. О судьбе Виктора Ивановича Союзова я располагаю довольно скудными сведениями, но я ими поделюсь с Вами. Виктор Иванович был женат на одной из дочерей Петра Прокопьевича Валуева – Марии, родной сестре моей матери – Галины Петровны. Со слов Марии Петровны я помню, что в конце 20-х годов или начале 30-х он был репрессирован на пять лет, затем освобождён. В 1937 году он был снова репрессирован и был освобождён в 1947 году. После освобождения они проживали в Ташкенте, но Виктор Иванович был болен непроходимостью сосудов ног. Мы приехали из Китая в Казань в 1947 году, и моя мать, списавшись с сестрой, ездила в Ташкент повидаться с Союзовыми. Виктор Иванович был в плохом состоянии здо-

ровья. А в 1949 году (может быть, в 1950-м?) он скончался, и его вдова переехала к нам в Казань. С тех пор она жила вместе с нами. В 1964 году переехала с нами в Москву и скончалась в 1979 году в возрасте 81 года» [7].

Когда в квартире Союзовых производили обыск, чекистами были изъяты документы и книги, в том числе драгоценная реликвия семьи – томик «Кобзаря», переданный по наследству Петром Валуевым своим дочерям и оставшийся в Чите среди книг большой семейной библиотеки. К сожалению, поиски этой реликвии в недрах архивов ФСБ по Забайкальскому краю не дали никаких результатов. Всё было уничтожено, и уже давно.

Брат Виктора Союзова – Михаил – в 1927 году как бывший белый офицер был лишён избирательных прав и исключён из Русского Географического общества. Годом раньше он также был арестован по делу «краеведов». Союзова приговорили к расстрелу, но заменили его пятилетним заключением в концлагерь. Три года после отбывания срока он жил в Красноярске, но в 1938 году его вновь арестовали и расстреляли как врага народа. Во время следствия, которое в январе и феврале 1931 года вёл начальник отделения ОГПУ по Дальневосточному краю – некто Ярыга, оба брата Союзовых допрашивались параллельно, как и их коллеги по краеведческой работе и музейному делу. Их привозили в «воронку» одного за другим в здание ОГПУ по Амурской улице, в котором до революции находилась одна из первых фешенебельных гостиниц Читы «Акуловское подворье». После выезда из здания органов госбезопасности в нём несколько лет находился областной кукольный театр и общежитие работников культуры города. Читинцы как дань непростой истории здания и по сей день саркастически называют здание «Кошкин дом».

Первые протоколы допросов Союзовых показывают их достаточную уверенность в своей невиновности, но спустя несколько дней ими начинаются оговоры своих соратников, коллег, обоюдно родного брата, а затем и себя. Через месяц Михаил и Виктор не просто оговаривают всю свою предыдущую жизнь, как ненавистники советской власти и борцы с ней, но занимаются настоящим бичеванием – сродни бреду и всевозможным небылицам, что, разумеется, можно делать только под прессингом и страшными пытками. В материалах дела «краеведов» не раз упоминается имя Леонида Лундстрема как «кадета» или «члена Народного собрания» [1, л. 12, 106]. Совершенно очевидно, что останься Леонид Францевич

жить в Чите – сия чаша через десять лет его бы также не миновала. Однако бериевский аппарат в страшный 1937 год найдёт его в другой части страны и уничтожит.

Немногим больше повезло средней из сестёр Валуевых – Людмиле (тете Миле). Она единственная из них смогла встретить старость со своим мужем Константином Владимировичем Похитоновым. Похитонов имел биографию, достойную описания в приключенческом романе. Он происходил из старинной семьи русских интеллигентов, его отец был главным инженером Путиловского завода в Петрограде. Совсем молодым Константин уходит гардемаринном в морское плавание. По прибытии во Владивосток в 1918 году его, как знающего английский язык, определили адъютантом атамана Григория Семенова, который прибыл в морской порт для встречи с генералом Уильямом Сидни Грейвсом, командовавшим американскими оккупационными силами на Дальнем Востоке и в Сибири. Эта встреча во Владивостоке запечатлена на известной фотографии, сделанной американским военным фотографом. Среди американских и белых русских офицеров крайний слева – адъютант Семенова, военный переводчик Константин Похитонов.

Во время его службы всё более известными становятся случаи массовых зверств, производимых казачьими подразделениями Семенова и Калмыкова с мирным населением Забайкалья, Приамурья и Приморья. Генерал Грейвс имеет всю информацию о массовых убийствах в отношении населения, проживаемого на контролируемой территории, осуждает их и занимает позицию невмешательства в боевые действия с большевиками, что вызывает острое неудовольствие союзников и белых казачьих генералов. Продолжая исполнять штабные обязанности, Константин задумывает побег из армии, которая воюет со своим народом. Последней каплей для него стала казнь командующего войсками Забайкальского фронта Сергея Лазо и двух его соратников, членов военного совета – Всеволода Сибирцева и Алексея Луцкого, которых белые казаки-бочкаревы сожгли в топке паровоза у станции Муравьёво-Амурская в мае 1920 года. Похитонов бежал ночью в одном нижнем белье, переплыв Уссури. Без одежды, денег и документов он попал в маньчжурское селение, где был принят и обогрет, затем пробрался в Харбин, устроился на КВЖД и даже получил китайское гражданство. Здесь он познакомился с Людмилой Валуевой. Они поженились. Затем в Чехии, находящейся под про-

текторатом Германии, он устроился на завод автомобилестроения «Шкода», который перешёл на военные рельсы. В 1945 году мощности завода были почти полностью уничтожены англо-американскими бомбардировками. Несмотря на полученное после войны чешское гражданство, Константин Похитонов переехал в Советский Союз. В 1949 году его вызвали в НКВД на допрос. Случай редкий, но ему поверили и отпустили, поскольку Константин Владимирович рассказал о всех своих злоключениях, ничего не скрывая: от службы в семеновских войсках на Дальнем Востоке до работы в Китае и Европе. Полковник

госбезопасности, допрашивавший Похитонова, поблагодарил его за честность, сказав, что о нём сотрудники были и так прекрасно осведомлены. Константин Владимирович умер в середине 1960-х годов.

Так на примере одной семьи можно проследить систему репрессивных мер в отношении своих граждан в масштабе всей страны. После отъезда из Читы большей части семьи Лундстремов пролетит всего полтора десятка лет и ни один из её членов не избежит страшной участи. Каждый из них ощутит на себе горечь потерь и сиротства, тюремной пайки или скитаний по сталинским лагерям.

Источники и литература

1. **Архив Управления ФСБ России по Забайкальскому краю.** – Д. 18060-П. – Л. 1–230.
2. **Василевский В. И.** Революция и Гражданская война в Забайкалье: краткий биографический указатель. – Чита, 1989. – 43 с.
3. **ЗККМ им. А. К. Кузнецова.** Фонд О. Л. Лундстрема. Письмо И. Н. Пасынкова В. В. Перминову.
4. **Качан М. С.** Ивдельлаг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru> (дата обращения: 14.01.2017).
5. **Лундстрем О.** Тогда в Шанхае: интервью / записала М. Соколовская // Огонёк. – 2001. – № 15. – С. 56–59. – (Сер. Славный юбилей).
6. **Лундстрем О.** Земляк: Беседа [Электронный ресурс] / записал М. Дроздов. – Режим доступа: <http://www.russianshanghai.com>. (дата обращения: 14.01.2017).
7. **Частное собрание писем Г. А. Жеребцова.**

РАЗДЕЛ 2. Трансграничье в философском дискурсе (философское направление)

SECTION 2. Border region in the philosophical discourse (philosophical area)

УДК 316.7
ББК С522.6

Татьяна Владимировна Бернюкевич,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

К вопросу об исследовании региональной идентичности в трансграничном социокультурном пространстве

В статье анализируются теоретические и прикладные аспекты рассмотрения региональной идентичности в трансграничном пространстве. Представлены общие и частные (Забайкальский край) характеристики трансграничного социокультурного пространства, выявлены основные методологические подходы к определению региональной идентичности в условиях трансграничья.

Ключевые слова: трансграничное социокультурное пространство, региональная идентичность, конструктивизм, трансграничное позиционирование

Tatiana V. Bernyukevich,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

To the Question about the Study of Regional Identity in Transboundary Socio-Cultural Space

The article analyzes theoretical and applied aspects of the review of regional identity in cross-border space. Public and private (Zabaykalsky kray) characteristics of cross-border socio-cultural environment are presented and the main methodological approaches to the definition of regional identity in the cross-border conditions are identified.

Keywords: cross-border socio-cultural space, regional identity, constructivism, cross-border positioning

Изменения в мире, обусловленные глобализацией и регионализацией, способствуют развитию специфических процессов интеграции субгосударственных регионов и тем самым определяют особенности их развития, связанные с установлением связей с внутренними регионами других стран. Этим определяется формирование трансграничного социокультурного пространства. Трансграничное социокультурное пространство возникает на стыке нескольких культур и находит выражение в

изменении культурных ценностей и особенностях культурной идентичности.

Региональная идентичность в трансграничном пространстве является результатом не только освоения ценностей общенационального, этнического и собственно регионального уровней, но и влияния ценностей культур соседних стран. Происходят социоантропные изменения, связанные с индивидуальной и групповой идентификацией в рамках трансграничного региона как особого типа регионального

пространства, которое охватывает взаимодействующие локальные (прежде всего, этнические) культуры, испытывает воздействие со стороны граничащих с ним стран (особенности этого влияния определяются в значительной степени особенностями непосредственно приграничных регионов этих государств) и включено в национальное социокультурное пространство. В России к регионам такого типа относятся Калининградская область, Дальний Восток, Забайкальский край и другие территориальные образования. Спецификой социокультурного трансграничного пространства Забайкальского края является то, что это зона контакта славянской и восточно-азиатской культур, восточной и западной цивилизации. Так, коренным населением Забайкальского края являются эвенки и буряты, более трёхсот лет на этой территории проживают пришедшие в связи с освоением Сибири Российской империей русские и представители других российских этнических групп. Культура этого края сегодня – это результат взаимодействия этнических культур, исторически принадлежащих к разным культурно-цивилизационным типам и включённых уже более трёх веков в единое российское общенациональное пространство. В то же время в силу геополитических и исторических факторов Забайкалье – это зона непосредственного контакта с монгольской и китайской культурами. Причём китайская культура в настоящее время наиболее активна с точки зрения не только экономического, но и культурного воздействия.

Изучение региональной идентичности в контексте трансграничных процессов актуально как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Анализ особенностей региональной идентичности в ситуации трансграничного социокультурного пространства позволяет выявить и описать сложные механизмы формирования типов идентичности в глобализирующемся и регионализирующемся современном мире и тех социоантропных трансформаций, которые связаны с наложением разных видов социокультурных пространств, образующихся путём взаимодействия глобального и локального, мирового и национального, национального и этнического, различных национальных и этнических пространств между собой.

Рассмотрение региональной идентичности в трансграничном пространстве позволяет актуализировать вопрос о методологических аспектах исследования идентичности. Как известно, к настоящему времени сложились два основных подхода: эссенциалистский (и основанный

на нём примордиалистский) и конструктивистский. Эссенциализм основан на исходном допущении об изначальной сущности (эссенции), предназначении, природы человека и т. п., которой задаётся конкретная идентичность. Сама идентичность вечная, неизменная и непреходящая. Эссенциалистская методология лежит в основе примордиалистских подходов, сторонники которого полагают, что черты идентичности (в основном, речь идёт об этнической идентичности) присущи определённым группам людей изначальным, они традиционны и являются основой социокультурного вектора развития. Часто основой примордиалистских представлений являются квазибиологические или, наоборот, культуроцентристские представления (например, родство по крови или национальный язык). В настоящее время наибольшую популярность имеет конструктивистский подход, который имеет феноменологические основания и позволяет исследователю оперировать эпистемологическими конструктами. В данном подходе изменчивость и устойчивость социокультурных групп в большей степени зависит от социальных взаимодействий и коммуникаций, прагматических и интеракционных характеристик социальной практики (П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Брунер, М. Коул, Р. Рорти) [2]. Рассмотрение вопросов идентичности в трансграничном пространстве позволяет выявить возможности применения этих подходов в отношении сложных социокультурных объектов.

Исследователи обращают внимание на то, что «трансграничное культурное пространство обладает диалектическим континуально-дискретным свойством, проявляющимся на двух уровнях: межэтническом и внутриэтническом. Межэтническое диалектическое континуально-дискретное свойство проявляется: с одной стороны – в целостности (континуальности) культурного пространства, обеспечивающегося культурной диффузией этносов, сопровождающейся ассимиляцией; с другой – в дискретности (прерывистости) культурного пространства, как поиска культурной идентичности этноса, своеобразной реакцией на ассимиляцию» [1, с. 260]. В контексте рассмотрения именно этнической идентичности «поиски культурной идентичности этносами в условиях глобализации и трансграничной интеграции... называют регионализацией. ...Поиск и изменение позиции этноса в культурном пространстве трансграничья можно определить как трансграничное позиционирование культурной идентичности этноса» [1, с. 260–261].

Прикладной аспект проблематики исследования региональной идентичности в услови-

ях трансграничья состоит в выявлении сущности происходящих социокультурных процессов в таком крупном российском регионе, как Забайкальский край. Это является важным для определения возможных направлений социальной и культурной политики на федераль-

ном и региональном уровнях, в которых будет учитываться важный фактор развития Забайкальского края – трансграничное взаимодействие – и его культурные и социоантропные следствия, влияющие на региональную идентичность.

Источники и литература

1. **Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья** / А. Н. Новиков, Д. Б. Сундуева, Т. В. Бернюкевич, М. И. Гомбоева // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер. Социологические науки. – 2013. – № 4. – С. 259–271.
2. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

УДК 316
ББК С59

Дмитрий Анатольевич Крылов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Конструируемое трансграничье: между пустым знаком и реальными действиями

В статье рассматриваются проблемы, связанные с перспективами развития трансграничных территорий. Изменение отношения к периферии, отказ от политики сдерживания во имя метафизического единства позволит регионам стать активными участниками реальной модернизации политической системы и экономики страны. Активная экономическая среда, как считает автор, станет прологом к развитию не только трансграничных территорий, но и страны в целом.

Ключевые слова: трансграничный регион, регионализация пространства, периферия, локальные сообщества, федерализм, автономизация, дискурсивная практика

Dmitry A. Krylov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Design Transchange: Between Blank Sign and Real Actions

The article discusses the problems associated with the prospects of development of border territories. A change of attitude to the periphery, the rejection of the policy of containment in the name of metaphysical unity, will allow regions to become active participants in the real modernization of the political system and the economy. Active economic environment, the author believes, will be a prelude to the development of cross-border territories, but also the country as a whole.

Keywords: cross-border region, regionalization of space, peripherals, local community, federalism, autonomy, discursive practice

Состоятельность тех или иных проектов обеспечивается в основном их приспособленностью к возможным трансформациям, готовностью к перениманию иного, самостоятельностью при принятии ключевых решений. Установка на государственный моноцентризм при

формировании политической, экономической и культурно-социальной целостности снижает возможности собственных территорий на взаимодействие с иными сопредельными территориями. Решение всех мало-мальски значимых вопросов переносится в центр, где под-

держивается курс на сдерживание так называемых сепаратистских настроений или пресечения оппортунизма. Тем самым, налицо направленная деятельность по недопущению появления новых центров влияния в стране и закреплению периферии.

Для России такая практика обернулась тем, что лишь 11 регионов в 2016 году были донорами, тогда как подавляющая масса остальных регионов считаются реципиентами, получающими дотации. Печальная участь постигла и проекты по созданию специальных экономических зон. Результатом стал своеобразный региональный патернализм и собственная экономическая несостоятельность регионов. Среди таких депрессивных регионов оказался, в частности, и Забайкальский край, имеющий непосредственные границы с Монголией и Китайской Народной Республикой.

О необходимости изменения в подходах к пространственным моделям и отхода от моноцентризма ради развития заговорили давно. Сошлёмся на некоторые рассуждения о необходимости учёта ценности полицентрических моделей для современной России [4, с. 6]. Потребность в пространственном развитии до сих пор остаётся лишь общей установкой и основанием для поиска моделей укрупнения регионов. Игнорируется разнообразие и специфика регионов ради функционального упрощения и удобства вертикальной системы управления страной. Мало кто из тех, кто принимает ключевые решения, учитывает издержки подобного упрощения, утраты гибкости и возможности оперативного поиска альтернатив во имя унификации пространства. По мнению Г. Сатарова и его коллег, «очевидно, что рост издержек управления неизбежен по мере роста числа звеньев во властной вертикали. Трагедия в том, что издержки растут существенно быстрее, чем число звеньев (уровней) управления. В результате рост властной вертикали (иерархии) приводит к следующим возможным последствиям. Первое: попытка искоренить оппортунистическое поведение заставляет бросать на контроль и репрессии очень большие ресурсы, что приводит к дефициту ресурсов для реализации тех целей, ради которых это управление создаётся (супердорогое тоталитарное государство). Второе: упрощение управления путём сужения спектра его целей и задач (мобилизационный режим). Третье: властная вертикаль разлагается, и её звенья начинают работать на себя, а не на цели управления (тотальная коррупция)» [3, с. 8]. Одним из проявлений такого пути является новейшее оформление имперской традиции, ко-

торая приводит ситуацию к своему логическому завершению.

Здесь следует оговорить различие в поведении регионов, среди которых особняком будут стоять так называемые «строптивные регионы», требующие к себе особого внимания. С остальными регионами считаются лишь в случае роста социального напряжения на местах. Отсюда проистекает и политика формального федерализма, и принижение ценности периферии.

Вместе с тем, как отмечает А. И. Трейвиш: «Регионализация как триада “низовых” идентичностей, движений и их встречи с “верхами” – объективно-субъективный процесс, спонтанный или регулируемый. Он не только не равен сепаратизму, но не всегда отвергается и государством, даже таким, как СССР» [5, с. 7]. Сам интерес к регионализации имел циклический характер и напоминал, по мнению исследователя, кондратьевские волны.

Сложносоставное никогда не может гарантировать длительной устойчивости, а всё искусственное рано или поздно распадается. Так и в случае с колебаниями от жёсткой централизации к её временному ослаблению, испугу за целостность и возврату к авторитарной вертикали. Опыт СССР как раз продемонстрировал неспособность центральной власти найти иные способы сохранения политического единства, как прямой контроль за деятельностью союзных республик, выполнявших роль тогдашней периферии. Закреплённое на метафизическом уровне единство и идея советской общности создавали иллюзию равного пространства, где проживают разные, но идейно сплочённые народы. При этом региональная политика, где учитывались бы этнические, географические, культурные и экономические различия, выполняла второстепенную роль для поддержания всё того же образа единого цивилизационного поля. Переводя проблему на современный язык, можно сказать, что шёл процесс «внутренней глобализации» или направленной вовнутрь колонизации пространства.

Но если во времена СССР процессы глобализации были связаны с противостоянием двух идейно непримиримых политических блоков, то в современных условиях Россия явно ограничена в своих внешних возможностях, хотя и стремится к продолжению прежнего курса. Отношение к внутреннему пространству также не претерпело существенных изменений. Процесс «внутренней колонизации» продолжается до сих пор [8, с. 108]. Издержками такой колонизации были и остаются процвета-

ние в основном за счёт эксплуатации доступных ресурсов, слабое развитие периферии, обречённой на экстенсивное развитие или деградацию, концентрация материальных ценностей и их финансового эквивалента в столице метрополии, содержание избыточного управленческого аппарата и полицейского корпуса, низкая эффективность региональных властей, отказ от конкуренции, поддержание патерналистских настроений.

Регионализация пространства предполагает пересмотр установки на моноцентризм. Локальные сообщества обладают достаточной энергией для самоорганизации и при отсутствии жёсткого административного контроля со стороны государства способны к самостоятельному определению приоритетных целей и задач. Отметим, что в нашем случае речь идёт о локальных сообществах, проживающих на определённой территории и объединяющих все группы населения с соответствующей самоидентификацией. На фоне большой самоидентификации, принятой в государстве, такая идентификация отражает региональную общность большего и меньшего порядка. Так, понятие «россиянин» является общегосударственной формой идентичности и дополняется этнической принадлежностью, но мы обнаруживаем и иные способы самоидентификации по проживанию в республике, крае или области и месте непосредственного проживания.

Понятно, что контакты со стороны государственной власти с локальными сообществами даже на уровне больших регионов носят формальный и директивный характер. Также имеет место и направленная политика по разрушению внутренних связей и их переориентации на внешние источники политической силы. Тем самым купируется автономная деятельность граждан, групп и сообществ, снижается их активность и потребность в формировании и развитии подсистем политического, экономического и социокультурного участия. Эссенциальные ценности здесь поглощают экзистенциальные запросы на формирование активной социальной среды. Причём провозглашение тех или иных приоритетов в установлении идейного образа государства не равно созданию эффективности самой системы, должной обеспечивать процессы реализации этих образов. Здесь оказывается много имитационного и формального, которое следует рассматривать как «пустое действие».

Отсылка на себя оказывается навязчивой идеей по самореференции, где уже нет другого. Искажение идей и представлений, разрушение и последующая инсценировка смысла

выступает как некое направленное действие по созданию собственного контекста под внешнюю форму. В истории России об этой тенденции писал ещё маркиз де Кюстин, рассуждая о стране видимостей: «Всякому, кто въезжает в пределы Российской империи, первым делом бросается в глаза, что общество, устроенное так, как здесь, пригодно только для здешних жителей: чтобы жить в России, следует быть русским; впрочем, по видимости всё здесь вершится так же, как и в других странах. Но не то – по сути» [2, с. 132].

Избежать этого, как уже было сказано выше, можно при допущении изменения политического порядка, отказа от имитации федерализма. Ведь то, что собой представляет подлинная идея федерализма, связано не с игрой в благопристойную терминологию, а с наполнением смыслом, который и определяет содержание, гарантируя транзит исходной ценностной модели. По мнению американского политолога Даниэла Элазара, «В конечном счёте, политический федерализм призван гарантировать качественное управление, основанное на свободе, или, говоря иными словами, – поддерживать эффективное управление на условиях, которые способствуют свободе партнёров по федеративному торгу. Отчасти это делается посредством ограничения и разделения власти, а отчасти путём предоставления партнёрам по федеральному объединению, будь то индивиды, сообщества или политики, права участвовать в отправлении властных полномочий. Причём за всем этим стоит не желание воспрепятствовать властвованию, но, напротив, стремление сделать управление всеобъемлющим. Сочетание свободы, участия и качественного управления выступает одной из определяющих характеристик федеративной системы» [7].

Игры в укрупнение регионов, внешнее управление или создание больших агломераций, как политика по территориальному переустройству России – далеко не самый лучший путь использования административного конструирования территорий, ведущий к «пустылице пространства»: «Наступление “дикого поля” на обжитое пространство – не угроза, а одно из условий дальнейшего развития страны, под которое будет адаптироваться вся политика. В словаре стратегов появились даже дикие, на взгляд непосвящённого человека, термины, как “пятнистая Россия” и “пустылице пространства”. Попытки остановить вымирание русской провинции, говорят авторы стратегии, входят в острое противоречие со стимулирующей политикой Москвы» [1]. Итог такого

переформатирования страны прямо направлен против её развития и отражает процесс скукоживания государства, не говоря уже о прямом отказе от федерализма. Таким будет итог авторитарной несостоятельности, лишённой плюралистического начала.

Изменение вектора политики – не одномоментное явление, но оно возможно при отказе от жёсткого контроля из самодержавного центра и создания благоприятных условий на первых порах в приграничных территориях. Испуг от распада СССР надо лечить, а не переносить на «грядущий распад» России, который неминуемо должен произойти в случае ослабления центральной власти. Ведь речь идёт о перераспределении ролей и растяжении сети власти. Формирование активной социальной среды явно проблематично при директивных методах управления и постоянном требовании отчётов. Так можно создать лишь неэффективную среду из чиновников и фискалов, которые будут отчитываться об успехах и канализировании общественного сознания.

На фоне усиливающихся контактов и связей между соседними государствами трансграничное пространство порождает новые модели развития, актуализируется потребность во взаимодействии. Свободная активность населения позволит сформировать условия по формированию сильных регионов, отвечающих как местным, так и общегосударственным интересам. Дискурсивная практика должна носить активный характер, способствуя расши-

рению сферы коммуникаций. Ведь, если сослаться на идеи Ю. Хабермаса, когда мы признаём суверенность и автономность другого, то нами признаётся его право быть другим. Ибо, «предварительный, обеспеченный культурной гомогенностью фоновый консенсус не нужен, ибо демократически структурированное формирование общественного мнения и политической воли способствует достижению разумного нормативного согласия также и среди чуждых друг другу людей» [6, с. 243].

Автономность играет особую роль в формировании самостоятельности и реализации принципов практического разума, который исключает патернализм [6, с. 187]. Экономически активное общество не нуждается в реформах сверху и существует как открытая среда, способная к принятию важных решений самостоятельно, но сохраняющее непосредственную связь с собственной территорией. Обеспечивается необходимый уровень коммуникаций, который в противном случае будет осложнён избыточным внешним контролем и злоупотреблениями. Сказанное не означает отказа от необходимости в упорядочении социальных состояний на региональном уровне для максимизации общественной полезности и роста общественного благосостояния. Но здесь необходима дискуссия о границах такой упорядоченности, чтобы уравновесить различные позиции центра и регионов. Эта дискуссия запустит диалог о качестве трансграничных регионов и времени для необходимых изменений.

Источники и литература

1. **Калинин А.** Пустылище пространства [Электронный ресурс] // Блог Сергея Кара-Мурзы. – Режим доступа: <http://www.ru-kara-murza.livejournal.com/244486.html> (дата обращения: 16.02.2017).
2. **Кюстин А. Де.** Россия в 1839 году: пер. с фр. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
3. **Региональная политика России: адаптация к разнообразию:** аналитический доклад / Г. А. Сатаров [и др.]; под общ. ред. Г. А. Сатарова. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. – 190 с.
4. **Трансграничный регион: понятие, сущность, форма** / науч. ред. П. Я. Бакланов, М. Ю. Шинковский. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 276 с.
5. **Трейвиш А. И.** Регионализация и централизация в России // Региональные исследования (Смоленск). – 2008. – № 5. – С. 3–13.
6. **Хабермас Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории: пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
7. **Элазар Д.** Федерализм как цель и как средство // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 99.
8. **Эткинд А.** Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

УДК 008
ББК Ч103.4

Александр Валентинович Павлов,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия

Трансграничная цивилизация

В статье предлагается вариант осмысления трансграничья как возможной формы сосуществования различных культур и обществ. Соединение множественности и интеграция рассматриваются как закономерный процесс, направленный на длительное формирование общечеловеческой цивилизации, которое должно сопровождаться обоюдной ассимиляцией.

Ключевые слова: трансгранижье, цивилизация, интеграция, ассимиляция, биокультурный процесс, коммуникации

Alexander V. Pavlov,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia

Cross-Border Civilization

The paper proposes a variant interpretation of transgenica as possible forms of coexistence of different cultures and societies. The connection of plurality and integration is considered as a natural process aimed at long shaping human civilization, which must be accompanied by a reciprocal assimilation.

Keywords: Borderlands, civilization, integration, assimilation, bio-cultural process of communication

Размышляя о трансгранижье, важно иметь в виду два исходных тезиса, очевидных с позиций субъекта и его современности.

Первый в том, что любой предмет познания, как бы он ни был абстрактен, пусть через ряд опосредствований, должен быть дан в опыте. В противном случае факт его существования сомнителен, а сам предмет лишается необходимой для верификации устойчивости, его невозможно повторно исследовать и проверить выводы, следовательно, любое заявление о нём является пустой декларацией.

Второй тезис таков: культура как комплекс ценностей, смыслов и значений, организующий и направляющий человеческий опыт и придающий ему характер способа бытия, проявляется не столько во внешнем опыте, сколько во внутреннем, и является своеобразной экзистенциальной эмпирией. В чувственном опыте человеку могут быть даны только знаки и направленная на него сила, обуславливающая ситуативный характер жизни. А экзистенциальный опыт – это не оценка знаков, сил и ситуаций, он спровоцирован ими, возникает по их поводу, но не обязательно им адекватен.

Культура по своей онтологии не объективна, а субъективна, она – индивидуализированная интенция каждого человеческого самобытия, спровоцированная встречными интенция-

ми других людей и формирующаяся по их поводу. А такие индивидуализированные интенции осуществляются только в современности, следовательно, именно здесь и надо искать опыт, который обеспечивает доказанность и устойчивость предметных областей в науках о культуре.

Культура – это пространство символов, ценностей, смыслов и значений, источником которой является Я-субъект, т. е. человек и социум, с которым человек себя идентифицирует, находящийся на ограниченной площадке, а проще говоря, живущий в определённом и довольно узком окружении. Так как людей много и они разные, а площадка ограниченная, между людьми идёт экзистенциальный диалог, провоцирующий их на ответные мысли, чувства и поступки, далеко не всегда адекватные партнёрам по диалогу. Следствием этого является «большая культура», описываемая культурологическими теориями.

Площадка – ограниченное и ясно очерченное локальное пространство, в котором располагаются и действуют Я-субъекты: непосредственные городские условия человеческой жизни, государственные границы, границы культурного региона, корпорации или группы, религиозные, юридические и моральные границы, географические препятствия для пере-

селения, распределение природных ресурсов, в целом ограниченные размеры земного шара и т. д. То есть это границы и географические, и культурографические, и исторические.

С точки зрения философии современности, площадка – это возможная форма бытия Я-субъекта, то есть это пространство, доступное его опыту. Так, например, человек воспринимает своё окружение как пространство, соответствующее его человеческой природе. Имей он другие органы чувств, другую физиологию, культуру, или даже другие размеры, он воспринимал бы другое пространство. А следовательно, среди всех возможных форм своего бытия он способен видеть только некоторые, до других может додумываться лишь гипотетически, а третьи он не в силах воспринимать никаким образом, но они тем не менее существуют и окружают его.

Трансграничье поэтому представляет собою феномен коммуникации между людьми и обществами, живущими на разных площадках, в том числе и однонаправленной коммуникации между Я-субъектами, имеющими разные природы, одна из которых позволяет воспринимать партнёра, а другая – не позволяет. Например, если учёный разглядывает в микроскоп мыслящую бактерию, то он её видит и может целенаправленно воздействовать, а она его не видит, и её воздействие на учёного может быть только спонтанным, учёный может случайно заразиться гриппом, а может и не заразиться.

В коммуникации между народами, принадлежащими к принципиально разным культурам, тоже есть нечто от учёного и микроба. Народы друг друга изучают, но воспринимают и понимают соответственно своим культурам. А значит, кое-что способны понять правильно, кое-что только теоретически, а кое-что вообще не способны ни воспринять, ни понять.

Культур много, они различаются не только у народов, но и у людей, и они доступны для типизации. Отсюда множество разных культур интегрируются в ходе диалога и обоюдных провокаций в одну большую культуру. И проблема эта состоит в том, какие из многочисленных культур человечества способны к интеграции и к созданию общечеловеческой цивилизации – объективированного закона нашего будущего. Эта проблема обусловлена тем, что численность населения земного шара становится чрезмерно большой для существования относительно изолированных и разделённых государственными границами стран. Они будут вминаться друг в друга, вопрос только в том, каким способом: путём интеграции или путём разрушительного конфликта.

Признаком того, что этот процесс уже идёт, является возникновение почти в каждом крупном городе на планете своеобразных инкультурных кварталов, где компактно проживают представители других культур, а значит, и перенос проблемы трансграничья из международных отношений во внутренние. И даже если такие кварталы не возникают, и представители другой культуры живут рассредоточенно, они в силу общения преимущественно друг с другом образуют не квартал, так слой, который тоже вступает в своеобразные трансграничные отношения с местным населением, как с другим слоем. И ранее прочные и ровные отношения в городе, благодаря которым он имел собственное лицо, становятся рваными и отягощёнными непониманием между горожанами и взаимными конфликтами.

Формирование такой трансграничной цивилизации, как этапа в образовании общечеловеческой цивилизации, должно сопровождаться обоюдной ассимиляцией. Но это процесс очень долгий, не одно столетие пройдёт, пока люди на планете из чёрных, красных, жёлтых и белых станут одного приятно-оливкового цвета.

Человек – существо не просто культурное, а биокультурное, его физиология оказывает на него не меньшее влияние, и объективных оснований давить свою физиологию во имя культуры не больше, чем и поступать наоборот. Его физиология детерминирована и генетически, и природно-географической средой, и социальной географией. Можно, конечно, говорить о том, что физиология должна быть окультурена, но какую именно культурой? – Политической культурой, экзистенциально проявляющейся в опыте переживаемого насилия, ответных атак и хитроумных интриг? Выбрав такую дорогу, человек становится интриганом, анархистом, насильником. Или, может быть, правовой культурой, проявляющейся в безличных и стандартизирующих юридических нормах и административных распоряжениях и инструкциях? – Тогда перед ним перспектива стать формалистом или послушным исполнителем чужих приказов, эмоционально способным на один лишь административный восторг. Или он выбирает экономическую культуру, опыт коммерции, и тогда он в состоянии выжимать деньги из камней и покровительствовать «нужным людям». Что выбирать? Или ему следует в разных ситуациях переходить от одной культуры к другой, синтезировать их целостностью своей жизни?

Человек – это эксперимент, отвечающий на один вопрос: кем он ещё может стать?

И ему должна быть предоставлена свобода выбирать ту культуру, которая наиболее адекватна текущим обстоятельствам его жизни, или творить её, если в современном ему обществе нет соответствующих культур. А цивилизация – нормативная основа культуры, определяющая человека и ориентирующая, но не предписывающая его творчество.

Можно выстроить утопию: единственным средством, позволяющим понизить уровень конфликтности, сопровождающий трансграничную цивилизацию, представляется трансграничное право. Но только в том случае, если оно одинаково у обоих соседей и представляет собою особый правовой режим, распространяющийся исключительно на жителей трансграничных регионов.

Однако идентифицирующее человека «Я», свобода и восходящее к ним творчество самого себя в качестве культурного существа выходят за пределы культуры. В каждой ситуации, в ка-

кой человек оказался, в нём слишком много неспособности сознания всецело охватывать себя в этот момент. И это «бессознательное» разрушает даже формулу биокультурного существа, намекая на некую духовность, проявляющуюся в «Я», свободе и творчестве, или указывая на её отсутствие. Будучи физиологическим существом и являясь посредством своей биологии прочно связанным с физикой планеты, человек оказывается *намёком* на свободу и возможность культурного выбора, творчества и неотрывного от созидания – разрушения. И он имеет право, конечно, но никак не обязан слепо следовать культурным предписаниям, своей современности. Человеческий намек на свободу делает трансграничные правовые отношения демократическими.

Думается, трансграничное право относится к тем мерам, которые облегчают интеграцию и смягчают возможную в трансграничных регионах межэтническую напряжённость.

УДК 130.2
ББК Ю552.62

Дмитрий Анатольевич Крылов,

Ли Ванли,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

На перекрестке эпох: сохранение социокультурной идентичности

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в условиях социально-экономической трансформации, которые переживают современные Россия и Китай и для которых важно не растерять свою внутреннюю идентичность. Опора на идентичность призвана обеспечить внутреннее единство, сохранить историческую преемственность и устойчивость в условиях текучей современности.

Ключевые слова: идентичность, традиция, изменения, православие, конфуцианство, модернизация

Dmitry A. Krylov,

Li Wanli,

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

On the Border of Two Worlds, Sociocultural Identity

In the article the problems arising in terms of socio-economic transformations experienced by contemporary Russia and China and for whom it is important not to lose their inner identity. Reliance on identity is designed to ensure internal unity, to preserve the historical continuity and resilience in the face of fluid modernity.

Keywords: identity, tradition, change, Christianity, Confucianism, modernization

Современные Россия и Китай находятся в условиях социально-экономической трансформации. Несмотря на различия в ментальности, культуре, истории и особенностях выбранного пути развития, государствам приходится решать сходные задачи. Касается это и идеи возвышения двух государств, роста их политического влияния. Ошибочная или устаревшая позиция – считать, что в рамках глобальной конкуренции происходит банальная замена одной страны на другую. Доминирование не решает проблем многополярного мира, где взаимодействуют страны с различной культурой, традициями и особенностями мировосприятия. Поддержка внутренней идентичности оказывается необходимым условием для сохранения национальной культуры и противостояния идеям «плоского мира».

Особенности развития могут восприниматься по-разному, от жёсткой критики до попыток понять внутренние особенности. Так, Гань Ян, отталкиваясь от идеи использования исторического опыта в Китае, писал: «Сегодня в Китае признанием пользуются три традиционных представления. Одно из них сформировалось в течение двадцати восьми последних лет эры реформ... Согласно ему, рыночные отношения занимают центральные позиции, а наряду с ними и целый ряд концепций, затрагивающих проблемы свобод и прав человека. Другое возникло в правление Мао Цзэдуна. Его главной отличительной чертой является борьба за равенство и справедливость. Наконец, тысячи лет назад зародилась самая важная традиция, и её чтут по сей день. Это конфуцианская культура. Раньше мы зачастую считали, будто все эти традиции находятся в конфликте между собой. На самом деле это не так [4, с. 31–32].

Формирование собственного мира, осознание принадлежности к историческому сообществу и обнаружение внутренней предзаданности собственного бытия предполагают устойчивое и длительное взаимодействие внутри социума. При этом внешние воздействия поглощаются и деформируются в соответствии с внутренними установками и предпочтениями, а не становятся всё определяющими трендами. Что не исключает возникновения соответствующей моды на них. Ведь идентичность означает коллективную самость, принадлежность к которой является исходной для любого формирующегося группового сознания.

Пространственно-временные изменения, несомненно, оказывают своё влияние на устойчивость идентичности, заявляя о себе как о конфликте традиции и модернизации.

Этот процесс в определённой степени исключает простое повторение, несущее в себе накопление статических погрешностей, связанных с переносом из прошлого в настоящее прежних ошибок. В то же время сохраняется естественная связь с прошлым как с «высокой древностью», хотя в нашем случае есть различия в трактовке ушедших времен: в китайской культуре – установка на возвращение к гармонии с дао; в российской трактовке – установка на воспевание героического прошлого и собственного духовного пути как самоотречения.

Установка на тождественность с прошлым призвана сохранять особенность той или иной цивилизации в её универсальном аспекте. Но важно здесь и то, чтобы тождественность проявлялась и на частном уровне, действуя как нравственный закон. Для культур с предубеждением на общность важен не только ответ на вопрос: «Кто мы?». Здесь ценностью и обязательным требованием является подтверждение всеми членами общности своей идентичности. Ведь следуя достойным внимания глубоким рассуждениям, «самые серьёзные проблемы наций и национальных государств чаще всего связаны не с экономикой, политикой и обороной, а с нематериальными, неосозаемыми символами. Все преуспевающие нации обладают набором стержневых символических элементов, которые служат их гражданам своеобразными «критериями истины». Эти символы поощряют лояльность, конкретизируют чувства собственного достоинства и самоуважения, а также создают этическую основу для общественного участия в национальной обороне, политике, в функционировании социальных и экономических институтов» [8, с. 5].

В российской традиции смешение внешних влияний и их синтез на уровне внутренней идентичности нёс на себе печать борьбы с внешним миром и задачи преодоления его инославности и духовной неправды. Здесь важное место принадлежит религиозному началу, получившему своё воплощение в богоизбранности и мессианстве, как форме презентации собственного цивилизационного пути. Цель оказывается связана с непосредственным служением государству, которое принимает очертания империи: «Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлён к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему всё в своё орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свобод-

ной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства» [1, с. 25]. В поздней современности ситуация не меняется, продолжая подчинять идентичность задачам сторожевым и оборонительным, как их обозначил в своё время русский мыслитель Н. Бердяев.

Элемент неопределённости, связанный со сменой эпох и отказом от марксистско-ленинской идеологии, привнёс различие в религиозную сферу, которая продолжает играть мировоззренческую роль, но находится в противоречии с парадигмой естествознания. В её новом явлении, она, скорее, принимает форму внешнего культурного признака, чем формирует внутреннее поле для сакральных представлений. Тем самым, православие выступает в качестве требования идентичности с внешней формой исходной политической матрицы и её образом как Третьего Рима. Здесь можно говорить больше об архаической традиции и внешнем обрядовере, чем о религиозном опыте и подвижничестве, что так или иначе присутствовало в российской истории до первой четверти XX века. Разумеется, здесь необходимы пояснения [3].

Вместе с тем, следует отметить, православие находится в противоречии с образом экономической модернизации, хотя и служит цели сохранения внутренней идентичности. Необходимо избегать и воображаемой идентичности с её далёкими от действительности мифологическими образами, способными породить лишь химеры. Проблемными также являются частные идентичности, привносящие диссонанс в общую политическую матрицу. Мобилизационные же проекты не могут обеспечить длительной и устойчивой идентичности. Приходится помнить и о значительных издержках на проведение великодержавной политики.

В китайской традиции конфуцианские идеи и требование морального воздействия с дополнением практики легистов сформировали некую исходную модель общеобязательных норм поведения. В современном Китае идеи порядка и гармонии не утратили своей актуальности, выступая в качестве регуляторов государственной и общественной жизни. В контексте модернизации идеи конфуцианства выполняют необходимую роль по поддержанию внутренней идентичности и, как считает Ду Вэймин, «даже если рыночная экономика и важна для развития государства, если страна стала рыночной и семейные ценности, и общественные идеи расцениваются критериями функционирования в рыночной экономике, этого недостаточно для здорового

развития идентичности. В данном смысле конфуцианство может стать полезным для понимания того, что означает быть китайцем» [2].

Концептуально ведущие принципы управления определяются здесь как бинарная система: «жэнь чжи» – «правление [посредством] людей» («исправление людей») и «фа чжи» – «правление [посредством] законов» («исправление законов»)» [6, с. 139]. Устойчивость таких принципов, несомненно, важна в контексте временной преемственности, так как предполагает связь прошлого с настоящим вне текущих событий. В соблюдении этих принципов просматривается известная предсказуемость, которая придаёт им черты реалистичности и практичности. Поэтому здесь нет «испуга» перед влиянием извне, когда «новшества, привносимые “западной наукой” (сисюэ), в первую очередь, относятся к инструментально-рациональной плоскости и не затрагивают основ традиционной китайской культуры. Кроме того, любое пришедшее извне культурное явление в Китае проходит процесс “китаизации” (чжунгохуа), в процессе которого “западная наука” уже перестаёт быть “западной наукой”. Именно поэтому китайская культура может перенимать лучшее из других культур, сохраняя свою подлинность и самобытность, постепенно эволюционировать, избегая резких перемен» [5, с. 9].

Установка на умеренность и гармонию выступают в качестве положительных аспектов поведения и гарантии для конструктивных решений. Это закреплено на уровне не только этических практик, имеющих своим основанием конфуцианское, буддийское учения и даосизм, но и на уровне языка, где присутствуют так называемые «готовые выражения» (чэньюй) – китайские идиомы, способствующие лаконичности и гармоничности речи.

Одна из древнейших идей, имеющих принципиальное значение и сегодня – это концепция взаимосвязи, нашедшая своё выражение ещё в «Книге перемен». В «И чжуань» идея эмпирических однородных взаимосвязей из канона «Чжоу И» поднята на высоту философского мировоззрения, высказано предположение, что все однородные вещи или однородные вещи и однородные образы и явления, выражающие триграммы, благодаря взаимодействию соединяются и образуют одно целое [9].

Несомненно, чтобы понять современную ситуацию в стране, необходимо углублённое проникновение в китайское мировоззрение, истоки, стиль и способ мышления, интеллектуальные конструкты, заложенные в древнеки-

тайской философии. Такое исследование может быть представлено как работа по раскрытию социально-философской теории деятельности. Деятельность рассматривается как субстанциальная основа общественной жизни людей. А также через социально-философский анализ культуры как взаимосоотнесённых символических программ мышления, чувствования и поведения людей. Изучая источники и механизмы социокультурного изменения, мы получаем объективное представление о социальной эволюции китайского общества в новом тысячелетии. Обратим внимание на такие важные для китайской философии понятия, как естественность и социальность [7, с. 172]. Приоритет остаётся прежде всего за прагматическими целями.

Здесь необходимо обратить внимание ещё на одну особенность. Китай, как и Россия, относятся к странам с высококонтекстной культурой, где всё увязывается со всем, а частная

и публичная жизнь тесно переплетены. Идея Э. Холла интересна тем, что позволяет устанавливать необходимые параллели для различных стран и культур.

Несомненно, что активное взаимодействие России и Китая не просто дань обстоятельствам, а долгий путь, где знание традиций и ментальных форм поведения способствует добрососедским отношениям. Текущая современность является серьёзным вызовом для любой цивилизации, так как разрушаются основы идентичности, профанируется историческое и культурное наследие, необходимые для самосохранения. Существующее многообразие позволяет странам выстраивать собственные стратегии развития, опираясь на свой паттерн, а не на единую модель принудительной вестернизации. Во всяком случае, именно Россия и Китай идут по этому пути, имея сходные установки на сохранение социокультурной идентичности.

Источники и литература

1. **Бердяев Н. А.** Падение священного русского царства: публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
2. **Гэн Хайтянь** Конфуцианство и политическое руководство в современном Китае [Электронный ресурс] // Алтайская школа политических исследований. – Режим доступа: <http://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=1988> (дата обращения: 30.03.2017).
3. **Дроботушенко Е. В.** Русская православная церковь в Восточном Забайкалье в советское и постсоветское время: грани взаимодействия // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 9. – С. 74–81.
4. **Леонард М.** О чём думают в Китае: пер. с англ. – М.: АСТ, 2009. – 222 с.
5. **Ма Фэншу.** Российско-китайские отношения в контексте сравнительного анализа культур // Вестник РУДН. Сер. Политология. – 2012. – № 2. – С. 5–28.
6. **Мартыненко Н.** Специфика китайской государственности // Сократ. Журнал современной философии. – 2011. – № 3. – С. 138–141.
7. **Ся Цзисун.** Человек и природа: Исходная точка логики диалога философий современного Китая и Запада // Россия и АТР. – 2006. – № 3. – С. 168–173.
8. **Феоктистов И.** На переломе, в поисках себя // Кто мы: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантнингтон: пер. с англ. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – С. 5–8.
9. 张忠 – 高道才 – 《周易》感应思想初探. Chzhan Chzhun, Gao Daocaj // Nachal'noe issledovanie idei reakcii v "Chzhou I". – 2007. – No. 19. – С. 70–80.

УДК 101(571:510)

ББК Ю554.81(2Рос-5Кит)

Михаил Александрович Маслин,

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова,

г. Москва, Россия

Ключевые ценности в контексте русско-китайского диалога

Понятие «китайская мечта», являющееся метафорическим описанием древней китайской философской традиции и духовной культуры, используется в настоящее время в Китайской Народной Республике в терминах современной модернизации. Автор считает, что понятия русской идеи и китайской мечты мо-

гут иметь много общего. Прежде всего, это их отличие от основных культурных характеристик Запада. Русская идея и китайская мечта основываются на неиндивидуалистическом понимании социальной реальности, синкретической связи с историей, искусством и литературой.

Ключевые слова: русская идея, китайская мечта, конфуцианское наследие, русский мир, китайская цивилизация

Michael M. Maslin,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia

Core Values in the Context of Russian-Chinese Dialogue

“Chinese dream”, the metaphoric description of ancient Chinese tradition in philosophy and spiritual culture used to define now in Peoples Republic of China in terms of contemporary modernization. The author insist that the notions of Russian Idea and Chinese dream ought to have very much in common. The first similarity is the difference from the Western cultural values. Russian Idea and Chinese dream are both based on non-individualistic vision of social reality, syncretic connection with the history, art and literature.

Keywords: Russian Idea, Chinese dream, Confucian heritage, Russian world, Chinese civilization

В современной России наблюдается сдвиг общественного сознания в сторону резкого возрастания интереса к отечественным идейным течениям консервативного направления, прежде всего, как реакция на «упростительное смешение» глобализации: чем резче происходили в XX столетии разрывы с ключевыми ценностями российской цивилизации, тем активнее стремление опереться на собственные традиции, рецепты-противовесы глобализации и западнизации. Это поиск ответов на вопросы: что следует «консервировать», чтобы не потерять цивилизационное российское своеобразие, как «это» назвать и как создать идеологию, которая была бы призвана возглавить этот процесс? Риторикой консервативного толка так или иначе охвачена большая часть российского политического спектра.

Аналогичные процессы в настоящее время происходят и в Китае, с той разницей, что традиционные ценности конфуцианства, выработанные тысячелетиями, интенсивно используются с более определённой целью, для обоснования «китайской мечты», социализма с китайской спецификой. В условиях КНР китайская мечта выполняет роль духовной скрепы, подобной философеме русской идеи для русского мира. Сама формулировка философемы русской идеи, данная Владимиром Соловьёвым, вполне может быть распространена и на китайскую мечту: «Идея нации заключается не в том, что она думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности». Китайская мечта, как и русская идея, обладает качествами всемирной отзывчивости,

открытости к миру. Свидетельством о ценностях нации здесь выступают не собственные суждения о самой себе, а её высшие достижения, реально вошедшие в духовную сокровищницу человечества. До сих пор в отечественной науке вопрос об анализе новой китайской идеологии китайской мечты недостаточно изучен. Это не столько тема синологии, сколько тема философии. Среди обществоведов долго бытовала точка зрения, что лишь протестантская религия обладает эффективным потенциалом для модернизации, а именно религиозной трудовой аскезой, способной породить «дух капитализма». При этом следовали ссылки на тексты Макса Вебера начала XX века под общим названием «Протестантская этика и дух капитализма». Но это утверждение ложно даже в пространстве наследия самого Вебера, поскольку позднее он написал другую работу «Религия Китая, конфуцианство и даосизм». В ней он утверждал, что конфуцианская традиция обладает иным типом рациональности, который, если и не сакрализует богатство на манер протестантизма и не создаёт особую мотивацию для первоначального капиталистического накопления, зато создаёт «рациональную этику», основанную на преклонении не трансцендентальным ценностям, а ценностям жизнеутверждающим, ценностям самой жизни. Конфуцианство создало трудовую этику, отличающуюся «бесконечным терпением и контролируемой вежливостью; сильной привязанностью ко всему привычному, полным нечувствованием однообразия; способностью к продолжительному труду» [4, с. 231]. Такой

тип этики можно сравнить не с протестантизмом, а с русским старообрядчеством, также осуждающим паразитизм и проповедующим трудолюбие. Для конфуцианского сознания характерно не гарантированное воздаяние за накопление богатства в будущей неземной жизни, а утверждение сиюминутной ценности самой земной жизни. Вебер пишет об основных чертах конфуцианского сознания следующее: «этот мир был лучшим из всех возможных миров; человеческая природа отличалась склонностью к добру. Люди наделены этой склонностью в разной степени, но, обладая одной и той же природой и будучи способными к неограниченному совершенствованию, все они в принципе могут исполнить моральный закон» [4, с. 227–228]. Совершенно очевидно, что никакая монополия на модернизацию в протестантизме не содержится и подобное утверждение можно даже назвать расизмом. Либеральные аналитики китайской мечты из числа экономистов, по сути дела, готовы перенять от Китая лишь «рыночную арифметику», никак не затрагивающую идеологию китайских реформ.

Экономическая литература о Китае велика по объёму, но толку в ней мало, поскольку оценка духовной сердцевины китайского возрождения экономистов не интересует. Но назрела необходимость именно в такой философской оценке. Ведь китайская мечта по своей сути является не экономическим и не политическим, а метафизическим понятием. Русский взгляд на китайскую мечту не должен быть узко прагматическим, политико-экономическим, но должен быть философским. Успехи Китая должны оцениваться не по количественным экономическим показателям, а по качественным критериям. В США проблематика китайской мечты уже сейчас является предметом оживлённой дискуссии. Широкий резонанс получила статья известного колумниста Томаса Фридмана в «Нью-Йорк Таймс» под названием «Китай нуждается в своей собственной идее» (2012). Фридман ставит вопрос: «Есть ли у Си Цзинпина “китайская мечта”, которая отличается от “американской мечты?”». Ответ таков: «Если мечта Си о развивающемся среднем классе (как ожидается, его численность к 2025 году возрастет с 300 миллионов до 800 миллионов) будет походить на американскую мечту (большая машина, большой дом и биг-мак для всех), тогда для её реализации понадобится другая планета» [2, с. 1]. Позиция Фридмана выглядит двусмысленно. С одной стороны, он утверждает, что Китаю далеко до американского уровня модернизации, а с другой стороны, ничего, кроме американской меч-

ты в китайском исполнении он и не предполагает для Китая. Такая версия китайской мечты сводится, по сути, к консьюмеризму по-американски, к пониманию модернизации исключительно как вестернизации. Но планетарной угрозой, в действительности, является иная идеология, а именно идеология однополярного мира, Pax Americana. Напротив, замысел китайской мечты Си Цзинпина составляет не безудержный консьюмеризм, а то, что в конфуцианской традиции называется сяокан, т. е. разумное потребление, идея которого была заложена в конфуцианской традиции ещё в V–VI веках до новой эры. Попытки Фридмана представить китайскую мечту несбыточной имитацией американской мечты вызвали критическую оценку на международной конференции «Ценности в меняющемся мире», прошедшей в Пекинском Педагогическом университете (2015) [3]. Версия китайской мечты Фридмана там была названа проявлением слепого экономического детерминизма и даже примитивного исторического материализма, не принимающего в расчёт самостоятельное значение духовных, ценностных факторов, ключевых ценностей, оказывающих огромное влияние на общественную жизнь (по-английски эти факторы определяются термином “core values”, т. е. ключевые, корневые ценности, это аналог того, что Президент Путин называет духовными скрепами). Замысел этой пекинской конференции состоял в стремлении представить проблематику китайской мечты в аксиологическом измерении, в качестве не узко национальной, но универсальной морально-этической проблемы, актуальной для всего мира. Вот названия лишь некоторых докладов китайских учёных на этой конференции: «Китайские социалистические ключевые ценности в свете христианской рефлексии»; «Креативная трансформация китайской традиционной культуры в осуществлении ключевых социалистических ценностей»; «Содержание социалистических ключевых ценностей различных социальных групп в свете китайской культуры»; «Китайская мечта о национальном возрождении и социалистические ключевые ценности»; «Фундаментальное обоснование социалистических ключевых ценностей в китайской традиционной культуре»; «Духовное возрождение и его источники в современном Китае» и т. п. Как представляется, китайскую мечту можно сопоставить с теми теориями, что имеют в русской традиции большую творческую историю: «христианский социализм» Сергея Булгакова, «новоградство» Георгия Федотова, учение о государственно-частной смешанной эко-

номике Петра Савицкого и др. Если подобные идеи и нашли какую-то практическую реализацию, то, наверное, в современном Китае. Другой пример. Крупнейший знаток конфуцианства и теоретик конфуцианского социализма Ду (Ту) Вэймин, уроженец материкового Китая, долгие годы работавший за рубежом, бывший профессор Гарвардского университета, вернулся в Китай и был избран пожизненным профессором Пекинского университета. В 2012 году он основал в Пекине влиятельный Институт мировой этики (Institute for World Ethics). В своё время Ду Вэймин был советником Президента Сингапура Ли Кван Ю, одним из разработчиков сингапурского экономического чуда и автором программы «Конфуцианской этики». Целью Ду Вэймина является превращение конфуцианства как мощного духовного ресурса в жизнеутверждающую философию современности. Философской основой здесь является выход за пределы характерных для западного дискурса дихотомий: дух/материя; человек/природа; субъект/объект; психическое/ментальное; творец/творение и т. д. [1, с. 13–15]. Аналогичный путь преодоления указанных дихотомий представлен и в русской философии, достаточно лишь обозначить развитую русскую философией традицию особого сердечного познания и метафизики сердца (Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, Б. П. Вышеславцев), онтологическую гносеологию С. Л. Франка, учение о субстанциальном деятеле Н. О. Лосского, софиологию В. С. Соловьёва, «богоматериализм» С. Н. Булгакова, философию общего дела Н. Ф. Федорова. Стремление Ду Вэймина превратить древнюю философию и этику конфуцианства в жизнеутверждающую философию для современности во многом напоминает идею «консервативного поворота» к истокам философской классики, которую разделяли многие русские философы. Уместна также аналогия с идеей Г. В. Флоровского о «неопатристическом синтезе», только вместо возвращения на новом уровне к святоотеческому наследию у Флоровского здесь имеет место переосмысление конфуцианской традиции. В качестве государственной идеологии китайская мечта была провозглашена в марте 2013 года на сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей. Она включает три основных компонента, которые, на мой взгляд, не противоречат также идее русского мира: сильное государство; национальное возрождение; народное счастье. Последняя компонента по-русски может называться иначе, но суть от этого не меняется. Например, её российским эквива-

лентом может выступать идея Ломоносова о «размножении и сохранении русского народа». Китайская мечта нацелена также на решение остроактуальных экологических проблем, на демократизацию, борьбу с коррупцией, установление в обществе «диктатуры закона». Тем самым утверждается мысль, что транзит западных либеральных ценностей и дискурс прав человека не являются единственно возможными моделями для справедливого усовершенствования мира. Первым в Европе учёным, сформулировавшим теорию локальных цивилизаций и понятие «китайского культурно-исторического типа», был русский биолог и социолог Н. Я. Данилевский. Однако, Н. Я. Данилевский считал, что китайская цивилизация стара и не способна к обновлению. Он не учитывал того, что в истории жизнь цивилизаций оказывается циклически-неровной, подверженной спадам и подъёмам. Прав оказался не Н. Я. Данилевский, а его последователь, «предъевразиец» и предсказатель «исхода к Востоку» Константин Леонтьев. В свою очередь, он опирался на прогнозы А. И. Герцена, называвшего Тихий океан Средиземным морем будущего, где будет происходить возращение и возрождение древних цивилизаций Востока, обладающих уникальной всесторонней мудростью. Согласно логике классического евразийства, Русь и Китай имеют много общего, поскольку характеризуются общей исторической государственной подосновой и комплиментарными месторазвитиями. Россия и Китай являются ближайшими соседями в Евразии с самой протяжённой государственной границей. П. Н. Савицкий показал, что месторазвития России – Евразии и Китая органически дополняют друг друга и создают оптимальные условия для взаимного хозяйственного роста. Русский Китай (определение Артема Кобзева) входил в XIII веке в единое государство, созданное Чингиз-ханом. Так состоялась общая с Китаем история. О древности контактов Руси и Китая свидетельствует то, что русское название Китая, в отличие от западных Хина, China и т. п. восходит к киданям (китадам), жителям киданьского государства, располагавшегося на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии в период формирования государства Киевской Руси. Монгольский император Китая Хубилай хан, основатель китайской династии Юань, вполне может быть назван и русским правителем.

Русская идея и китайская мечта имеют общие черты. Первое сходство заключается в их отличии от западоцентристского понимания ценностей; русская и китайская культуры кос-

моцентричны и социально привержены, основываются на неиндивидуалистическом понимании ценностей. Русская философия, несмотря на молодость сравнительно с китайской, выработала сходные интегральные качества и синкретические способности, а именно тесную связь с историей, искусством и литературой.

Кроме эстетизма китайской и русской культуры необходимо упомянуть также свойственные обеим традиции метафизики сердца, идеи нравственного самосовершенствования и неприятия войны, особенно повлиявшие на Льва Толстого (хотя Толстой больше уважал Лао-Цзы и спорил с конфуцианским этатизмом).

Источники и литература

1. Мигунов Н. И. Конфуцианский путь Ту Вэймина // Век глобализации. – 2014. – № 1.
2. Friedman T. L. China Needs Its Own Dream // The New York Times. – 2012. – Oct. 2.
3. Values in a Changing World. International Philosophical Forum on Values. – Beijing; China, 2015.
4. Weber M. The Religion of China. – N. Y., 1951.

УДК 314.72(510)
ББК С001.1(5Кит)

*Юлия Валентиновна Иванова,
Алексей Валентинович Середа,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Проблема материального благополучия в Китае в контексте теории ценностей

Материальное благополучие воздействует на разнообразные стороны жизни: мировоззрение, личностные цели, общественные настроения, формирование социальных отношений в различных сферах жизни общества. Достижение материального благополучия в обществе важно для ускорения социального и индивидуального развития, связанного с потребностями более высокого уровня. Политика современного Китая является примером эффективного использования традиционных ценностей и достижений философской мысли для решения социально-экономических проблем.

Ключевые слова: Китай, материальное благополучие, ценность, история Китая, китайская философия

*Yulia V. Ivanova,
Aleksey V. Sereda,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Problem of Material Welfare in China: Axiological Analysis

Material well-being affects various life aspects: a world view, goals of the individual's activity, social moods, and formatting of social relations in different spheres of society. Reaching prosperity in society is a precondition for raising indicators of social and individual development related to needs of higher levels.

Keywords: China, material well-being, value, Chinese history, Chinese philosophy

Понятие ценности – одно из самых сложных и противоречивых понятий в истории общественно-политической мысли. Ценность по своей природе идеальна, однако носителями ценностного содержания выступают вещи, природные процессы, культурные артефакты,

социальные отношения и институты, а также люди. Воплотителями ценностных содержаний выступают люди, наделенные психической и деятельной активностью. Люди вычленяют в качестве ценностно-значимых вещи, процессы и явления окружающего мира, совершают кон-

кретные аксиологические акты оценивания, смысловой интерпретации и целеполагания. Благодаря воспитанию и коммуникации, ценностные содержания передаются между поколениями, воплощаются в трудовой материальной деятельности, в социальном и художественном творчестве. Ценностное бытие человека многоаспектно и многомерно.

В соответствии с иерархией основных потребностей человека, ценности в самом общем виде традиционно делятся на материальные (витальные), социальные и духовные. Витальные ценности, в свою очередь, условно подразделяются на витально-телесные и витально-эмоциональные. Промежуточное положение между витальными и социальными ценностями занимают ценности технико-технологического и экономического плана. В любую эпоху и в любой культуре всегда находятся личности, воплощающие вершины духа, гармонически объединяющие все его модальности. Эти идеально-эталонные представители служат персонификацией высших национальных ценностей (например, в Китае это легендарные мудрецы и правители древности).

Свойства ценностей – иерархичность, бинарность, соподчинённость и другие – определяют возможность системного подхода к изучению совокупности ценностей любой эпохи. «Ценности никогда не выступают разрозненно, всегда оформляясь в некоторую целостную систему» [3, с. 93].

Система ценностей образует фундамент всякой культуры, своеобразный геном, культурно-генетический код, в соответствии с которым культура функционирует и развивается. Изменения систем ценностей обычно связаны с культурными влияниями либо с кризисными эпохами в жизни социума, эпохами социальных трансформаций. В такие эпохи происходят смещения в ядре ценностей, позволяющие сохранить социокультурное единство общества. В ходе исторического процесса возможна последовательная смена ряда ценностных систем.

Китайская философия носила этико-политический характер. Взгляды на общество и природу концептуально оформлялись в рамках таких важнейших категорий, как Дао (путь, принцип, закономерность, абсолют и т. д.), Дэ (добродетель, достоинство), Ци (эфир, пневма), Тайцзи (великий предел), Ян-Инь (борьба светлого и тёмного начал) и др. Природа, человек, дух вплоть до XX века воспринимались в китайской философии как нечто органически единое, взаимосвязанное.

Этика почти всегда имела в Китае важнейшее значение, была фундаментом традицион-

ного общества. Так, одно из концептуальных понятий натурфилософских схем Древнего Китая – Дао (путь, закон) рассматривалось как путь воплощения этических норм, как комплекс культурных идей, принципов и методов, нацеленных на формирование человека и всей его жизни. Таким образом, в роли главной ценности на Востоке выступает всеобщая законосообразность бытия в единстве истины и блага, красоты и порядка. Каждый человек несёт ответственность за свои действия не только перед другими людьми, но и перед всем мировым целым. Взаимоотношение с окружающим миром было продиктовано стремлением восстановить природную гармонию, нарушенную самим актом появления человека.

Особая роль в становлении целостной системы философских взглядов в традиционной культуре принадлежит Конфуцию, хотя китайский философский дискурс сформировался благодаря полилогу всех философских школ. Конфуций (552/551–479 до н. э.) выступил последователем чжоуско-луской модели ценностей и предложил в качестве основы существования принципы постоянного самосовершенствования человека, общества и государства. Стремление к богатству и знатности, страх оказаться в числе презираемых присущи, по мнению Конфуция, самой человеческой природе. Эти человеческие качества определяют поведение как отдельного человека, так и больших коллективов [2].

До Конфуция в китайской философской мысли считалось, что богатство и судьба зависят от воли Неба. Однако Конфуций в своих рассуждениях неоднократно подчёркивал значение социального действия субъекта. Для правильной, достойной жизни необходимо обладать качествами благородного мужа (цзюнь-цзы). Благородный муж, по Конфуцию, обладает пятью качествами. К ним относятся человеколюбие (жэнь), долг (и), нормы поведения (ли), знание (чжи), верность (синь) [1, с. 100].

Справедливость существует, по Конфуцию, когда каждый строго соблюдает требования и обычаи, которые установлены для того ранга, к которому он принадлежит, не стремится подняться вверх и не опускается вниз. И в материальных стремлениях тоже – каждый должен довольствоваться имеющимся статусом и его атрибутами, не внося смуту в общественное устройство.

Семья у Конфуция считалась «сердцевинной» общества, и её интересам придавалось гораздо большее значение, чем интересам отдельно взятой личности. Человек с первых лет

жизни привыкал к тому, что личное, эмоциональное, своё на шкале ценностей не соизмеримо с общим, принятым, рационально обусловленным и обязательным для всех. Материальное благополучие, в связи с этим, было понятием не индивидуальным, а как минимум семейным, родовым. Все устремления человека в этой сфере зависели от семьи и были направлены не на поиски индивидуальной материальной выгоды, а на обеспечение стабильной жизни большого количества людей.

Материальное благополучие в конфуцианском учении есть нечто зависящее от воли Неба, однако основанием для его достижения могут служить социальный порядок, заключающийся в строгой иерархии, и личностное самосовершенствование. Безудержное обогащение не рассматривалось в качестве поведенческого императива. Социоцентрические установки конфуцианской модели приписывали индивиду соразмерять свои притязания с потребностями окружающих, с требованиями социально-экономической ситуации. Материальное благополучие у Конфуция выступает одной из главных задач управления обществом с целью достижения общего социального благополучия.

Исходя из опыта изучения конкретных представлений китайской философии о ценностях, традиционный ценностный базис китайского общества реконструируется как система, привязанная к иерархии подмножеств универсума, каждое из которых представляет отдельную ценность: природа (мироздание) – общество (обычно понимаемое как государство) – территориальная единица – семья. Все звенья данной цепи имеют в своём составе главное «лицо», наделённое властью в пределах этой общности (Небо – император – чиновник – глава семьи) и подчинённых (вся Поднебесная – народ – население территории – члены семьи). «Высшей ценностью на уровне каждого из подмножеств выступает следование “дао”, чему подчинены такие императивы, как достижение гармонии, соблюдение меры и поддержание порядка» [4, с. 92].

Внутри каждой выделенной социальной общности важны четыре ценности среднего уровня: соблюдение всеми субъектами системы правил поведения – «ли», высокий моральный уровень главного лица – «дэ» (достигаемый через самосовершенствование путём самообразования «чжи» и следования долгу «и»), гуманное управление – «жэнь» (забота главного лица о нижестоящих), а также их подчинение ему – сыновняя почтительность «сяо», братские отношения «ди», верность «синь».

Материальное благополучие – желанное состояние для всех социальных общностей. По отношению к высшим ценностям и ценностям среднего уровня материальное благополучие (ценность низшего уровня) занимает подчинённое положение, являясь их следствием, но в то же время создавая базис для их реализации. Поэтому материальное благополучие общности постоянно находится в поле зрения главного лица этой общности.

На возможности достижения материального благополучия влияет социальная структура общества и положение индивида в этой структуре. В китайском обществе долгое время существовала чёткая социальная иерархия, в соответствии с которой происходило распределение материальных благ. Характерно, что выражением статуса человека здесь традиционно служит так называемое «лицо», идентифицирующее личность человека в соответствии с двумя системами оценки: «маньцзы» (престиж, достигнутый через материальный успех) и «лянь» (уважение группы по отношению к человеку с хорошей моральной репутацией). При этом материальное благополучие вторично по отношению к моральной оценке поступков индивида – если человек утратил своё материальное положение ради того, чтобы сохранить верность нравственным принципам, то окружающие считают, что он сохранил своё «лицо». Если же предпочтение отдаётся богатству, то это не вызывает уважения. Легитимным средством достижения индивидуального материального благополучия является не удача, а личные усилия человека, соблюдение им нравственных предписаний. Однако бедность и сознательное отречение от материальных благ осуждались в Китае как проявление неспособности к плодотворному труду, отсутствие стремления к духовному совершенствованию и соответствию Дао.

В связи с особенностями исторического развития именно регулятивные действия государства, а не личная инициатива граждан лежали в основе материального благополучия китайского общества. Система общественных отношений сформировалась таким образом, что действия индивида были ограничены рамками семейных и клановых связей. Материальное благополучие индивида всегда зависело от семьи. При этом коллективный труд, направленный непосредственно на благо общества в целом, не являлся приоритетной ценностью в силу особенностей системы взаимоотношений, сформированной доминирующей религиозно – философской системой – конфуцианством. Важно, что конфуцианство предпи-

сывало исполнение обязательных ритуалов, акцент в которых делался на внешнюю сторону, а не на внутренний смысл взаимоотношений. Результатом этого стало построение системы взаимодействий между людьми, основанной на внешних нормах ритуала, а не на внутреннем расположении и доверии. Данный аспект общественных взаимоотношений повлиял на специфическое понимание коллективизма и относительно низкую оценку коллективного труда в китайском обществе.

Ведущая роль государства в формировании и регулировании социальных отношений поддерживалась почтительным отношением к власти и правителю, закреплённым в культуре. Поэтому именно государство выдвигало идеи, способные объединить усилия нации для достижения материального благополучия на уровне общества. В разные времена таковыми выступали тезисы о борьбе с иноземными захватчиками, уникальности китайской цивилизации и её превосходстве над другими, теория «гармоничного общества» и др.

Современный Китай успешно выполняет задачи консолидации нации, решения проблемы высокой численности населения за счёт продуманной демографической политики, преодоления ограниченности внутренних ресурсов путём привлечения внешних, направленно стимулирует развитие образования и науки в стране, что уже привело к заметному улучшению материального благосостояния страны за последние годы. Успех этой политики во многом обеспечен опорой на традиционные ценности и особенности мировоззрения (значимость труда в достижении материального благополучия, приоритет духовного развития над материальными потребностями и др.).

Значительную роль в повышении социального статуса и уровня личного материального благополучия в Китае играло получение человеком образования и его самосовершенствование. Совершенствование понималось как преодоление биологических начал – стра-

стей, желаний, бытовых излишеств, и направлялось в сферу этического и духовного.

Концепция необходимости духовного совершенствования выполняла функцию сдерживания потребностей людей в материальных благах. Эти представления также выполняли компенсаторную функцию, оправдывая невозможность достичь желаемого материального благополучия определёнными социальными группами, долгое время легитимизируя социальную стратификацию, основанную на ярко выраженном экономическом неравенстве.

В то же время, вторичность материального благополучия перед духовными ценностями не предполагала аскетизма и полного отречения от материальных благ, характерного для религиозно-философских идеалов западной цивилизации. Альтернативой стремлению к материальному благополучию являлась целесообразность довольствования и смирения всякого индивида перед общественными интересами, что было сформировано в массовом сознании не религией, а моралью и осознанием своего долга перед обществом.

Политика современного Китая является примером эффективного использования традиционных ценностей и достижений философской мысли для решения социально-экономических проблем. В ряду ценностей, наиболее важных для обеспечения устойчивого развития, значительное место занимает материальное благополучие индивида и общества. Стремление индивида к достижению материального благополучия способствует активизации творческого сознания, развитию инноваций, интенсификации трудовой и организаторской деятельности. Реализация этого стремления в сбалансированной системе социально-экономических отношений способствует росту материального благополучия общества в целом, что, в свою очередь, обеспечивает всё более широкие возможности социальной политики в отношении гармонизации отношений в обществе и обеспечения устойчивого развития.

Источники и литература

1. **Конфуций.** Беседы и суждения Конфуция. – СПб.: Кристалл, 1999. – 1120 с.
2. **Малявин В. В.** Конфуций. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 357 с.
3. **Рудкевич Е. Ю.** Система ценностей общества: структурный анализ // Власть. – 2007. – № 1. – С. 92–94.
4. **Серёда А. В., Иванова Ю. В.** Материальное благополучие и его роль в системе ценностей китайского общества. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 170 с.

УДК 14
ББК Ю0

Елена Анатольевна Соколова,
Ленинградский областной институт развития образования,
г. Санкт-Петербург, Россия

«Восток» и «Запад» в философских воззрениях Ф. М. Достоевского

В статье рассматриваются социально-философские взгляды Ф. М. Достоевского по вопросу взаимодействия «Востока» и «Запада», содержание идеи «русского» или «христианского» социализма Ф. М. Достоевского, которая является, по его убеждению, единственно приемлемой социальной моделью России и всего человечества.

Ключевые слова: «христианский» социализм, природа человека, правовое государство, западники, славянофилы, почвенничество, соборность, всеединство

Elena A. Sokolova,
Leningrad Regional Institute of Education Development,
Saint-Petersburg, Russia

“East” and “West” in Philosophical Visions of F. M. Dostoyevsky

The article examines the socio-philosophical views of F. M. Dostoevsky on the interaction of the “east” and “west”, the content of the idea of “Russian” or “Christian” socialism of F. M. Dostoevsky, which in his opinion, is the only acceptable social model of Russia for all mankind.

Keywords: “Christian” socialism, human nature, rule of law, Westernizers, Slavophiles, soil-making, sobornost, all-unity

Огромное внимание Ф. М. Достоевского было подчинено решению главной задачи его жизни – поиску путей гармонизации общества. Подход к этому решению у мыслителя был социально-философский: Достоевский шёл путём постижения внутренних законов общественного развития, с учётом всех факторов (в том числе и антропологического), на это развитие влияющих. Это отмечают многие исследователи, в том числе А. Станюта: «Словом “действительность” Достоевский определял... отнюдь не то, что стоит у всех перед глазами и что лишь перечислить, назвать, скопировать и сфотографировать не составляет никакого труда. Действительностью, причём наиболее подлинною, Достоевский считал и то, что подчас лишь угадывается за хаотическим нагромождением происходящих в данный момент и сугубо преходящих событий и явлений» [7, с. 18]. Следовательно, писатель пытался проникнуть не только в физическую (реальную, очевидную) сущность социальных явлений, но и в их метафизику.

Изучая природу человека, «живую жизнь» народа, Достоевский пришёл к мысли, что так называемая русская идея или «русский социа-

лизм» – итог рефлексии истории России. Никакая другая идея не объединяла и не может объединять весь русский народ без пагубных для этого последствий.

Прежде чем обратиться к содержанию идеи «русского» или «христианского» социализма Достоевского, которая является, по его убеждению, единственно приемлемой социальной моделью России всего человечества, обратимся к её истокам, к которым, на наш взгляд, принадлежат: история Древней Руси, мировоззренческий кризис XIX века и взгляды самого Достоевского.

Языческое прошлое России иллюстрирует, насколько был силен для русского народа культ матери-земли и культ рода. Любовь к «живой» русской земле была настолько сильна, что в XII веке в народе зародилась легенда о переселении Богородицы именно в русскую землю и её покровительстве. Апокрифы об Андрее Первозванном, прошедшем из устья Днепра в Новгород и «связавшем» Россию и Скифию, доказывают тягу народа к единению. Пути этого единения были совершенно отличны от западных крестовых походов, это было желание «втянуть» в себя мир. Русский чело-

век больше вёл оседлый образ жизни, но отличался широтой души, любовью не только к тому клочку земли, к которому был привязан, а ко всему миру Божьему. Это доказывает особое отношение русского народа к странникам, его традиционное гостеприимство.

Русский характер во многом определила и география страны, и её климат, способствовавшие, по мнению Н. Зернова, «не очень большому интересу к житейским благам» [4, с. 10]. Учёный отмечает также особенности религиозной жизни русского народа: православие было принято сравнительно свободно, а незнание латинского языка и латинской культуры, в отличие от Европы, привело к тому, что «русский священник читал те же книги, что и обычный мирянин и между ними не было такой пропасти» [4, с. 21].

Особое отношение на Руси было и к князьям, авторитет которых приравнялся к отцовскому. Сами же князья, в большинстве случаев, отличались религиозностью и патриотизмом. Примером могут служить «Поучения» Владимира Мономаха, в которых он попытался изобразить идеальный тип правителя-христианина, особо подчёркивая необходимость его нравственной чистоты. Он отрицал и законность смертной казни в христианской стране, власть в которой должна быть гуманной.

«В Московской Руси, – отмечает Зернов, – верили не в людскую справедливость, а в Божественное покровительство; верили, что человеческому обществу должно строиться по образцу христианской семьи» [4, с. 40].

Зная все эти традиции русского народа, Достоевский не мог представить себе лучшей социальной системы, чем народная община во главе с православным самодержцем. Исходя из «семейного» типа правления и веры в Бога-Искупителя, писатель так яростно выступал против смертной казни, защищая от этого наказания даже людей, посягнувших на жизнь царя [3, с. 128].

Достоевский отрицательно относился и к юридическому судопроизводству, потому что вплоть до XVII века в России отсутствовали правовые нормы, их успешно заменяли заповеди.

Соборное единение России против монголо-татар и успешное освобождение от их ига, деятельность Сергия Радонежского и других русских святых вселили в Достоевского веру в огромный духовный потенциал России, в силу её соборности и православия. В земной жизни писатель допускает возможность спасения от хаоса и несправедливости.

И. А. Есаулов, обращаясь к анализу романа «Братья Карамазовы», отмечает, что «Дмитрий Карамазов с юридической точки зрения невиновен так же, как Иван, но оба признают свою вину, так как для русской духовности построение “правового пространства”, отчуждённого от благодатной основы, является типичной утопией.

Мир Достоевского, – считает философ, – имеет своей опорой установку на милость и благодать, а не на закон и правосудие. Даже “атеист” Иван во время своего “бунта” заявляет: “Я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше”» [3, с. 128].

Следовательно, опираясь на знание исторических традиций Руси, Достоевский считал для неё неприемлемым опыт западного правового государства. Для мыслителя вообще очень важным был вопрос Востока и Запада, поэтому писатель активно включился в полемику между западниками и славянофилами, в процессе которой зародилось новое философское направление – почвенничество.

В. С. Сизов по этому поводу отмечает: «Писатель считал, что западничество и славянофильство суть разные пути осмысления движения к одной цели – всечеловеческой основе “братского воссоединения людей”» [5, с. 9]. На наш взгляд, с этим нельзя не согласиться: оба этих направления характеризуются глубочайшим патриотизмом и верой в лучшее будущее человечества.

Почвенники ставят перед собой задачу синтезировать лучшие идеи двух уже имеющих направлений общественной мысли России. По мнению писателя, русская интеллигенция должна стать посредником между европейской культурой и русским народом. Задача же России состоит в том, чтобы воспринимать европейскую образованность в истинно христианском духе.

Объединение Востока и Запада, с сохранением их лучших национальных традиций и освобождением от всего преходящего, Достоевский считал процессом не просто обязательным, но и исторически неизбежным. В этом объединении всего человечества писатель видел Промысел Божий. Отсюда следует великая задача сохранения чистоты Христовых идеалов и восстановления христианской истины на всей земле. Все народы, верил Достоевский, поняв единую Истину, заключённую в сохранённом в России православии, свободно примут Её и, став братьями во Христе, соединятся в качественно новое общество. Тогда наступит последний этап в развитии человека: он «вместит» в себя мир и воплотится социаль-

но-нравственный идеал «всечеловека» на земле. Возникнет Обновлённое Человечество, живущее в обществе, подобном Царствию Божьему.

В этой связи необходимо отметить, что, по мысли Достоевского, не Церковь должна перерасти в государство, как считали некоторые последователи Достоевского, например, В. Соловьев, а государство должно выстроиться на основах Церкви. Это, на наш взгляд, важно отметить для того, чтобы подчеркнуть, что взгляды Достоевского и в этом вопросе были не богословскими (Церковь не допускает возможности Царствия Божия на земле), а социально-философскими. Православие Достоевского, таким образом, было не самоцелью, а социальной задачей.

В вопросе объединения человечества в единое целое мыслитель стоял на позициях соборности, то есть объединения с сохранением собственной цельности и неповторимости каждого народа, гармонически включающегося по принципу дополнительности в общую целостность. Национальную неповторимость каждого народа в концепции Достоевского отражает понятие «почва». По мнению А. Л. Андреева, «...в самом общем смысле наличие или отсутствие “почвы” становится критерием отделения подлинного бытия от неподлинного – неустойчивого, хрупкого, лишённого внутренней силы и смысла» [1, с. 28].

Характерной чертой почвенничества у Достоевского является ценностное противопоставление органических и механических форм

бытия. Такая постановка вопроса тесно связана с консервативной установкой в социальной философии и политике. Но следует отметить, что, по утверждению А. Л. Андреева, основанном на глубоком изучении этого направления, «почвенничество никогда не стремилось “подморозить” процессы общественного развития, а тем более повернуть историю вспять. Не характерны для почвенничества и мотивы самоизоляции, идеализации “своего” в ущерб “чужому”» [1, с. 24] предложенный писателем принцип Всеединства, думается, может стать направляющим в отношениях России с другими народами, особенно славянскими. У России существует сегодня две опасных крайности: потеря национального достоинства и самобытности ради выгод на международном рынке или националистический шовинизм, к которому, по убеждению В. Соловьева [6], Россия имеет склонность. Удержать русский народ от двух этих крайностей во внешней политике – по-прежнему актуальная задача власти.

По мнению Достоевского, истинное Всеединство достигается тогда, когда «чужое» становится «своим», потому что в нём тоже прозревается вселенский евангельский образ. Современный последователь Достоевского в этом вопросе И. А. Есаулов считает, что родное и вселенское должны восприниматься нами не как члены бинарной оппозиции, а как взаимодополнительные параметры всеединства [3, с. 128]. Подобное всеединство в конечном счёте и есть воплощение идей христианского социализма Достоевского.

Источники и литература

1. **Андреев А. Л.** Достоевский и почвенничество // Достоевский – наш современник. – М.: ТЕИС, 2000. – С. 64.
2. **Волгин И.** Последний год Достоевского. – М.: Известия, 1990. – 384 с.
3. **Есаулов И. А.** Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – С. 148.
4. **Зернов Н.** Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев. – М.: Московский рабочий, 1995. – С. 9.
5. **Сизов В. С.** Русская идея в мирозерцании Ф. М. Достоевского. – М., 1999. – С. 216.
6. **Соловьев В.** Русская идея // Спор о справедливости. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – С. 5.
7. **Станюта А.** Постигание человека // Творчество Достоевского в 1840–1860-е годы. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – С. 247.

УДК 341
ББК Х911.13

Евгений Валерианович Суслов,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия

Критерий справедливости войн как вневременной фактор оценки права на её существование

Написание предлагаемой статьи вызвано необходимостью, во-первых, оценить эволюцию критерия «справедливости» войн. Во-вторых, выяснить, существует ли фундаментальное основание для формулирования критерия «справедливости» войн. В-третьих, выяснить: соответствует ли действительности утверждение о том, что демократии друг с другом не воюют. Результатом рефлексии по заданной теме стали выводы о том, что международное право, будучи ядром международной и военной политики, не может считаться всеобъемлющим, и тогда требуется обращение к нормам морали как к последней инстанции, в какой-то степени способной обеспечить справедливый международный порядок. Ответственная свобода может принуждать государственные образования отказаться от развязывания войн, но если такое и случится, то найти точки соприкосновения противоборствующих для последующего примирения. В рамках существующей теории демократического мира есть убежденность, неоднократно подтвержденная исследователями, что демократии друг с другом не воюют, однако в настоящее время эта теория нуждается в дальнейшей верификации с использованием большого массива эмпирического материала. Несмотря на то, что право Женевы и право Гааги понятием «справедливость» не оперируют, парадокс заключается в том, что, следуя таким принципам, как гуманность и беспристрастность, нейтральность и независимость, добровольность и единство, универсальность, они обеспечивают искомый принцип справедливости, в том числе опосредованно обеспечивают реализацию критерия «справедливости» войны.

Ключевые слова: справедливые и несправедливые войны, комбатант, справедливый международный порядок, право, свобода, военная этика, международное гуманитарное право

Yevgeny V. Suslov,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia

The Criterion of Rightfulness of War as a Timeless Factor of Evaluation of the Right to its Existence

The main aim of the proposed article is caused by necessity at first, to assess the evolution of the criterion of rightfulness wars. The second is to find out whether there is a fundamental basis for the formulation of the criterion of rightfulness wars. The third is to find out: is it true that democracies don't fight with each other. The result of reflection on a given topic were the conclusions about that international law being a core of international and military policy cannot be considered comprehensive, and then requires an appeal to moral norms, in some degree capable of providing a fair international order. Responsible freedom is to force public education to abandon the outbreak of war, but if that happens, to find points of contact of the opposing for later reconciliation. In the framework of the existing theories of the democratic world there is a conviction, repeatedly confirmed by researchers that democracies with each other not fighting currently, however, this theory needs further verification using a large array of empirical material. Despite the fact that the law of Geneva and Hague the concept of "justice" do not operate, the paradox is that by following the principles of humanity and impartiality, neutrality and independence, voluntary service and unity, the universality, they provide the desired principle of justice, including indirectly provide an implementation of the criterion validity of the war.

Keywords: fair and fairness war, a combatant, a fair international order, law, freedom, military ethics, international humanitarian law

Войн и военных конфликтов за последнее время случилось немало. И никто не возьмется утверждать, что в ближайшем будущем их будет меньше. Скорее, наоборот: для оправдания новых войн лица, принимающие решение о начале войны, да и часть обычных граждан, очарованных героизацией войны и кажущейся простотой решения самых сложных политических вопросов с помощью оружия, часто прибегают к тезису о том, что война лежит в самой природе человека. Так, К. С. Гаджиев, констатируя подобное положение вещей, пишет: «Вся история человечества свидетельствует о том, что война – это неотъемлемая врождённая составляющая человеческого существования, точно так же, как тяга к игре, пению, снятию стресса...» [4, с. 230]. И более того, «история человечества – это, прежде всего, история войн. Животные потому и не имеют истории, что они не вели друг с другом войны» [4, с. 231]. Не хочется верить, что сам Камалудин Серажудинович придерживается подобной позиции.

Тезис о войне как доминирующем инварианте человеческой жизни не нов. Ещё Н. Макиавелли, известный как великий знаток использования широкого спектра средств для достижения конечной цели в политике, рассматривал войну как совершенно естественное явление в международных отношениях, как своего рода веретено, вокруг которого вращаются различные сегменты политики. Иными словами, мир в международных отношениях, на что уповают представители идеалистической школы международной политики и правозащитники, есть явление временное и совершенно не характерное для межгосударственных отношений.

Поэтому долгое время считалось: никакие моральные запреты не вправе останавливать военные приготовления и замыслы. Более того возникла удобная на все времена максима: хочешь мира – готовься к войне. Из этого следовало, что невоенное состояние, в котором пребывает государство, скорее нонсенс. И, если страна относительно продолжительное время не воюет, то она явно слабая и вскоре станет объектом для нападения.

Однако уже в глубинах истории обнаруживается стремление мыслителей древности дифференцировать войны на праведные и неправедные, т. е. оправдываемые, с одной стороны, в глазах общественного мнения с позиций морали и не имеющие оправдания, с другой стороны. Подобная идентификация войн кажется простой, доступной и позволяет как будто бы легко соотнести комбатантов¹ к правым или неправым.

¹ Комбатант (фр. *combattant*) – лицо, входящее в состав вооружённых сил сторон, находящихся в конфликте,

Реальные ситуации войн и военных конфликтов в современном мире крайне сложны и противоречивы, и не так просто раскладывать их на справедливые и несправедливые. Например, как оценить с позиции принципа справедливости вмешательство в военные конфликты, происходящие в других регионах мира, когда в целях предотвращения гибели и страданий мирного населения осуществляется «гуманитарная интервенция»? Или как истолковать войну, начавшуюся как вполне справедливая, но затем превратившуюся в несправедливую в силу её перехода границы справедливости? Так, гибридные войны, ставшие достоянием глобализирующегося мира, совершенно дезориентировали экспертов в вынесении оценок с позиции теории «справедливых войн». Поскольку трудно подчас бывает разобраться в том, кто первым ступил на «тропу» войны, кто первым нарушил правила и обычаи войны, а затем уже и нет смысла разбираться во всём этом, потому что обе воюющие стороны пускаются во все тяжкие в смысле нарушения этики войны.

В рамках предлагаемой статьи автор предпринимает попытку, во-первых, оценить эволюцию критерия справедливости войн. Во-вторых, выяснить, существует ли фундаментальное основание для формулирования критерия «справедливых» войн. В-третьих, выяснить: соответствует ли действительности утверждение о том, что демократии друг с другом не воюют.

В качестве теоретического основания предлагаемой статьи автор отдаёт предпочтение подходам, сформулированным такими мыслителями, как Цицерон, который считал войну «справедливой и благочестивой» в том случае, когда она ведётся для отмщения за причинённое зло или для изгнания врага, вторгшегося на чужую территорию.

Другой мыслитель более позднего времени – Аврелий Августин – к условиям войны, ведущейся с нравственных позиций, добавил «справедливость намерений».

Философ средневековой эпохи Фома Аквинский полагал, что война является справедливой лишь в том случае, если она санкциони-

и имеющее право принимать непосредственное участие в военных действиях (п. 2 ст. 43 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.). К. являются: а) личный состав сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил; б) партизаны, личный состав ополчений и добровольческих отрядов, если они имеют во главе лицо, ответственное за своих подчинённых, имеют определённый, явственно видимый издали отличительный знак, соблюдают в своих действиях правила ведения войны, открыто носят оружие во время каждого военного столкновения.

рована государственной властью. Этот подход нами упоминается лишь для того, чтобы признать, как нам представляется, неприемлемость подобного подхода с этических позиций, поскольку определённые разновидности государственной власти в зависимости от того, при каком политическом режиме они осуществляют отправление власти, готовы санкционировать вооружённое насилие как внутри, так и за пределами собственной территории. Причина неразборчивости использования сил и средств очевидна: удержание власти любыми средствами.

Средневековый философ Гуго Гроций, автор работы «О праве войны и мира», в противовес воззрениям реалистов, утверждал, что человек по природе своей ориентирован на мирное сосуществование с другими людьми на принципах разума. Война, по Гроцию, «есть проявление разрозненного состояния людей, преодоление которого (через воздержание от посягательств на чужую собственность, соблюдение договоров и наказание за преступление) ведёт к складыванию права человеческого, устанавливающего справедливость в международной политике» [8, с. 448]. Спрайведливый международный порядок – искомая категория всех учёных-международников – «в понимании Г. Гроция обеспечивается тем, что международное сообщество априорно является моральным» [1, с. 30], однако, Гроций не наивный идеалист, поэтому, исходя из моральных установок естественного права, он признаёт возможным в отношениях между суверенными государствами применение военной силы. Иными словами, он оправдывает «справедливую» войну только при условии, что она выступает заслуженным возмездием агрессору. Следует заметить, что мотивация участников «справедливых» войн совершенно иная, нежели у таких же солдат и офицеров, сознающих, что они попали на «чужую» войну.

Мы не можем оставить без внимания знаменитую работу «О вечном мире» (1795) великого мыслителя Нового времени Иммануила Канта. Его работа без преувеличения стала вершиной в понимании проблемы войны и мира, следовательно, и проблемы справедливости войн. Кант подверг жёсткой критике существующий международный порядок своего времени и поставил в вину государствам их безответственное обращение к международному праву «лишь для того, чтобы придать вид законности силовым способам реализации собственных эгоистических интересов» [1, с. 37].

В сущности, Кант в данном случае осуждает лицемерие, которое используют силь-

ные мира сего для того, чтобы представить свою позицию вполне справедливой со ссылкой на некое правовое основание. Но право всегда уже этики. Как отмечает норвежский учёный из Института исследования проблем мира Хенрик Сисе, «право – даже такое идеалистическое право, как международное, – мало говорит о том, почему будет правильно поступить именно так, а не иначе. Право может позволять многое, что с моральной точки зрения неправильно, в том числе налагать запрет на действия вполне оправданные с моральной стороны» [7, с. 14].

Таким образом, международное право, будучи ядром международной и военной политики, явно не может считаться всеобъемлющим. С течением времени оно не может не подвергаться изменениям. «Войны нередко заканчиваются победой права, принятием новых документов, направленных на улучшение защиты прав как физических лиц, так и государств. Но это парадоксальным образом означает, что право всегда запаздывает, если его нельзя применить в отношении отдельно взятого индивидуума, которому угрожает опасность» [3, с. 9]. И в подобных ситуациях на помощь праву могут приходиться и нередко приходят нормы морали, эффективность которых, к сожалению, невелика, поскольку их императивный вектор, в отличие от права, направлен не вовне, а вовнутрь.

Не ограничившись критикой, Кант предложил свой проект международного политического порядка, основанный на создании особого союза государств, «который можно назвать союзом мира (*foeduspacificum*) и который отличался бы от мирного договора (*pactumpacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам и навсегда» [1, с. 37]. В качестве механизма реализации вечного мира Кант предлагает создать союз свободных, суверенных и равноправных государств, который «имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причём это не создаёт для них необходимости подчиниться публичным законам и их принуждению» [1, с. 38].

Примечательно, что кантовское представление о вечном мире зиждется на императиве обеспечения свободы каждому государству и одновременно всем другим государствам, входящим в союз мира. И это означает понимание Кантом уже в конце XVIII века свободы в том смысле, который становится приоритетным в

настоящее время. А именно свободы ответственной и ограниченной чужими свободами, которая только и создаёт условия свободы для всех остальных. Именно ответственная свобода может принуждать как человека, так и государственные образования, отказаться от развязывания войн, но если такое и случится, то найти точки соприкосновения для последующего примирения. «Нередко по завершении войны и решении проблемы, которая её вызвала, вовлечённые в неё стороны могут как бы забыть прежнюю вражду и вести себя в отношениях друг с другом как партнёры. Здесь вчерашний противник сегодня может стать союзником. Этот принцип действовал как раньше, так и в наши дни» [4, с. 253].

Подобная линия поведения в наибольшей степени характерна для стран западной демократии, в которых режим ответственной свободы, в общем-то, стал реальностью. Поэтому «в современном мире особенно наглядный пример этого дают Германия и Франция, которые начиная с франко-прусской войны 1870–1871 годов неизменно выступали как непримиримые противники, но после Второй мировой войны стали единомышленниками. То же самое можно сказать о Японии и США, которые во время Второй мировой войны боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, но после войны оказались связаны тесными партнёрскими узами» [4, с. 253].

Не случайно в рамках существующей теории демократического мира есть убеждённость, неоднократно подтверждённая исследователями, что демократии друг с другом не воюют. Так, американские учёные Дойл и Рассет обнаружили причины «демократического мира». Интерпретируя Рассета, известный российский политолог Э. Я. Баталов пишет: «Правительства демократических государств несут ответственность перед своим народом, которому приходится оплачивать войну кровью и материальными средствами. И если цена оказывается непомерной, партия, ввергнувшая страну в войну, может проиграть очередные выборы. Но и независимо от этого власть в конституционных демократиях не может не быть чувствительной к потерям, с которыми неизбежно сопряжена любая, пусть даже маленькая война. Сказываются и институциональные ограничения: демократические властные институты контролируют в определённой мере друг друга, что позволяет если и не предотвращать, то ограничивать возможные ошибки» [2, с. 311–312]. Однако в реальной военно-политической практике не так всё просто, и теория демократического мира для сохране-

ния своей значимой позиции нуждается в дальнейшей верификации с использованием более солидного массива эмпирических данных по этой проблематике.

Не будучи способным – по понятным причинам – объять необъятное, т. е. все работы, связанные с проблемой «справедливых» войн, ограничимся названными классиками. Тем более, некоторые их воззрения позволяют проводить проекцию на современную плоскость рассматриваемой проблемы и брать на вооружение некоторые идеи мыслителей прошлого.

Вышеприведённые авторы обращаются, по сути, к арсеналу военной этики, которая соприкасается с международным правом, в частности, с международным гуманитарным правом и такими важнейшими его столпами, как Женевские и Гаагские конвенции, первая из которых служит улучшению участи больных и раненых в зонах военного конфликта, а также обеспечивает гуманное отношение к военнопленным. Второй пакет конвенций, именуемый правом Гааги, или правом вооружённых конфликтов, направлен на соблюдение обычаев и правил войны. Оба пакета документов в разные годы и десятилетия стали возможны лишь в результате осмысления пагубности войн и понимания того, что войн избежать не удастся, но тогда их нужно определённым образом ограничить, чтобы уменьшить их разрушительный потенциал.

Право Женевы и право Гааги понятием «справедливость» не оперируют. Отсутствует понятие «справедливость» и в основополагающих принципах, которыми в своей деятельности руководствуется Международный комитет Красного Креста (МККК), озабоченный в мирное время распространением знаний о международном гуманитарном праве, а в военное время – их реализацией. Парадокс при этом заключается в том, что, следуя таким принципам, как гуманность и беспристрастность, нейтральность и независимость, добровольность и единство, универсальность, Международное гуманитарное право (МГП) и МККК как их хранители обеспечивают искомый принцип справедливости, в том числе опосредованно обеспечивают реализацию критерия справедливости войны.

Задолго до принятия первой Женевской конвенции (1864 г.) французский философ эпохи Просвещения Жан-Жак Руссо сформулировал принцип, касающийся ведения войны между государствами: «Война – это отношения не между людьми, но между государствами, и люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа и даже не как граж-

дане, а как солдаты; не как жители своей страны, а как её защитники... Если цель войны – уничтожение враждебного государства, то другая сторона имеет право истреблять его защитников, пока они держат в руках оружие, но как только они бросают его и сдаются – они перестают быть врагами или инструментом в руках врагов и вновь становятся просто людьми, чьи жизни не позволено никому отнимать» [6]. Этот принцип, в сущности, стал предтечей Международного гуманитарного права.

Он был дополнен в 1899 году русским юристом Ф. Ф. Мартенсом для случаев, не предусмотренных гуманитарным правом, и звучал следующим образом: «...население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаями, из законов человечности и требований общественного сознания» [5, с. 18]. Это положение получило название «оговорки Мартенса» и касалось тех стран, чьи правительства по разным причинам, отказавшись от вступления страны в пространство гуманитарного права, лишили своих граждан быть под защитой МГП. Тогда как «оговорка Мартенса» обращалась к правительствам воюющих стран соблюдать принцип гуманности и не причинять излишних страданий гражданам стран, которые отказались от подписания Женевских конвенций.

Эволюция МГП продолжалась, поэтому «оговорка Мартенса» стала нормой обычного права и была включена в 1977 году в Первый Дополнительный к Женевским конвенциям протокол. И, таким образом, она стала дополнительным фактором, обеспечивающим критерий «справедливости» войны, т. е. те страны, которые отказывались выполнять это положение, по определению оказывались вне законов человечности. Главари фашистской Германии, исходя и из этого принципа, кото-

рый был погран гитлеровским тоталитарным режимом, оказались главными военными преступниками XX века.

Таким образом, проведённый нами анализ проблемы идентификации войн на предмет их «справедливости», даёт основание для формулирования следующих выводов:

– для оправдания новых войн лица, принимающие решение о начале войны, часто прибегают к тезису о том, что война лежит в самой природе человека, что является спорным утверждением;

– международное право, будучи ядром международной и военной политики, не может считаться всеобъемлющим, и тогда требуется обращение к нормам морали как к последней инстанции, эффективность которых, к сожалению, невелика, поскольку их императивный вектор, в отличие от права, направлен не вовне, а вовнутрь;

– ответственная свобода может принуждать как человека, так и государственные образования, отказаться от развязывания войн, но если такое и случится, то найти точки соприкосновения для последующего примирения;

– в рамках существующей теории демократического мира есть убеждённая, неоднократно подтверждённая исследователями, что демократии друг с другом не воюют, однако в настоящее время эта теория нуждается в дальнейшей верификации с использованием большого массива эмпирического материала;

– право Женевы и право Гааги понятием «справедливость» не оперируют, однако парадокс заключается в том, что, следуя таким принципам, как гуманность и беспристрастность, нейтральность и независимость, добровольность и единство, универсальность, они обеспечивают искомый принцип справедливости, в том числе опосредованно обеспечивают реализацию критерия справедливости войны.

Источники и литература

1. Барышников Д. Н. Конфликты и мировая политика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 384 с.
2. Баталов Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с.
3. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. Е. Кирпичниковой. – М.: МИК, 2004. – 552 с.
4. Гаджиев К. С. Введение в политическую философию. – М.: Логос, 2004. – 336 с.
5. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / под рук. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 209 с.
6. Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре, или принципы политического права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf (дата обращения: 31.03.2017).
7. Сисе Хенрик. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. – М.: Весь мир, 2007. – 176 с.
8. Соловьев А. И., Пугачев В. П. Введение в политологию. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 477 с.

**РАЗДЕЛ 3. Экономика и социальная сфера:
приграничный формат
(экономическое направление)**

**SECTION 3. Economics and social field:
cross-border format
(economics area)**

УДК 316:332(571.54)
ББК С59:У011.2(2Рос.Бур)

Виталий Юрьевич Буров,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Социально-экономическое развитие региона:
региональные и международные аспекты¹**

Уйти от ресурсного типа экономики, обеспечить рост в промышленных секторах и повысить качество жизни населения Россия сможет, только изменив приоритеты региональной политики. В её основу должна лечь идея саморазвития регионов.

Александр Татаркин, академик РАН

В современных условиях важной задачей для всех регионов является преодоление проблем, возникших вследствие мирового экономического кризиса, и создание условий для последующего устойчивого социально-экономического развития. Это требует активного поиска новых методов и подходов проведения ответственной антикризисной политики каждого субъекта Российской Федерации, что связано во многом со стратегическим планированием и должно учитывать региональные аспекты и фактор приграничья. Выбор основных направлений и инструментов государственного стратегического планирования должно основываться на результатах научных исследований во всех сферах деятельности: экономической, финансовой, социальной.

Ключевые слова: трансграничный туризм, малое предпринимательство, внешнеэкономическое сотрудничество, экологическое сотрудничество

---

¹ В работе использован материал НИР (научно-исследовательская работа). См.: Атанов Н. И., Буров В. Ю. Разработка предложений по комплексному социально-экономическому развитию Республики Бурятия в рамках Байкальского региона. – Улан-Удэ, 2014. – № 03-В002–1938/14.

Vitaly Yu. Burov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Socio-Economic Development of The Region: Regional and International Dimensions

In modern conditions an important task for all regions is to overcome the problems arising from the global economic crisis, and creating conditions for further sustainable socio-economic development. This requires an active search for new methods and approaches for the responsible anti-crisis policy of each subject of the Russian Federation, due largely to strategic planning and should take into account regional aspects and the factor frontier. The choice of the main directions and instruments of state strategic planning should be based on the results of scientific research in all fields of activity: economic, financial, social.

Keywords: cross-border tourism, small business, foreign economic cooperation, environmental cooperation

Растущая потребность в обеспечении конкурентоспособности регионов и специфика состояния экономики России, усиление конкурентной борьбы, с одной стороны, и большие масштабы теневой экономической деятельности с другой стороны, а также потребность развития научных подходов в области теории и методики управления устойчивым развитием экономики региона определяет актуальность темы исследования.

Главным вызовом сегодняшнего и предстоящего периодов являются отрицательные темпы динамики экономического роста. Причины включения механизма торможения связаны в основном исчерпанием действовавшей с 1999 года модели экономического роста и имеет сугубо институциональную природу (из послания Президента РФ Федеральному Собранию 13.12.2013 г.). К тому же Россия вступила в полосу ухудшения демографических пропорций, увеличивающих давление на рынок труда и на бюджетную систему. Не вызывает оптимизма резко ухудшившаяся внешнеполитическая санкционная среда по отношению к России.

В аспекте регионов необходимо отметить, что Россия отличается высокой неравномерностью экономического развития в территориальном разрезе. Эта неравномерность во многом определяется обеспеченностью природными ресурсами, исторически сложившейся инфраструктурой, природно-климатическими условиями, менталитетом населения и другими факторами объективного характера¹.

Стратегической целью является определение путей и способов конкурентоспособ-

¹ Научные сотрудники БНЦ: «Бурятии не удалось найти новые точки экономического роста» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan.mk.ru/articles/2016/01/20/nauchnye-sotrudniki-bnc-buryatii-ne-udalos-naйти-novye-tochki-ekonomicheskogo-rosta.html> (дата обращения: 20.03.2017).

ного развития экономики субъекта Байкальского субрегиона для обеспечения стабильности и роста качества жизни населения в условиях нарастающих угроз социально-экономическому развитию страны и региона с использованием подхода объединения усилий трёх субъектов и Республики Монголия и Китая.

Для достижения поставленной цели определены следующие стратегические приоритеты:

– в период рецессии приоритет номер один – преодоление барьеров в развитии жизнеобеспечивающих секторов, повышающих экономический иммунитет от кризисных давлений;

– модернизация пространственной организации, обеспечивающей создание качественной среды для развития горизонтальных кооперированных связей между муниципальными районами, для проживания и деятельности человека;

– становление и развитие инновационных кластеров для повышения конкурентоспособности ключевых отраслей экономики;

– совершенствование государственных и гражданских институтов развития как условия повышения качества и эффективности государственного управления.

Развитие трансграничного туризма. На трансграничной территории России, Монголии и Китая сосредоточены уникальные туристские ресурсы. В настоящее время туризм как одна из сфер взаимодействия приграничных территорий переживает период активного роста. Сторонами разрабатывается международный трансграничный туристский маршрут «Великий чайный путь». Основная цель проекта – создание международного туристического бренда и привлечение большого числа туристов из приграничных регионов и стран дальнего зарубежья [2].

Субъекты Байкальского региона обладают высоким туристско-рекреационным потенциалом, имеют общие преимущества для развития деятельности в сфере туризма и рекреации. В основе успешной интеграции – эффективное взаимодействие предприятий сферы туризма и рекреации (гостиницы, отели, санатории, транспортные предприятия, предприятия питания и т. п.) трёх субъектов Байкальского региона, в каждом из которых сформирован в той или иной степени туристский кластер.

Таким образом, возникает необходимость построения субрегионального кластера с предлагаемым названием «Байкал». Основные участники субкластера: юридические лица, индивидуальные предприниматели, оказывающие услуги в сфере туризма и рекреации: транспортные, гостеприимства, оздоровительные, лечебные, религиозные, информационные, спортивные, анимационные и др.

Развитие приграничной экономики: перспективы сотрудничества с Китаем и Монголией. 12 сентября 2014 года в г. Душанбе на полях 14-го саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) состоялась первая в новейшей истории встреча лидеров трёх сопредельных государств: России, Монголии и Китая. Стороны *собрались по инициативе монгольской стороны* для обсуждения проблем взаимодействия, расширения сотрудничества и проблем безопасности в Северо-Восточной Азии. Главной темой переговоров стало взаимодействие трёх стран, ключевой сферой которого определено торгово-экономическое сотрудничество [2].

В политическом плане основными задачами выступают укрепление взаимодоверия и «формирование сообщества одной судьбы», в экономической сфере – расширение взаимной открытости и сопряжений стратегий развития, в культурно-гуманитарной области – укрепление обмена и сотрудничества между народами, в международных делах – продвижение многополярности и демократизации международных отношений [5].

В целях развития межсубъектных, межрегиональных и международных взаимодействий необходимо проведение целенаправленной государственной политики, предусматривающей [1]:

1. Налаживание кооперации с государствами как Азиатско-Тихоокеанского региона, так и Европы в конкурентоспособных на мировом рынке производствах, имеющих высокий научно-технический потенциал (лесопереработка и лесовосстановление, энергетика и

энергосбережение, реализация инфраструктурных проектов (в том числе логистические центры, крупные авиационные транспортные узлы, автодороги, модернизация аэропортов), обмен технологиями и научно-технические разработки, участие зарубежных инвесторов в региональных строительных проектах и др.).

2. Формирование положительного имиджа регионов, в том числе проведение знаковых мероприятий в Российской Федерации и за рубежом (совместное участие организаций субъектов в российских и зарубежных международных отраслевых выставках, подготовка и проведение презентаций за рубежом, организация публикаций в российских и международных средствах массовой информации об экономическом и инвестиционном потенциале региона).

3. Снижение административных барьеров для усиления внешних связей субъектов с территориями и организациями – потенциальными инвесторами.

4. Содействие развитию прогрессивных и внедрение новых форм внешнеэкономического сотрудничества (включая инвестиции, научно-техническую и производственную кооперацию, обмен услугами, франчайзинговую деятельность).

5. Содействие развитию экспорта услуг, оказываемых в таких сферах деятельности как транспорт, туризм, связь, банковское, страховое, информационное, консультационное обслуживание, образование, здравоохранение и др.

6. Экологическое сотрудничество с Монголией по вопросу защиты экологии бассейна р. Селенга, с разработкой программы международного сотрудничества в направлении охраны мирового наследия оз. Байкал между Россией, Монголией и иностранными корпорациями, ведущими хозяйственную деятельность на территории, охватывающей реки и иные экосистемы бассейна озера.

7. Развитие культурных, спортивных, образовательных, научных, религиозных, общественных связей на основе обмена делегациями по программам изучения иностранных языков, проведения конференций по обмену опытом в области спорта, музыки, художественных искусств, медицины, технологий, начального, среднего и высшего образования и т. д.

8. Политическое международное сотрудничество – развитие дружественных отношений с городами-побратимами, проведение дней зарубежной культуры, воспитание у молодёжи ментальности приветливого, терпимого, доброго и великодушного народа с целью

улучшения имиджевой и инвестиционной привлекательности региона.

9. Мониторинг международных рейтингов регионов по туризму, экономике, культуре, человеческому потенциалу, изучение механизмов оценки рейтинга и реализация мероприятий по улучшению показателей.

10. Развитие инфраструктуры для транзитного, комплексного туризма, развитие въездного и выездного делового, техногенного, культурного, природного, экологического, этнографического, исторического, молодёжного, образовательного, научного и других видов туризма.

На основе комплексного анализа выявлены основные барьеры, тормозящие поступательное развитие экономики.

Прежде всего, это инвестиционный спад, ограничивающий движущую силу роста.

Второе – это слабость институтов развития: как государственных, так и гражданских.

Третье – это слабая демография и неудовлетворительный миграционный баланс из-за оттока наиболее предприимчивой и креативной молодёжи за пределы региона.

Главными задачами российской экономики являются:

- уход от сырьевой экспортной зависимости;
- проведение политики импортозамещения;
- снижение инфляции до уровня развитых рыночных стран;
- принятие необходимых мер по поддержке бизнеса, внедряющего инновационные технологии (льготное налогообложение, частичное субсидирование процентов по кредиту), увеличению среднего класса (за 3–4 года в 2 раза);

- не увеличивать налоговую нагрузку на бизнес (включая социальные платежи);
- привлечение научных организаций (на условиях госзаказа) к антикризисной работе;
- введение налоговых льгот и налоговых кредитов предприятиям, внедряющим инновационные разработки.

Использование позитивного обновленческого потенциала кризиса означает построение двухуровневой экономики в регионе: внутрирегионального (местного) значения и межрегионального, общегосударственного значения. Первая – целиком в компетенции местного сообщества и региональных органов государственного управления, вторая – объект совместного с федеральным центром и корпоративным бизнесом управления, зависящая от внешних (к региону) инвестиций и рынков сбыта продукции.

Учитывая мировое значение оз. Байкал, необходимо осуществить сбалансированное решение экологических и социально-экономических проблем на Байкальской природной территории. Наладить широкое обсуждение проектов этих документов среди населения и общественности Республики.

Очевидно, что в укреплении трёхстороннего взаимодействия России, Монголии и Китая заинтересованы все участники процесса. Для России развитие «восточного вектора» внешней политики приобрело особую актуальность в свете изменчивой международной политической обстановки и введения западных экономических санкций. Кроме того, активизация отношений с азиатскими странами вписывается в задачу экономического развития Сибири и Дальнего Востока [3].

Источники и литература

1. Буров В. Ю., Атанов Н. И. Новые подходы к управлению социально-экономическим развитием региона в условиях экономического кризиса (на примере Республики Бурятия) // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: новые вызовы для менеджмента компаний: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – С. 41–54.
2. Дондоков З. Б.-Д., Борисов Г. О., Намжилова В. О. Россия – Монголия – Китай: перспективы трёхстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 1. – С. 93–101.
3. Лузянин С. Россия – Монголия – Китай? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document258849.phtml> (дата обращения: 20.03.2017).
4. Научно-исследовательская работа «Разработка предложений по комплексному социально-экономическому развитию Республики Бурятия в рамках Байкальского региона» / Н. И. Атанов, В. Ю. Буров. – Улан-Удэ. – 2014. – № 03-В002–1938/14.
5. Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.static.kremlin.ru/media/events/files/ru/jF9vhkLz06LI8dUCuntCCJ7n099fAfxk.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).
6. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uln.mk.ru/articles/2016/01/20/nauchnye-sotrudniki-bnc-buryatii-neudalosal-nayti-novye-tochki-ekonomicheskogo-rosta.html> (дата обращения: 19.03.2017).

УДК 33
ББК У5

Анна Андреевна Рыжая,

Елена Владимировна Белякова,

*Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия*

Зарубежный опыт управления научно-технологическим развитием промышленности

В статье обоснована необходимость научно-технологического развития промышленности как основы экономического роста страны и регионов. Рассмотрены особенности управления научно-технологическим развитием промышленности на примере Германии, Франции и США. Выделены инструменты управления, используемые развитыми странами.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, промышленность, инструменты управления научно-технологическим развитием

Anna A. Ryzhaya,

Elena V. Belyakova,

*Reshetnev Siberian State Aerospace University,
Krasnoyarsk, Russia*

Foreign Management Experience of Scientific and Technological Development of Industry

In the article, the need of scientific and technological development of industry as the basis of economic growth of the country and regions are justified. The features controlling of scientific and technical development of industry on the example Germany, France and United States are reviewed. Selected management tools, which using by developed countries.

Keywords: scientific and technological development, industry, management tools of scientific and technological development

В условиях рыночной экономики важная роль в решении задач научно-технологического развития промышленности принадлежит регионам. В настоящий момент в мире и России происходит смена природы технологического развития, меняются факторы, которые определяют технологическое развитие, меняется их организация и значимость. Невозможно за счёт старых ресурсов инфраструктур инициировать новое технологическое развитие. В 2016 году Указом Президента РФ была принята «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [5], целью которой является обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счёт создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. Следует отметить, что весьма существенно, руководство страны взяло курс на активное вовлечение в процесс развития промышленного производства субъектов РФ, предусмотрев передачу им соответ-

ствующих полномочий. В современных условиях акцент в вопросах перехода на промышленно-инновационное развитие закономерно смещается на уровень регионов.

Разрабатывая предложения по формированию стратегии научно-технологического развития промышленного комплекса региона, целесообразным для использования может быть анализ зарубежного опыта управления научно-технологическим развитием в условиях рыночной экономики.

Вопросам управления научно-технологическим развитием промышленности уделяется большое внимание во всех промышленно-развитых странах. Накопленный в мировой практике опыт в области управления научно-технологическим развитием отличается разнообразием, при этом для регионов отдельного государства характерно использование определённого набора инструментов с учётом своих особенностей, традиций, имеющихся ресурсов и потребностей.

Анализ научной литературы [1; 3; 6; 7; 8] позволил выделить ряд инструментов, используемых развитыми странами в управлении их научно-технологическим развитием:

- законодательные меры;
- меры по стимулированию капиталовложений в технически передовые отрасли;
- государственное финансирование НИОКР;
- контрактная система, посредством которой не только осуществляется финансирование государством НИОКР, создание новой техники и технологий, но и обеспечивается гарантированный рынок сбыта для промышленных корпораций;
- дотации и субсидии частным и государственным предприятиям, выделяемые из средств государственного бюджета и внебюджетных фондов;
- кредиты, субсидируемые государством или предоставляемые под низкий процент;
- налоговая и амортизационная политика, включая предоставление налоговых льгот, стимулирующих привлечение инвестиций в научно-техническую сферу, проведение НИОКР, технологические и продуктовые нововведения в частом секторе;
- экспортные субсидии;
- развитие систем распространения научно-технической информации.

Следует отметить, что практически во всех промышленно развитых странах мира произошла трансформация государственной научно-технологической политики в сторону большей децентрализации и перераспределения прав и ответственности в пользу региональных органов власти.

Центральное правительство, как правило, отвечает за формирование законодательной базы в области научно-технологического развития, выбор общенациональных стратегических приоритетов, фундаментальных научных исследований и финансирование соответствующих программ и проектов, организацию международного научного сотрудничества, создание и развитие общенациональной информационной базы и соответствующих общенациональных информационных сетей.

В то же время глубокие знания особенностей территории, возможность непосредственного контакта и влияния на деятельность основных субъектов институтов и регионов позволяют региональным администрациям находить решения, учитывающие местную специфику.

Для нивелирования негативных сторон, возникающих при самостоятельности террито-

риальных органов управления (общенациональная инициатива теряет целостность, программы органов власти разного уровня перекрывают и дублируют друг друга, преследуют различные цели) центр всегда оставляет за собой право на проведение необходимых регулирующих мер в областях, наиболее важных для поддержания общенациональной конкурентоспособности и сохранения социальной стабильности.

Рассмотрим особенности управления научно-технологическим развитием на примере Германии, Франции, США.

Одной из особенностей научно-технологического развития Германии является передача ряда функций, свойственных центральному правительству, федеральным землям, обычно рассматриваемым в качестве региона. В частности, содержание университетов и финансирование их научно-исследовательской работы обеспечивается федерацией и землями на долевых началах, что подкреплено законодательно.

В Германии исполнительными органами правительства в сфере научно-технологического развития на уровне Федерации являются Министерство образования, науки, исследований и технологии и Министерство экономики. Министерство образования, науки, исследований и технологии имеет широкий диапазон деятельности, в том числе осуществляет отбор и финансирование приоритетных программ технологического развития, а также оказывает финансовую поддержку разработке государственными научными учреждениями совместных проектов с промышленными, преимущественно малыми и средними предприятиями.

В свою очередь, Министерство экономики оказывает содействие научно-технологическому развитию в форме венчурного участия в капиталах малых и средних предприятий.

Роль региональных правительственных органов в реализации научно-технической политики сводится к обеспечению поддержания и дальнейшего развития научно-технической инфраструктуры. Для этого предусматривается целый ряд мер как организационно-структурного, так и финансового характера. Так, например, правительство земли Баден-Вюртемберг приняло программу, устанавливающую главные задачи научных исследований и приоритетную тематику. В рамках данной программы финансируются междисциплинарные проекты, получившие положительную оценку независимой экспертизы. Кроме того, правительство земли учредило два консультативных органа: Совет по научным исследованиям, Совет

по технологиям. Они вырабатывают для регионального правительства конкретные меры научно-технологического развития по вопросам исследований прикладной направленности, трансфера технологий и создания собственных предприятий учёными и инженерами [3].

Несмотря на то, что Франция является унитарным государством в отличие от Германии, где присутствует федеративное государственное устройство, здесь также используется децентрализованный подход в вопросах научно-технологического развития.

Так, с 1989 года в стране реализуется программа общенациональной сети передачи технологий, которая координируется центральным правительством через различные ведомства, при этом наиболее важные меры по содействию нововведениям принимаются на региональном уровне. Для реализации программы создан аппарат региональных технических советников, сеть региональных подразделений Национального агентства содействия научным исследованиям (ANVAR) и сети региональных центров инноваций и передачи технологий (CRITT) [2].

Технические советники помогают наладить контакты между руководителями и специалистами предприятий, оказывают помощь в решении технических задач, информируют о том, где можно получить определённые услуги, пройти обучение, выполнить исследования и т. д.

Основная функция агентства ANVAR – оказание финансовой и иной помощи научно-исследовательским организациям и промышленным предприятиям на любом этапе инновационного процесса, причём большая часть проектов ANVAR нацелена на развитие научно-технического сотрудничества промышленных компаний как между собой, так и с государственными научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями.

Задачами центров CRITT является приведение в соответствие спроса и предложения на рынке технологий, обеспечение сотрудничества высших учебных заведений, государственных научно-исследовательских учреждений, промышленных предприятий, торгово-промышленных палат и других субъектов инновационного процесса, ускорение процесса передачи технологий.

Одновременно с развитием процесса расширения компетенции региональных органов власти в научно-технической сфере, во Франции развивается и регулирование взаимоотношений центральных и региональных органов управления в рамках так называемых контрактов «государство – регион» [1; 2; 3].

Опыт США по региональному управлению научно-технологическим развитием рассмотрим на примере штата Огайо.

В штате размещены 850 промышленных исследовательских лабораторий, где работают около 15 тысяч специалистов [2]. Среди реализуемых в 1980-е годы 11 программ наиболее известной является программа «Томас Эдисон», которая состоит из трёх составляющих: посевной фонд, технологические центры и инкубаторы.

К основным целям программы были отнесены:

- развитие прикладных исследований на базе коопераций усилий вузов штата и промышленного сектора;
- содействие наукоёмким фирмам в создании новых образцов наукоёмкой продукции;
- инкубация малых высокотехнологических фирм.

Финансирование исследовательских проектов предоставляется в виде безвозмездной дотации вузу-партнёру проекта, при этом обязательным условием является встречное финансирование со стороны промышленного партнёра. Значимым условием программы является то, что все исследования должны проводиться на территории штата Огайо, где также должна осваиваться в производстве новая продукция.

В составе программы функционируют девять технологических центров, в создании которых положен не принцип следования заранее заданным государством приоритетным направлениям, а поддержка тех направлений, где имеются конкурентные преимущества.

Начатые в 1980-е годы инициативы продолжают своё развитие: увеличивается число программ и объём их финансирования; растёт число участников из высших учебных заведений, промышленных компаний, бесприбыльных организаций, новых округов и городов; происходит создание инфраструктуры, чётко нацеленной на научно-технический прогресс.

Для реализации программ в штате Огайо создана целевая организационная структура – постоянно действующий Научно-технический совет штата. Кроме того, для усиления роли промышленности в разработке научно-технической политики и объединения усилий промышленных компаний в её осуществлении в рамках данного совета организован Совет бизнеса. А при губернаторе учреждён пост советника по вопросам науки и техники [4].

Таким образом, зарубежный опыт регионального управления научно-технологическим развитием промышленности в условиях сло-

жившихся рыночных отношений может быть полезным для создания системы стратегического управления промышленным комплексом региона как с точки зрения формируемой структуры управления, так и применяемых инструментов управления.

Источники и литература

1. **Волостнов Б. И., Кузьмицкий А. А., Поляков В. В.** Инновационно-технологическое развитие: стратегии, приоритеты, закономерности. – М.: Ваш полиграфический партнёр, 2011. – 352 с.
2. **Государственная и региональная научно-техническая и инновационная политика, структура, приоритеты, характеристики:** аналитический обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refdb.ru/look/1740881.html> (дата обращения: 04.04.2017).
3. **Иванов В. В., Петров Б. И., Плетнев К. И.** Территории высокой концентрации научно-технического потенциала в странах ЕС. – М.: Сканрус, 2001. – 180 с.
4. **Инновационный менеджмент: концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития:** учеб. пособие / под ред. В. М. Аньшина, А. А. Дагаева. – М.: Дело, 2007. – 584 с.
5. **Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 22.03.2017).
6. **Нестеренко Ю.** Мировой опыт формирования национальных инновационных систем и проблемы России // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – № 1. – С. 81–87.
7. **Черкасов М. Н.** Анализ мирового опыта по стимулированию научно-технической и инновационной деятельности // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 161–165.
8. **Чумаченко Б., Лавров К.** Стратегическое управление научно-технологическим развитием: опыт США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vasilievaa.narod.ru/13_2_00.htm (дата обращения: 04.04.2017).

УДК 332.1
ББК У050.2

Ринас Васимович Кашбразиев,
Лаура Товмасын,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

**Роль международных транспортных коридоров
в развитии российского рынка логистических услуг**

В работе дана общая оценка состояния рынка логистических услуг в России и влияния перспективных международных транспортных коридоров на экономический рост и совершенствование транспортно-логистической инфраструктуры страны. В работе отмечается, что в условиях обострённой политической ситуации с западными странами перспективным является сотрудничество России с Китаем как с точки зрения развития международных экономических отношений, так и реализации международных транспортных проектов.

Ключевые слова: логистика, транспорт, международный транспортный коридор, интеграция, международные отношения, международная кооперация, Россия, Китай

Rinas V. Kashbrasiev,

Laura Tovmasyan,

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

The Role of International Transport Corridors in Development of the Russian Market of Logistics Services

The article provides an overall assessment of the state of the logistics services market in Russia and the impact of promising international transport corridors on economic growth and improvement of the country's transport and logistics infrastructure. In the work is noted that Russia's cooperation with China is promising both in terms of developing international economic relations and implementing international transport projects due to the aggravated political situation with Western countries.

Keywords: logistics, transport, international transport corridor, integration, international relations, international cooperation, Russia, China

В настоящее время транспортная инфраструктура мирового хозяйства постоянно развивается и совершенствуется, предоставляя быстрые и качественные перевозки. Растёт значение такого сектора экономики как логистика. Количество стран, стремящихся усилить роль логистических услуг, всё больше увеличивается.

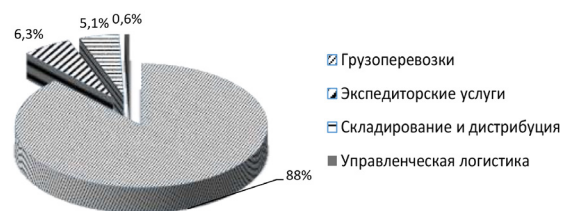
Логистика – это наука, которая подразумевает планирование, контроль и управление разного рода операций, таких, например, как транспортировка, хранение и т. п., позволяющих доставить сырьё или материалы до потребителя согласно его интересам и требованиям, а также передача, хранение и обработка информации [6]. Важнейшей задачей логистики является планирование оптимального территориального (географического) размещения определённого продукта для удовлетворения потребностей и непрерывной работы предприятия. Целевой комплекс задач помогает специалистам улучшить транспортную услугу и, соответственно, максимизировать прибыль посредством снижения возможных издержек.

Логистический рынок в России состоит из 4 сегментов [9, с. 267]:

- грузоперевозка с помощью различных видов транспорта;
- складирование и дистрибуция;

- экспедиторские услуги;
- управленческая логистика (управление цепями поставок).

Структура российского рынка транспортно-логистических услуг может быть представлена в виде следующей диаграммы (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура российского рынка транспортно-логистических услуг, 2015 г. [7]

По рис. 1 видно, что на грузоперевозки приходится наибольшая часть – 88,0 % от всего общего объёма рынка, 6,3 % составляют экспедиторские услуги, 5,1 % – складирование и дистрибуция и всего лишь 0,6 % составляет управленческая логистика.

Важным вопросом стоит грамотная и оптимальная планировка грузоперевозок. Для оценки состояния рынка по видам транспорта проанализируем данные грузооборота по видам транспорта, представленные в таблице.

Грузооборот по видам транспорта

	Февраль 2017 г., млрд т-км	В % к		Февраль 2016 г. в % к	
		февралю 2016 г.	январю 2017 г.	февралю 2015 г.	январю 2016 г.
Грузооборот транспорта	421,1	103,8	90,8	103,9	94,7
в том числе: железнодорожного	189,2	102,2	92,9	106,0	101,2
автомобильного	16,5	101,7	103,7	97,6	113,5
морского	2,8	71,1	77,7	в 2,0р.	91,4

Окончание таблицы

	Февраль 2017 г., млрд т-км	В % к		Февраль 2016 г. в % к	
		февралю 2016 г.	январю 2017 г.	февралю 2015 г.	январю 2016 г.
внутреннего водного	1,5	65,8	98,2	110,8	128,8
воздушного	0,5	120,7	85,3	100,4	89,0
трубопроводного	210,6	106,5	88,3	101,5	88,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики [8].

Согласно данным таблицы, в феврале 2017 года железнодорожный и трубопроводный транспорт зафиксированы как виды транспорта с наибольшим оборотом грузов, а воздушный – с наименьшим, что объясняется высокой стоимостью перевозок. В целом объёмы грузооборота в России постоянно увеличиваются, в особенности за последние годы, ставя перед логистической инфраструктурой новые задачи.

Главная проблема логистической отрасли в России состоит в слабом технико-технологическом оснащении организаций и их отставании от иностранных конкурентов. Анализ литературы показывает, что развитие рынка логистики возможно при:

- создании логистической структуры как на государственном, так и на региональном уровнях;
- разработке логистических центров;
- улучшении уровня персонала в регионах;
- совершенствовании транспорта;
- международной кооперации в производственной, научно-технической и транспортной сферах.

Говоря о транспортно-логистическом обслуживании внешнеэкономической деятельности России, следует отметить, что международные перевозки грузов осуществляются преимущественно трубопроводным и железнодорожным транспортом. Происходит это в силу того, что основными статьями экспорта Российской Федерации являются нефть и газ. Что касается остальных продуктов импорта и экспорта, важную роль здесь играют железнодорожные, автомобильные, морские и воздушные международные перевозки.

Для России, страны с огромной площадью и колоссальными возможностями, оптимизация внешнеторгового потока по страновым направлениям и видам транспорта очень актуальна. На протяжении последнего десятилетия российская экономика развивается средними темпами. Для того, чтобы ускорить экономическое развитие и усилить позицию России, важно наладить экономическое сотрудничество, международную производственную, научно-техническую, торговую ко-

операцию, где транспортной инфраструктуре принадлежит особая роль.

В связи с этим, международные транспортные коридоры (далее – МТК) для России – это способ интеграции в систему мирового транспорта и развития отечественной инфраструктуры до мировых стандартов. Международный транспортный коридор становится одним из важнейших механизмов институционального и инфраструктурного обеспечения международной кооперации. В настоящее время именно транспорт является одной из сфер, определяющих динамику и результаты экономической интеграции в рамках Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза, Единого экономического пространства, стран ШОС и БРИКС [1]. Соответственно, осуществление проектов позитивно повлияет на экономическое развитие регионов и улучшит отечественную транспортную инфраструктуру в целом.

Задаче улучшения транспортной связи России уделяется должное внимание и на официальном уровне. Так, заместитель министра транспорта РФ Алексей Цыденов подчеркнул, что геополитическое положение России между Европой и Азией определяет её ключевую роль в обеспечении евроазиатских связей, в том числе в формировании международной транспортной инфраструктуры [4].

МТК для России – это средство интеграции в систему мирового транспорта и логистического пространства. Их строительство – это не только огромное финансовое вливание и совершенствование территориальной инфраструктуры, но и гарантия того, что Россия не сможет быть изолирована на мировом уровне. Следовательно, международные грузы будут проходить через Россию из стран Дальнего Востока, Юго-Восточной и Южной Азии в Северную, Западную, Восточную и Центральную Европу. Кроме того, МТК способствуют значительному улучшению внутринациональной коммуникации, появлению благоприятных экономических условий для развития внутрирегиональных регионов России.

В настоящее время Россия входит во многие крупные проекты по перевозке и транспор-

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

тировке грузов, которые открывают широчайшие возможности для российской экономики. Наиболее значимыми являются:

– «Транссибирская магистраль» – двухпутная железная дорога, соединяющая страны Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона;

– «Северный морской путь» – самый короткий морской маршрут между Европой и Дальним Востоком, имеет значение не только как государственная транспортная связь России в Арктике, но и уже в недалекой перспективе для Китая и стран Юго-Восточной Азии;

– ТРАСЕКА – это международный проект, обеспечивающий транспортную связь между странами по МТК «Европа – Кавказ – Азия»;

– «Север – Юг» – международное транспортное партнёрство между странами Северной Европы и Индией через Иран. Преимуществами данного МТК являются сокращение

расстояния транспортировки больше чем в два раза и существенное снижение стоимости перевозки грузов по сравнению с перевозкой морским путём.

Несмотря на политические и экономические сложности России со странами Запада, для России открылась новая перспективная возможность – сотрудничество с Китаем. В 2014 году страны подписали контракт на поставку газа из России в Китай. «Сила Сибири», или «Восточный маршрут» – это крупнейшее соглашение за всю историю. По прогнозам объём поставки газа в КНР будет превосходить величину поставки газа в европейские страны, т. е. это прекрасная альтернатива, не омрачённая ежегодно ожесточающимися санкциями. По плану в 2019 году будет осуществлена первая поставка по данному маршруту. Схема перевозки газа по «Восточному маршруту» изображена на рис. 2.

Рис. 2. Схема маршрута газопровода «Сила Сибири» («Восточный маршрут») [5]

Сохраняет перспективу быть реализованным проект МТК «Широкая колея» – создание единой железной дороги от Дальнего Востока до Центральной и Западной Европы. Данный проект позволит оперативно доставлять грузы из Азиатско-Тихоокеанского региона через Россию, Украину и Словакию в центр Европы за две недели. Как отметил руководитель департамента Министерства транспорта, инноваций и технологий Австрии Херберт Кассер, «это хорошая возможность для России найти выход в европейскую транспортную систему»

[10]. Реализация ширококолейного проекта послужит причиной развития МТК «Запад – Восток», включающей Транссиб – Транссибирскую железнодорожную магистраль. Реализация проекта МТК «Широкая колея» повлияет таким образом и на развитие транспортно-логистических отношений между приграничными регионами России (Дальний Восток, Сибирь) и северо-восточными провинциями КНР. МТК «Запад – Восток» в результате реализации международных проектов может выглядеть следующим образом (см. рис. 3).

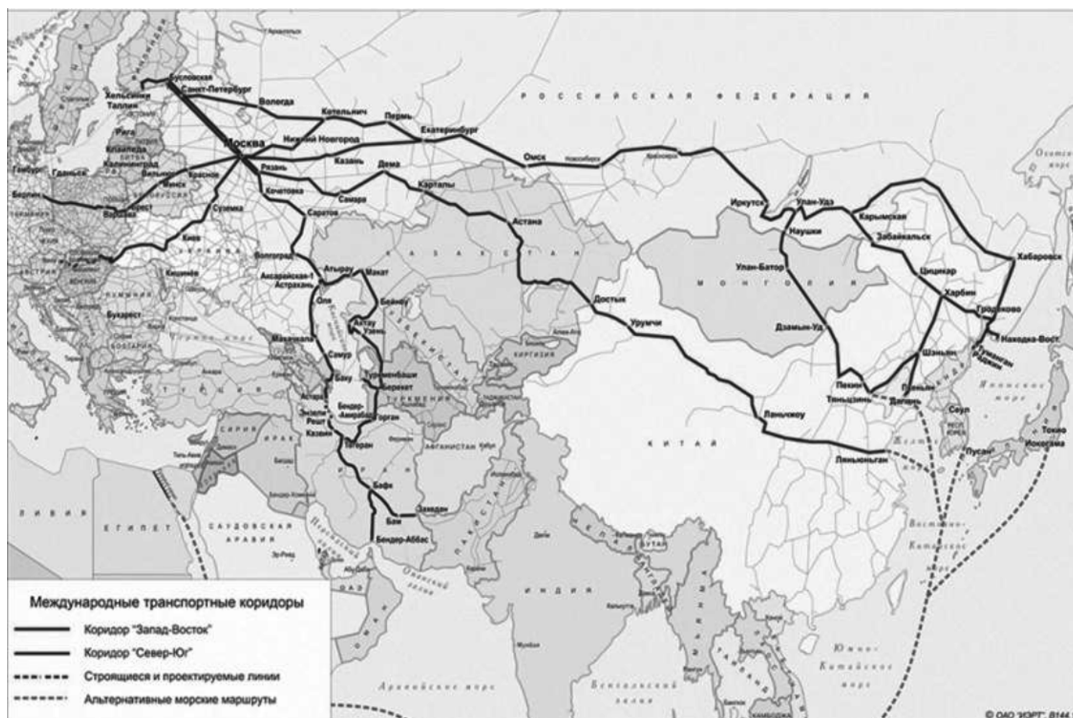

Рис. 3. Маршрут международного транспортного коридора «Запад – Восток» [3]

За последние несколько лет в планы российского правительства входила задача реализации некоторых программ по формированию газопроводов, которые соединяли бы Россию и другие стратегически важные государства. Одним из таких проектов был «Южный поток», международная программа, которая должна была быть проведена через Чёрное море, но ввиду сложной политической ситуации между Россией и Турцией так и осталась нереализованной, и была закрыта в 2014 году [2, с. 25].

Таким образом, на сегодняшний день МТК играют очень значимую роль в развитии российской экономики и логистики страны. Однако ввиду ухудшения политических отношений

Запада с Россией многие проекты были закрыты. Но вместе с этим появились новые перспективы для страны – развитие отношений с восточными странами, в первую очередь, с Китаем. Реализация новых проектов с такой перспективной страной-партнёром, как КНР, способствует стимулированию экономического развития, улучшению благосостояния жителей страны, совершенствованию отечественной инфраструктуры до мирового уровня. Такое сотрудничество поможет России интегрироваться в мировую транспортно-логистическую систему, тем самым позиционировать себя как сильное государство с высокой транспортной системой и развитым рынком логистических услуг.

Источники и литература

1. Кашбразиев Р. В. Организация и финансирование международного транспортного коридора «Европа – Западный Китай»: современное состояние и проблемы // Финансы и кредит. – 2013. – № 21. – С. 46–56.
2. Лашко С. И., Лашко, Т. А. Международная транспортная логистика // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2016. – № 4. – С. 21–27.
3. ОАО «РЖД» в мировой транспортной системе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inter.rzd.ru> (дата обращения: 28.03.2017).
4. Развитие инфраструктуры и логистики международных транспортных коридоров на основе инновационных тарифов от 29.11.16: междунар. науч.-практ. конф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=34628 (дата обращения: 28.03.2017).
5. Реализуемый проект «Сила Сибири» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/ykv/> (дата обращения: 28.03.2017).
6. Резер С. М. Логистика. Словарь терминов. – М.: ВИНТИ, 2007. – 412 с.

7. **Современные тенденции развития рынка ТЛУ и прогноз до 2019 года** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ma-research.ru/prezentatsii-i-vystupleniya/item/92-sovremennye-tendentsii-razvitiya-rynka-tlu-i-prognoz-do-2019-goda.html> (дата обращения: 09.04.2017).

8. **Федеральная служба государственной статистики. «Транспорт в феврале 2017 года»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/transport/ (дата обращения: 09.04.2017).

9. **Хегай Ю. А.** Перспективы и проблемы развития рынка транспортно-логистических услуг // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – С. 267–269.

10. **Экономическое обоснование «широкой колеи»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/ekonomicheskoe-obosnovanie-shirokoy-kolei-koshitse-vena-zavershitsya-v-dekabre/> (дата обращения: 28.03.2017).

УДК 330.33:338.242.4

ББК У290.31-21

Амриддин Уктамович Ортыков,

ООО «Забайкальская краевая лаборатория судебных экспертиз»,
г. Чита, Россия

Влияние государства на экономическую деятельность субъектов малого предпринимательства в современной России

В статье рассматривается вопрос государственного регулирования экономической деятельности субъектов малого предпринимательства. Обобщён анализ, раскрывающий эффективность управления государством возрождения российского малого предпринимательства в период перестройки и на постсоветском этапе, что потребовало в исторически короткие сроки и в непростых экономических условиях радикально изменить отношение к данному сектору экономики. Проведён анализ государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственная политика, государственное влияние

Amriddin U. Ortykov,

ООО Regional Forensic Laboratory of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia

The Influence of the State on Economic Activities of Subjects of Small Business in Modern Russia

The article discusses the issue of state regulation of economic activity of subjects of small business. It summarizes the analysis, revealing the effectiveness of government in the revival of Russian small business in the period of perestroika and in the post-Soviet stage, which required in a historically short period of time and in difficult economic conditions radically change the attitude to this sector of the economy. The analysis of the state policy in the sphere of development of small and medium-sized businesses.

Keywords: small business, public policy, public impact

Мировой опыт убедительно доказал огромную значимость малого предпринимательства как наиболее мобильного, рискованного и конкурентоспособного сегмента любой экономики. Именно малое предпринимательство должно способствовать выходу россий-

ской экономики из сложившегося кризиса и обеспечить экономический рост, что особо актуально для регионов. Трансформация экономической системы, изменение характера конкуренции, экономические реформы, проводимые в течение последнего десятилетия в РФ,

осложняют процессы формирования и механизмы реализации структурной, инвестиционной, финансовой, инновационной политики на всех уровнях управления развитием предпринимательства

«Значение малого предпринимательства для развития национальной экономики сложно переоценить. Несмотря на невысокий уровень инновационной активности и сосредоточение основной массы в сфере торговли и бытовых услуг, этот сектор обеспечивает значительное количество рабочих мест для населения» [5].

Роль государства в возрождении и последующем развитии сектора малого предпринимательства автор рассматривает в период перестройки (СССР) и на постсоветском пространстве.

Влияние государства на экономическую деятельность субъектов малого предпринимательства. В этом аспекте можно сослаться на мнение Г. Макаровой, утверждающей, что на современном этапе развития усиливается зависимость результатов в экономике от таких макроэкономических признаков, как отсутствие у управляющей системы общей идеологии, способной объединить управляемые субъекты, что порождает «управленческую» неопределённость, обусловленную несовершенством государственного управления экономикой и обществом. Для «управленческой» неопределённости характерны такие варианты действий, которые усиливают зависимость управляемых субъектов и управляющей системы от подвижных и неуправляемых внешних факторов: недостаточная информационная прозрачность; нечёткость официально установленных правил и норм, позволяющих делать разные выводы относительно допущенных нарушений; непредсказуемость действий управляющей системы по отношению к управляемым субъектам и др. [6]. Полностью соглашаясь с данной позицией, автор отмечает, что данный вид неопределённости оказывает значительное влияние на многие

процессы, в том числе и на развитие сектора малого предпринимательства.

Можно согласиться с В. Ю. Буровым, который неоднократно отмечал в своих исследованиях неэффективность государственного регулирования сектора малого предпринимательства государством [1; 2; 3; 4].

Развитие самого сектора МП во многом зависит от государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства, включающей в себя в т. ч. федеральные и региональные программы по поддержке малых предприятий, которые являются механизмом влияния государства на экономическую деятельность субъектов малого предпринимательства в современной России.

Исследования подтверждают, что государственная политика в России в области развития малого предпринимательства является малоэффективной и это подтверждается рядом выводов, отражённых в таблице:

- большие масштабы теневой экономической деятельности, достигающей по разным оценкам до 50 % объёма деятельности и до 85 % скрытой заработной платы;
- увеличение масштабов уклонения от уплаты налогов малыми предприятиями, что связано с экономическим кризисом и увеличением величины единых страховых взносов с 26 до 30 %;
- низкой конкурентоспособностью субъектов МП в экономике РФ (вклад сектора МП в ВВП страны составляет около 20 % против 50–70 % в развитых странах);
- малым количеством инновационно-ориентированных малых предприятий;
- не равный доступ субъектов МП к получению поддержки в соответствии с условиями её предоставления, установленными федеральными, региональными и муниципальными программами развития МП (стоимость контрактов 11 7737,8 млн р. за 2012 год и 126 757,1 млн р. за 2013 год (2,7 и 3,1 % соответственно от общей суммы контрактов) [4].

Государственная политика в области развития малого и среднего предпринимательства в России (в трактовке Федерального закона о развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации 2007 г.

<i>Основные цели</i>	<i>Реальное состояние обозначенной цели, принципов и мер сектора МП</i>
1. Развитие субъектов МП в целях формирования конкурентной среды в экономике Российской Федерации	Сектор МП в России считается малоразвитым, что связано со спецификой проводимой экономической политикой правительством РФ
2. Обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства	Неадекватные экономические, правовые и институциональные условия деятельности субъектов МП заставляют переориентировать свою деятельность в теневой сектор экономики, что приводит к росту масштабов теневых экономических отношений, достигающих по разным оценкам до 50 % объёма деятельности и до 85 % скрытой заработной платы

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

3. Обеспечение конкурентоспособности субъектов МП	Эффективность методов воздействия государства остаётся невысокой, что подтверждается низкой конкурентоспособностью субъектов МП в экономике РФ
4. Оказание содействия субъектам МП в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок Российской Федерации и рынки иностранных государств	Можно отметить неэффективность данной цели, что подтверждается малым количеством инновационно-ориентированных малых предприятий (так, в Байкальском субрегионе их насчитывается около 30 ед.)
5. Увеличение количества субъектов МП	Число малых предприятий на 1000 жителей в России – 6–7, за рубежом – 25–30 (США, Япония, Великобритания и т. д.)
6. Обеспечение занятости населения и развитие самозанятости	В развитых экономиках малый бизнес создаёт около 80 % рабочих мест, в России – около 20 %
7. Увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объёме валового внутреннего продукта	Вклад сектора МП в ВВП страны составляет около 20 % против 50–70 % в развитых странах
8. Увеличение доли уплаченных субъектами МП налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов	Отмечается увеличение масштабов уклонения от уплаты налогов малыми предприятиями, что связано с экономическим кризисом и увеличением величины единых страховых взносов с 26 до 30 %
<i>Основные принципы</i>	
1. Разграничение полномочий по поддержке субъектов МП между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления	Региональные органы государственного управления не обладают преимуществами при разработке и реализации мер регулирующего воздействия в отношении субъектов предпринимательства, что связано с отсутствием прямой заинтересованности в развитии МП и недостатком финансовых средств, направляемых на поддержку и развитие сектора МП
2. Ответственность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятных условий для развития субъектов МП	Уровень результативности методов воздействия государства на предпринимательский сектор остаётся недостаточным, что связано с декларативностью заявленной поддержки
3. Участие представителей субъектов МП в формировании и реализации гос. политики в области развития МП, экспертизе проектов нормативных правовых актов РФ, правовых актов органов местного самоуправления, регулирующих развитие МП	Малоэффективный инструмент в связи с инертностью и низким уровнем компетентности основной массы самих предпринимателей (сектор МП)
4. Обеспечение равного доступа субъектов МП к получению поддержки в соответствии с условиями её предоставления, установленными федеральными, региональными и муниципальными программами развития МП	Малоэффективный инструмент, особенно в части финансовой поддержки: – слабая информированность; – сложность нормативно-правовой базы; – ничтожно малые объёмы выделяемых денежных средств
<i>Меры нормативно-правового регулирования</i>	
1. Специальные налоговые режимы, упрощённые правила ведения налогового учёта, упрощённые формы налоговых деклараций по отдельным налогам и сборам для малых предприятий	Из пяти специальных налоговых режимов наиболее востребованными являются: упрощённая система налогообложения, патентная система налогообложения (для ИПБОЮЛ) и уплата единого налога на вменённый доход по отдельным видам деятельности. Причин слабого использования УСН и ЕНВД две: законодательные ограничения на их применение и неурегулированность проблем учёта НДС
2. Упрощённая система ведения бухгалтерской отчётности для малых предприятий, осуществляющих отдельные виды деятельности	Введена для всех малых предприятий независимо от видов деятельности
3. Упрощённый порядок составления субъектами малого и среднего предпринимательства статистической отчётности	Введён. Но хотя ввели ежеквартальную отчётность по НДФЛ, и ежемесячную отчётность в ПФР (сейчас расчёт РСВ-1 заполняется и сдаётся ежеквартально, а не ежемесячно)
4. Особенности участия субъектов МП в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в целях размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд	Стоимость контрактов 117 737,8 млн р. за 2012 г. и 126 757,1 млн р. за 2013 г. (2,7 и 3,1 % соответственно от общей суммы контрактов)
5. Меры по обеспечению прав и законных интересов субъектов МП при осуществлении государственного контроля (надзора)	Принятые меры по сокращению число проверок при осуществлении государственного контроля (надзора) оказались недостаточно эффективными
6. Меры по обеспечению финансовой поддержки субъектов МП	Недоступность и дороговизна заёмных финансовых средств. Недостаточный объём финансирования развития сектора МП из региональных бюджетов – около 1–2 %

Общее состояние и тенденции развития малого предпринимательства в Забайкальском крае мало отличались от других аналогичных регионов. Хотя при этом имеет свои специфические черты. В сопоставлении с другими субъектами Российской Федерации, Сибирского федерального округа Забайкальский край характеризуется высокой долей малых предприятий сельского хозяйства, горного производства и строительства, низкой долей – обрабатывающих производств.

Современное развитие российских регионов связано с особенностями формирования

конкурентоспособного малого предпринимательства. Малое предпринимательство является существенной компонентой регионального экономического организма, жизнеспособность которого в значительной степени определяется пространственными условиями и факторами.

Малый бизнес всё больше становится частью экономики Байкальского региона. Его возрождение, укрепление и расширение постепенно устраняют искусственно созданную в годы социалистической индустриализации «пропасть», разъединившую крупную промышленность и малый бизнес.

Источники и литература

1. **Буров В. Ю., Кручинина Н. А.** Малое предпринимательство в Забайкальском крае. – Чита: ЧитГУ, 2011. – 200 с.
2. **Буров В. Ю., Потаев В. С., Суходолов А. П.** Малое предпринимательство в России и Байкальском регионе. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 357 с.
3. **Буров В. Ю.** Теневая экономика и малое предпринимательство: теоретические и методологические основы исследования. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 210 с.
4. **Буров В. Ю.** Теория и методология совершенствования государственной системы противодействия теневой экономической деятельности субъектов малого предпринимательства: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – СПб., 2015.
5. **Винокуров М. А., Суходолов А. П.** Экономика Иркутской области: науч.-популярное и учеб.-справ. пособие: в 5 т. Т. 3. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. – 432 с.
6. **Макарова Г. Н.** «Управленческая» неопределённость в российской экономике. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – 274 с.

УДК 33

ББК У9(2Рос)-132-94

Наталья Барамбаевна Кайбалина,

ООО «Тасеевское»,

г. Балей, Россия

Мотивация как фактор повышения конкурентоспособности: региональные аспекты

Для экономики России в целом и каждого региона отдельно в настоящее время важнейшей задачей является повышение конкурентоспособности отечественных предприятий, продукции и услуг. Снижение производительности труда как одного из ключевых факторов конкурентоспособности, отставание в этом аспекте от ведущих западных стран может повлиять на становление и развитие экономики и регионов и государства в целом. Поэтому можно утверждать, что изыскание, внедрение и развитие мероприятий, направленных на повышение производительности труда, разработка и внедрение в управленческую практику инновационных подходов к мотивации персонала являются необходимым условием для развития экономики регионов и страны и для повышения конкурентоспособности предприятий.

Ключевые слова: мотивация, производительность труда, социально-экономические показатели, конкурентоспособность

Natalia B. Kaybalina

ООО "Taseyevskoye",
Baley, Russia

Motivation as a Factor of Increasing Competitiveness: Regional Dimensions

For economy of Russia in general and each region separately now the major task is increase in competitiveness of domestic enterprises, production and services. Work decline in production as one of key factors of competitiveness, lag in this aspect from the leading western countries can influence formation and development of economy and regions and the state in general. Therefore it is possible to claim that research, introduction and development of the actions directed to increase in labor productivity, development and deployment in administrative practice of innovative approaches to motivation of personnel are a necessary condition for development of economy of regions and the country and for increase in competitiveness of the enterprises.

Keywords: motivation, labor productivity, socio-economic indexes, competitiveness

Отличительной особенностью современного мирового рынка и бизнеса является глобализация, которая наряду с санкциями, введенными в отношении России, ставит перед отечественными предприятиями и всем бизнес-сообществом проблему обеспечения конкурентоспособности национальной экономики. При этом большинство российских предприятий, имея огромный потенциал всех видов экономических ресурсов, по показателям конкурентоспособности уступают предприятиям развитых стран. Это не только обусловило весьма скромное место России в мировой экономике, но и не обеспечивает требуемого роста социально-экономических показателей.

В целом ситуация в российской экономике характеризуется ослаблением научно-технического, технологического, кадрового потенци-

ала, недостаточностью исследований в инновационном направлении, что привело к снижению конкурентоспособности отечественных предприятий, выражающееся в отставании качества продукции по сравнению с зарубежными аналогами. При этом введение санкций закрыло доступ к качественной и более дешёвой продукции, новым технологиям, товарам и услугам. Это привело к снижению внешнеторгового оборота, снижению ввода в действие основных фондов, снижению ввода в действие жилья, промышленного производства и производства сельскохозяйственной продукции. При этом наблюдается рост безработицы при снижении реальных денежных доходов населения и реальной начисленной заработной платы, снижение производительности труда и снижение внешнеторгового оборота, данные показаны в таблице.

**Темпы роста (снижения) основных социально-экономических показателей [5]
(стоимостные показатели в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)**

	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность безработных (по методологии МОТ)	81,6	88,2	88,8	83,9	100,2	94,01	107,41
Реальные денежные доходы населения	113,4	105,4	101,2	105,8	104,8	99,51	95,9
Реальная начисленная заработная плата работников организаций	120,9	105,2	102,8	108,4	104,8	101,21	91,01
Ввод в действие основных фондов	125,1	93,4	129,0	108,7	101,0	97,01	94,3
Промышленное производство	108,7	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6
Продукция сельского хозяйства	106,2	88,7	123,0	95,2	105,8	103,5	102,6
Ввод в действие общей площади жилых домов	94,6	97,6	106,6	105,6	107,2	118,21	101,4
Оборот розничной торговли	109,0	106,5	107,1	106,3	103,9	102,71	90,0
Платные услуги населению	104,7	101,5	103,2	103,5	102,0	101,01	98,9
Производительность труда	...	103,2	103,8	103,5	101,8	100,9	96,8
Внешнеторговый оборот	132,2	132,7	130,6	103,5	100,0	93,2	66,4

Оценивая современные конкурентные возможности экономики России, необходимо принимать во внимание высокую энерго-, материало- и трудоёмкость большинства видов производимой продукции, что повышает издержки производства и ухудшает конкурентные позиции российских товаров на мировых рынках [3].

В этой связи по мере обострения конкурентной борьбы на рынке товаров и услуг всё большее значение приобретает рост производительности труда как условие снижения издержек производства, повышения качества выпускаемой продукции и получения предприятием конкурентного преимущества.

Многие российские учёные-экономисты отмечают прямую зависимость конкурентоспособности предприятия от производительности труда, а В. Буров [6], А. Виленский [2], А. Блинов [1] рассматривают этот аспект с позиций развития сектора малого предпринимательства.

Опыт стран с развитой рыночной экономикой позволяет утверждать, что только повышение производительности труда даёт возможность сохранить конкурентоспособность последних на рынке. Соответственно можно утверждать, что затраты на изыскание и внедрение мероприятий для роста производительности труда персонала окупятся многократно и в короткий период времени, принеся в качестве дивидендов рост прибыли, снижение издержек производства, успех в конкурентной борьбе.

Низкая производительность труда является главной проблемой отечественной экономики и на государственном уровне ставилась задача повышения производительности в четыре раза к 2020 году. Актуальность этой проблемы особенно заметна при преодолении кризиса, а также формировании экономики нового типа, основанной на инновациях в технологии, производстве, управлении. Возрастающая роль производительности труда для достижения конкурентных преимуществ требует серьёзного изучения проблемы её повышения и принципиального изменения отношения к ней не только на государственном уровне, но и на всех уровнях управления производственными предприятиями.

Исследования, направленные на повышение конкурентоспособности на всех уровнях экономики за счёт повышения производительности труда, учитывающие современные достижения и практический опыт в этой области экономической науки, как отечественной, так и зарубежной, приобретают особую значимость.

Мотивации труда, как одному из факторов повышения конкурентоспособности предприятий любых форм, принадлежит важнейшая роль. Создание мотивационного механизма работников – необходимое условие для повышения конкурентоспособности экономики Российской Федерации, для развития народного хозяйства, развития и укрепления среднего класса, повышения благосостояния граждан. В ходе рыночных реформ в постсоветский период решить эти задачи предполагалось за счёт ликвидации монополии государственной собственности и преобразования её в частную. Предполагалось, что развитие института частной собственности и собственно частная собственность сама по себе будет мощным стимулом к трудовой деятельности. Однако в ходе реализации этой политики обнаружились сложности и противоречия проблемы мотивации к трудовой деятельности и в целом решение проблемы таким образом выявило больше вопросов, чем ответов.

Понятия «мотив» и «мотивация» используются в различных отраслях экономических знаний и управленческих практик, при этом зачастую эти понятия не различают между собой, отождествляя их. Это не совсем верно, поскольку необходимо учитывать первое различие между этими двумя понятиями. Мотивация как система формируется из отдельных мотивов, имеющих каждый определённый состав. Кроме того, между мотивами существует определённая иерархия. Под мотивацией к труду можно считать совокупность внутренних, значимых для конкретного индивида и внешних, относительно объективных для человека или социальной группы, движущих сил. И эта совокупность внутренних и внешних сил побуждает людей к трудовой деятельности для удовлетворения собственных потребностей. Но, чтобы движущие силы сформировались – необходимо, чтобы появились потребности, способствующие возникновению интересов, переходящих в ценности [4].

Возникшие на основе интересов ценности могут быть положены в основу системы мотивации к трудовой деятельности. Наиболее эффективными признаются стимулирующие установки системы мотивации, но часто в ней имеют место и элементы принуждения. Наиболее эффективной системой управления признана такая, при которой каждый отдельный индивид может достигать своих собственных целей через реализацию задач организации, в которой он трудится.

Структура трудовой мотивации может быть рассмотрена как совокупность двух групп

составляющих. Первая – это свойства личности работника, определяющие его характер и трудовое поведение, активный или пассивный, творец или исполнитель, ведущий или ведомый. Здесь же имеют значение состояние здоровья, возраст, образование, профессионализм, социальная принадлежность. Вторая группа образована из ценностных ориентиров в трудовой и социальной деятельности, которые предъявляет к своей трудовой деятельности работник. Эти ориентиры стимулируют трудовую деятельность человека с целью реализации через труд его личностных качеств и способствуют его самореализации. Здесь имеет значение как материальная составляющая, так и социальная. Материальная способствует повышению или поддержанию уровня и качества жизни человека, способствует его развитию, а также связана с чувством экономической независимости. Социальная направлена на творческое начало, возможность самореализации, общественную значимость и престиж, способствует эмоционально-психологической комфортности трудовой деятельности. Кроме того, социальная сторона мотивации способствует появлению третьей группы составляющих, на которую влияет ситуация в семье, на предприятии, в обществе. Причём эти характеристики могут быть допустимыми и приемлемыми, но могут измениться, воспринимаются как временные, способные улучшиться или ухудшиться. И эта группа составляющих может способствовать неустойчивости системы мотивации труда, требует постоянного анализа этой системы, своевременного внесения изменений, требует адаптивности системы мотивации, восприимчивости к изменениям и непереносимости развития всей системы в целом.

При этом система мотивации реализуется в определённых условиях, которые могут быть разными в различных отраслях и/или на предприятиях, но, тем не менее все условия можно отнести к трём факторам.

Во-первых, это технологические условия, которые характеризуют характер и технологические особенности производства и степень участия работника в управлении производством.

Во-вторых, экономические условия, определяющие материальную заинтересованность и ответственность в развитии и росте производственных показателей, уровня реализации продукции, снижении издержек и экологической ответственности.

В-третьих, это социальные условия, которые характеризуют удовлетворение социаль-

ных потребностей, значимость труда, престиж профессии, моральное удовлетворение от результатов труда, возможность реализации творческого начала в человеке и уровень самостоятельного принятия решений.

В историческом развитии эти факторы и их роль существенно различаются, но всегда они находятся в иерархической зависимости друг от друга и поэтому эту зависимость всегда можно использовать как инструмент для стимулирования трудовой деятельности. Тем не менее, наиболее значимой является материальная заинтересованность работников, а ведущая роль в материальной мотивации остаётся за оплатой труда.

Кроме того, в постсоветском периоде выдвинулся в качестве стимула к труду страх потери работы, что является достаточно новым фактором в отечественной экономике, но в рыночной экономике это уже изученное явление, закономерное для рыночных отношений, где для повышения эффективности производства используется мотивация труда. Сейчас данные государственной статистики говорят о сокращении реальных доходов и реальной начисленной заработной платы. Вместе с тем, для повышения конкурентоспособности может быть в том числе использовано восстановление для заработной платы как функции воспроизводства рабочей силы, так и регулирующей силы самого процесса воспроизводства, распределения рабочей силы по отраслям экономики.

При подготовке системы мотивации трудовой деятельности основополагающим должен быть принцип оценки стоимости рабочей силы. Ограничиваться заработной платой может объёмом производства и производительностью труда. Если заработная плата будет соответствовать цене рабочей силы, то это будет способствовать более корректному соотношению материального стимулирования и производительности труда. Соответственно рост заработной платы как материальной составляющей мотивации будет напрямую зависеть от повышения производительности труда. Это, конечно же, может на определённом этапе способствовать снижению численности занятых и росту безработицы и поэтому необходим комплекс мер по развитию экономики, созданию благоприятного экономического климата. Но в целом повышение производительности труда и соответствующее повышение заработной платы будет способствовать совершенствованию организации труда, оптимизации производства, и, как следствие, – повышению конкурентоспособности.

Источники и литература

1. Блинов А. О., Рудакова О. С. Сложности и противоречия развития малого предпринимательства в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2013. – № 1–2. – С. 3–8.
2. Виленский А. В. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в современной России на второй волне грядущего // Вопросы экономики. – 2014. – № 11. – С. 95–106.
3. Кучина Е. В. Обеспечение конкурентоспособности промышленных предприятий на основе повышения производительности совокупного труда: теория и методология: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – Челябинск, 2009.
4. Мотивация труда как фактор повышения конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий / М. В. Чебыкина, Т. П. Медведева // Вестник ОГУ. – 2004. – № 8. – С. 142–145.
5. Российский статистический ежегодник. 2016 / Федеральная служба государственной статистики.
6. Теория и методология развития системы государственной поддержки малого предпринимательства / В. Ю. Буров [и др.]; науч. ред. В. Ю. Буров. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 242 с.

УДК 332.1(571.56/.6)(571.53/.55)
ББК У050.2(2Рос-17)(253.57)

Мария Сергеевна Матузова,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Финансовый контроль за использованием имущества приграничных муниципальных образований

Принятая в 2015 году Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона, вводит понятие «приграничная территория». В условиях укрепления экономических позиций стран АТР приграничные территории рассматриваются как важнейший ресурс страны. Развитие территорий невозможно без повышения финансовой устойчивости муниципальных образований и активизации имеющихся ресурсов. В этой связи особое внимание должно быть уделено управлению собственными источниками доходов бюджета, в состав которых входят доходы от использования муниципального имущества.

Ключевые слова: финансовый контроль, приграничный регион, местный бюджет, неналоговые доходы, муниципальное имущество

Mariya S. Matuzova,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

Financial Control Over Municipal Assets

Adopted in 2015 the Concept of development of border territories of the Russian Federation within the far Eastern Federal district and Baikal region, introduces the concept of "border area". In terms of strengthening the economic position of Asia-Pacific countries, border areas are regarded as the most important resource of the country. Development of territories is impossible without increasing of the financial sustainability of municipalities. In this context, special attention should be paid to the management of their sources of revenues, which include revenues from municipal assets.

Keywords: financial control, border region, local budget, non-tax revenues, municipal assets

Для России, как страны, занимающей первое место в мире по протяжённости государственной границы, особую роль в обеспечении экономической безопасности и развитии международного сотрудничества играют приграничные территории. Приграничные регионы принято выделять в особый тип регионов, с присущими им экономическими особенностями и возможностями, и наличием особых конкурентных преимуществ, связанных с географическим положением. Обеспечивая значительную долю доходной части федерального бюджета, в 2016 году на долю доходов от внешней торговли пришлось 37,6 % всех доходов федерального бюджета, внешнеэкономическая деятельность приграничных регионов играет важную роль в экономике страны.

Укрепление экономических позиций Китая и «смещение центра тяжести мировой экономики и политики в страны АТР», обуславливают необходимость укрепления позиций России в этом регионе [3]. В обеспечение этой необходимости в 2015 году была утверждена Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона (Забайкальский край и Республика Бурятия). В Концепции ключевое значение отдаётся развитию «приграничных территорий» – территорий муниципальных образований, прилегающих к государственной границе РФ, которые рассматриваются как «важнейший ресурс страны». Действительно, в современных экономических условиях, когда существует необходимость активизации ранее не задействованных источников развития экономики, всё больший интерес проявляется к муниципальным образованиям и обеспечивающим их функционирование местным бюджетам. В Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края до 2030 года в качестве одного из направлений развития внешнеэкономических связей обозначено «вовлечение органов местного самоуправления в приграничное сотрудничество за счёт создания условий на местном уровне, стимулирующих приток инвестиций (льготные условия аренды муниципального имущества и земельных участков, льготы по местным налогам, механизм муниципально-частного партнёрства в совместной реализации проектов и пр.)» [5].

В Концепции к приграничным территориям отнесены в Забайкальском крае: Красночикийский, Кыринский, Акшинский, Ононский, Борзинский, Забайкальский, Краснокаменский, Приаргунский, Калганский, Нерчинско-Заводский, Газимуро-Заводский и Могочинский рай-

оны. Экономика этих территорий характеризуется преимущественно слаборазвитым и дотационным характером, отмечается неэффективное использование туристско-рекреационного потенциала, неэффективное использование приграничного положения и слабая интеграция в международную экономическую систему [3].

Приграничное положение только создаёт возможность для экономического развития, в то время как для реализации потенциала необходимы определённые условия – наличие развитой транспортной инфраструктуры, система регулирующих и поддерживающих институтов и т. д. Учитывая экономическое положение, в котором сегодня находятся муниципальные образования Забайкальского края и их низкую инвестиционную привлекательность, конкурентное преимущество в виде выгодного приграничного положения вряд ли будет в ближайшее время реализовано. Низкий уровень обеспеченности местных бюджетов собственными доходами сдерживает социально-экономическое развитие муниципальных образований, в этой связи вопрос стимулирования органов местного самоуправления к внедрению в систему мирового хозяйства принимает острое значение. Обозначенные в Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона мероприятия, направленные на создание эффективной системы мотивации органов местного самоуправления к развитию приграничных территорий, носят скорее обзорный характер, а не задают чёткий план механизмов и инструментов поддержки со стороны Федерации. В условиях сокращения доходов бюджета Забайкальского края инструмент региональной финансовой поддержки приграничных территорий не может быть применён.

На наш взгляд, устойчивое развитие муниципальных образований, в том числе приграничных, возможно за счёт повышения финансовой устойчивости муниципальных образований и активизации всех имеющихся у муниципалитета ресурсов. В этой связи особое внимание должно быть уделено управлению собственными источниками доходов бюджета, в состав которых входят неналоговые доходы [4]. Несмотря на небольшой удельный вес неналоговых доходов в общем объёме доходов бюджета, в наращивании данного вида доходов кроются потенциальные резервы увеличения ресурсов без усиления давления на экономику.

В группу неналоговых доходов включаются разнородные платежи, получение которых бюджетом имеет различные основания. Наибольший удельный вес в объёме неналоговых поступлений занимают доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, что показано в таблице.

Качественному управлению муниципальными ресурсами будет способствовать организация эффективного финансового контроля. Такой контроль обеспечит предоставление обществу объективной и достоверной информации об использовании муниципальных ресурсов, повысит ответственность органов местного самоуправления и эффективность управления бюджетными средствами и имуществом на муниципальном уровне.

На уровне муниципальных образований отсутствует должный контроль за расходованием бюджетных средств и отмечается неэффективное управление муниципальными ресурсами. Анализ деятельности контрольно-счётных палат Сибирского федерального округа позволил выделить следующие системные нарушения, связанные с распоряжением и управлением муниципальным имуществом: занижение размера арендной платы за пользование земельными участками и имуществом, занижение цены при продаже имущества, наличие имущества, не используемого в деятельности учреждений, отсутствие государственной регистрации на отдельные объекты недвижимого имущества, наличие в учёте учреждений утраченного имущества и нарушение порядка учёта собственности.

Доходы бюджетов муниципальных образований Забайкальского края от перечисления части прибыли муниципальных унитарных предприятий, р.

	2012 г.	2015 г.	2016 г.
Доходы всего	6 392 893,27	7 007 655,4	6 369 254,54
из них:			
– МУПы городских округов	1 968 694,35	2 159 539,5	2 653 702,5
– МУПы муниципальных районов	4 424 198,92	4 817 122,9	3 715 552,04
– МУПы городских поселений	-	30 993	-

В крае отмечается недостаточный уровень управления конкурентоспособностью муниципальных унитарных предприятий. За последние годы в крае наблюдается отрицательная динамика доходов бюджетов муниципальных образований от перечисления части прибыли муниципальных унитарных предприятий, что главным образом объясняется убыточностью деятельности МУПов и проводимой приватизацией. В качестве некоторых направлений повышения эффективности использования муниципального имущества может быть выделено:

- организация системы финансового контроля муниципальных бюджетов, которая включала бы в себя как муниципальный финансовый контроль, так и государственный финансовый контроль;

- повышение управленческой и финансовой дисциплины главных администраторов бюджетных средств, усиление контроля за текущей деятельностью МУПов со стороны уполномоченных органов;

- активное внедрение мировых практик управления муниципальным имуществом, таких, как передача имущества в доверительное управление, залог, концессию и пр.;

- организация единой системы оценки эффективности использования государственного и муниципального имущества.

Процесс муниципального финансового контроля должен включать в себя внешний финансовый контроль со стороны контрольно-счётных органов муниципального образования и контрольно-счётной палаты субъекта РФ и внутренний муниципальный финансовый контроль.

Источники и литература

1. **Дружинин П. В.** Прогнозирование развития экономики приграничных регионов: методологические и методические положения // Тр. Карельского науч. центра РАН. – 2006. – № 9. – С. 67–83.
2. **Енц Г.** Эмпирические предпосылки развития институциональной основы контроля // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 2. – С. 18–23.
3. **Концепция развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188419/ (дата обращения: 20.03.2017).

4. **Найденова Т. А.** Неналоговые доходы бюджетов муниципальных образований как фактор повышения устойчивости местных бюджетов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 10. – С. 206–211.

5. **Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/19934704/> (дата обращения: 20.03.2017).

6. **Pernica M., Hanušová H.** Certain Aspects of the Use of Accounting Principles in the Accounting of Public Corporations // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Т. 213. – P. 345–350.

УДК 332.1(571.13/.55)

ББК У050.2(2Рос-16)

Ольга Николаевна Владимирова,

Аида Талятовна Петрова,

Марина Владимировна Малаховская,

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

Маркеры реалистичности реализации инноваций: институциональные инструменты региональной инновационной политики (на примере регионов СФО России)

В статье обсуждается проблема установления взаимосвязи условий институциональной определённости социально-экономических систем регионов Сибирского федерального округа (СФО) и их инновационности. Анализ количественных и качественных составляющих инновационного и социально-экономического развития регионов свидетельствует о наличии достаточно слабой корреляции.

Ключевые слова: инновации, институты, инфраструктура, инструменты, регион, инновационная политика

Olga N. Vladimirova,

Aida T. Petrova,

Marina V. Malakhovskaya,

The Siberian Federal University,

Krasnoyarsk, Russia

Markers Realistic Implementation of Innovation: Institutional Tools for Regional Innovation Policy (on the Example of Regions of the Siberian Federal District of Russia)

The article discusses the problem of establishing the relationship of institutional conditions of certainty socio-economic systems of regions of the Siberian Federal district (SFD) and their innovativeness. The analysis of the quantitative and qualitative components of innovation and socio-economic development of regions indicates the presence of a fairly weak correlation.

Keywords: innovations, institutions, infrastructure, tools, region, innovation policy

Необходимость регулирования направлений и характера социально-экономического развития требует фиксирования происходящих в нём изменений. Если установление точных и единообразных количественных метрик

далеко не всегда возможно, то качественная характеристика для наблюдения за желательностью и релевантностью преобразований структуры и фона происходящих трансформаций должна существовать как у регулятора,

так и у исследователя. Выявление феноменов, способных маркировать динамику инновационных изменений на региональном уровне, обращает внимание на качество институционального сопровождения как на указатель реалистичности ожиданий относительно возможностей опоры на инновации в территориальном экономическом росте. Система приоритетов, мер и инструментов, использующихся участниками инновационных преобразований (и понятая как инновационная политика) должна быть укоренена в социально-экономической системе через «институциональную рамку» для деятельностных практик субъектов хозяйственных процессов. Кроме того, если инновации как способ движения хозяйственной системы, обеспечивающий порождение ресурсов нового уровня эффективности, в рыночном хозяйстве существенно зависят от устойчивости спроса на их результаты, то можно ожидать, что изменение порядков, правил, процедур и статуса участников хозяйства окажет существенное влияние на эту устойчивость. Результатами инноваций становятся трансформации производственной (организационной, технологической, ресурсной систем), преобразование секторов общественных благ или потребительского сектора продуктов конечного потребления. Именно спрос на инновации, создавая поток дохода их создателям, упрочивает освоение потребителем (как для производительного, так и для конечного потребления) изменений в хозяйственных практиках, изменяет конфигурирование экономического поведения участников хозяйственной системы. Происходящая в результате инновационной трансформации смена парадигмы ресурсного сопровождения локальной, региональной или национальной хозяйственной системы должна быть отражена в самой инновационной политике. Приведённые выше положения являются объектом исследования авторов и отдельные результаты докладывались в рамках отдельных конференций [1].

Рассмотрение инновационной политики как системы задач, декомпозированных из целей, мер, инструментов и деятельности по их использованию в процессе достижения целей, обнаруживает объективность соответствия инновационной и промышленной политик территории, политики на рынке труда и других компонентов национальной и территориальной социально-экономической стратегии и тактики. Фактически, именно инновационная политика может рассматриваться как инструмент придания целостности и нового качества хозяйственным практикам, не упуская из виду и

требования соответствия в развитии регионального и национального целого в хозяйственном пространстве России. Спрос на инновации объективно формируется связанностью структурных и инфраструктурных факторов развития социально-экономической системы:

1) академической науки, инженерно-технического сообщества и вузов (в поле зрения которых не только подготовка кадров, но и «привитие вкуса» к потоку изменений хозяйственных практик);

2) банков и фондов (создающих не только финансовое обеспечение спроса на инновации, но и генерирующие спрос на развитие цифровых технологий);

3) инфраструктуры (бизнес-акселераторов, центров трансфера технологий);

4) крупного бизнеса;

5) государства, продуцирующего устойчивый спрос на инновации и законодательно-правовую среду (система нормативно-правовых актов) инновационного процесса.

Такое видение нацеливает на анализ устойчивости институциональных оснований инновационной системы региона как условия, учитывающего интересы всех участников и обеспечивающего требующиеся структурные связи по созданию и освоению инноваций в экономической системе. Поведение всех участников инновационного сектора институционально задаётся «полем» актуальных нормативно-правовых актов.

Инвентарный подход к институционально-документарному отражению инновационных систем регионов СФО обнаруживает пёструю картину качественно различающихся законодательных условий, сложившихся в локальных социально-экономических системах регионов, показанную в таблице. При этом осознание настоятельности использования инновационных факторов ресурсного обеспечения хозяйства формирует поступательное расширение нормативно-правового поля инновационной деятельности на территориях СФО. Динамика совершенствования институциональных оснований обнаруживается сравнением состояния институционализации условий развития инновационной системы 2014 и 2016 годов с периодом 2004–2007 годов, который рассматривается нами как начальный период складывания системных представлений о требующейся нормативно-правовой базе инновационных практик. Типологизация нормативно-правовых документов даёт основание выделить в них три паттерна (обширность заимствований структуры и содержания документов, объективно имевшиеся на начальных

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

этапах развития нормативно-правового поля дают основания для применения именно этого термина): «Законодательство в области социально-экономического развития», «Закон, регулирующий инновационную сферу» и «Подзаконные акты, регулирующие инновационную сферу».

Обособление паттерна «Законодательство в области социально-экономического развития» позволяет установить место инновационного сектора хозяйства в достижении стратегических целей развития региона. Обосо-

бление паттерна «Закон, регулирующий инновационную сферу» позволяет выявить логику развёртывания самого инновационного сегмента региональной социально-экономической системы, его отраслевую локализацию и «драйверы» инновационного роста. Паттерн «Подзаконные акты, регулирующие инновационную сферу» даёт основания для согласования инструментов и механизмов регулирования социальных и хозяйственных отношений, специфически формирующихся в инновационном секторе региона.

Динамика наполнения и разработанности нормативно-правового поля инновационной политики регионов СФО

Регион	Законодательное регулирование социально-экономического развития						Правовые акты, регулирующие инновационную сферу											
	Стратегия			Программа			Закон			Подзаконные акты								
										Концепция		Программа		Стратегия				
	2004–2007	2014	2016	2004–2007	2014	2016	2004–2007	2014	2016	2004–2007	2014	2016	2004–2007	2014	2016			
Российская Федерация	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
Сибирский федеральный округ	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Республика Алтай	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Республика Бурятия	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-
Республика Тыва	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	-	-	+	-	-	+	+
Республика Хакасия	+	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	-	-
Алтайский край	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-
Забайкальский край	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Красноярский край	-	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	-	+	+
Иркутская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-
Кемеровская область	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-
Новосибирская область	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+	-	-	-
Омская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-
Томская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+	+

Визуализация имеющихся данных в виде таблицы свидетельствует о поступательной динамике расширения институциональной среды как в качественном, так и в количественном аспектах. Территориями действительно проведена значительная работа в блоке законодательства в области социально-экономического развития, целью которой являлось в отдельных случаях включение раздела по вопросам инновационного развития в структуру документов, в других – расширение и усиление их содержательной части. Совершенствование

качественной составляющей региональных законов, регулирующих инновационную сферу, отражает объективность потребности региона в расширении ресурсной базы экономического развития, формирующей инвестиционную привлекательность территории.

В качестве иллюстрации можно привести опыт Томской области, где основной документ, организующий пространство инновационного развития, к настоящему моменту имеет уже 3-ю действующую редакцию. Одновременно следует подчеркнуть расширение паттерна ре-

гулирования секторов инновационной деятельности. В частности, в Алтайском крае, помимо закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в Алтайском крае», действует закон «О полюсах инновационного развития в Алтайском крае», в Кемеровской области – «Об инновационной политике Кемеровской области», в Томской области – «Об инновационной деятельности в Томской области» и другие. В то же время возникает недоумение по поводу сравнительной слабости разработки блока подзаконных актов (см. табл.). Рассмотрение связки-иерархии регулирования инновационных систем «Концепция – Стратегия – Программа», оставляет не вполне понятным, что именно становится базисным документом для организации и управления инновационным развитием большинства регионов и какова конечная цель иницируемых инновационных трансформаций (Республики Алтай, Бурятия, Хакасия, Забайкальский край, Иркутская область). Фрагментарность ожидаемых инновационных изменений, реперность освещения частного, видимо, препятствуют способности участников инновационной системы формировать и реализовывать согласованную инновационную направленность регионального развития. Это состояние находит отражение в Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года, в процессе работы над которой были существенно откорректированы списки инвестиционно-инновационных проектов без глубокой детализации источников их финансирования.

Большинство субъектов чрезвычайно неторопливы в освоении регуляторных возможностей инновационного сегмента (ввиду слабой развитости самого предмета в пределах их административных границ). Совершенно не случайно наиболее запаздывающим паттерном нормативно-правовых документов является именно третий – «Подзаконные акты, регулирующие инновационную сферу».

Обращение к содержательной части нормативно-правовых актов позволяет отметить следующие аспекты. Слабая, а в большинстве случаев и отсутствующая корреляция положений документов социально-экономического развития и инновационного регионального законодательства. Это отражается как в установлении завышенных ориентиров развития в целом, не учитывающих реальное состояние сегментов экономики, так и неоправданной обобщённости инструментов и механизмов, рекомендуемых для их достижения. При этом, в России есть и примеры конструктивных практик законодательства – Республика Татарстан.

В принятой «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» содержание раздела «Экосистема инноваций» органично сопряжено с инвестиционными, кластерными аспектами, при одновременной обеспеченности организационными, методическими инструментами и включает как сектор образования в состав участников инновационного процесса, так и увязывает с инновационными изменениями качество регионального человеческого капитала [3].

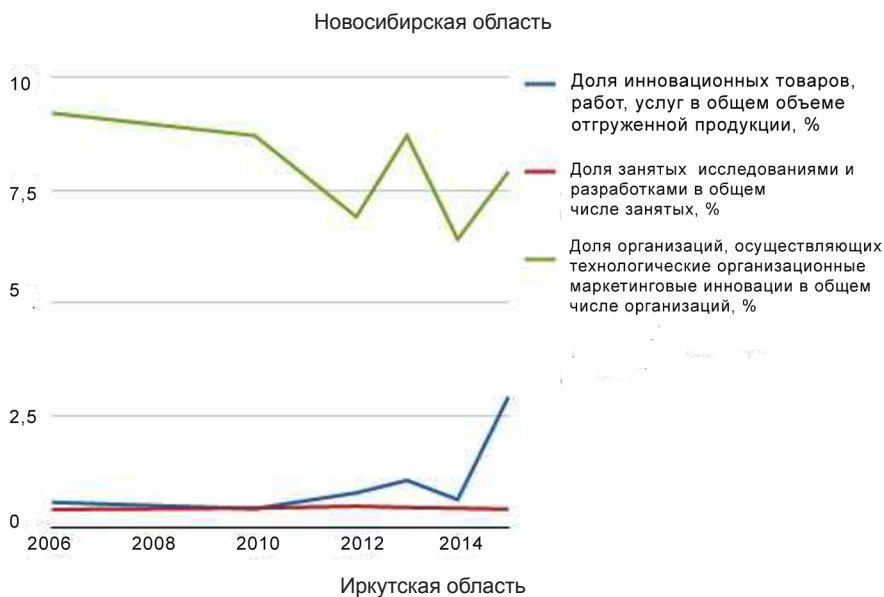
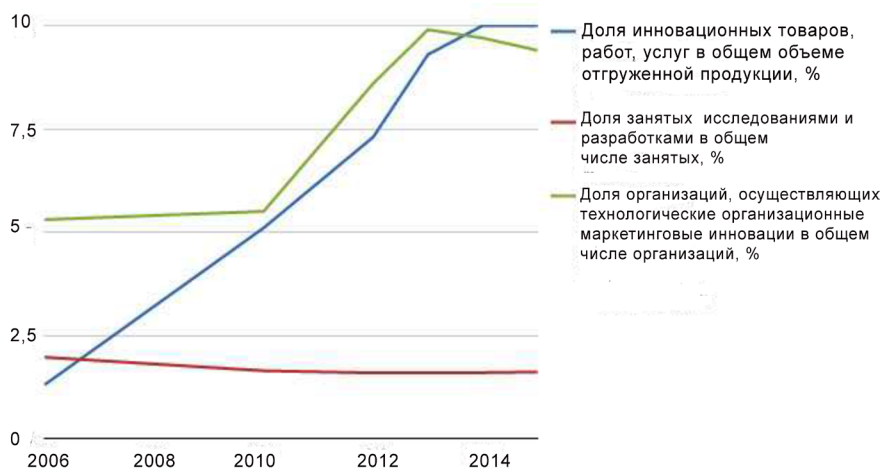
Типичность «инновационной отписки» региона возникает как реакция на «шок вертикального регулирования». Декоративность инновационного проектирования обнаруживается в рамочном и чрезмерно формализованном характере принятых региональных законов, регулирующих инновационную сферу. Текстовой анализ нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации демонстрирует наличие «калькирования» федеральных документов, стереотипность структурной и смысловой составляющих федеральным аналогам (без опоры на специфику территориальных предпосылок и условий инновационных систем) не способствует реалистичности осуществления планов инновационных изменений и определению адекватных инструментов их реализации. Принятые подзаконные акты представляют собой текст, преимущественно содержащий ссылки на набор документов, достаточно слабо связанных содержательно, организационно и не обеспеченных финансово. Однако именно инновационная сфера, понятая в качестве системы специфических инструментов развития, требует навыков координации усилий всех заинтересованных участников, навыка работы в команде, способности к «встраиванию» инноваций в традиционные практики. Исследование проблемы показывает, что патронирование (выращивание) региональной инновационной системы приобретает надлежащие темп и качество только при поддержке практик коллективного действия, опирающихся на многообразие организационных форм осуществления деятельности (исследовательские организации, хозяйственное предпринимательство, образовательные проекты и пр. формы различные по отраслевой специализации, находящиеся в федеральной, региональной ведомственности и частном владении). Так, наиболее развитое представление об институциональности инновационного сектора имеет Томская область, располагающаяся на верхнем уровне значений рейтинга инновационной восприимчивости среди регионов СФО.

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

Агрегирование данных по инновационному сектору для регионов, показанное на рисунке, позволяет сделать визуально наблюдаемыми зависимости влияния качества институционального сопровождения инновационной деятельности и активности инновационного сектора. Существенный сдвиг показателей доли инновационного продукта и доли инновационных организаций после 2010 года, в соотнесении с созданием в регионе третьего паттерна (нормативно-законодательного сопровождения собственно инновационного процесса) подтверждает значение транспарентности и определённости взаимных обязательств субъектов регионального хозяйства, действующих как заинтересованные стороны инновационных изменений.

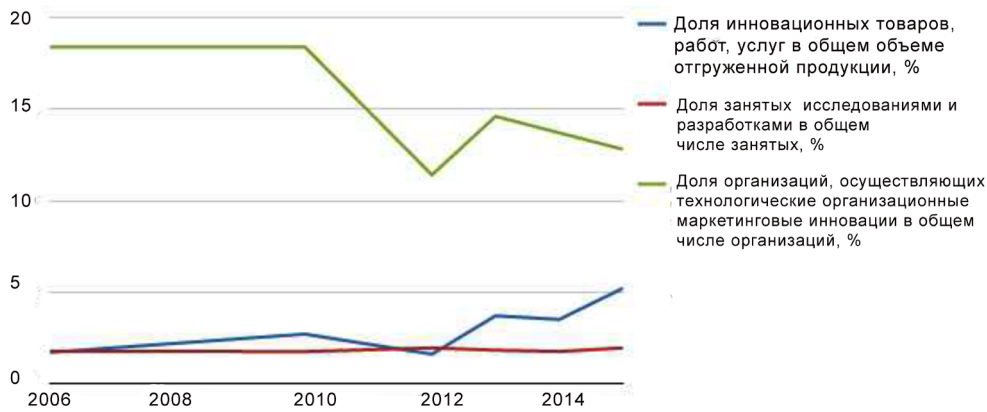
Томская область и Красноярский край, отнесённые в группу регионов, имеющих «полный, развитый и в основном освоенный участниками пакет» документарного сопровождения инновационной системы региона, обнару-

живают высокую корреляцию показателей доли инновационных продуктов и доли занятых в инновационном секторе. Иркутская область, относящаяся к регионам (вторым регионом в группу включена Омская область), не имеющим полного пакета в паттерне «Подзаконные акты, регулирующие инновационную сферу», однако, синхронно с регионами прорывной группы изменявшая институциональное сопровождение инновационного сектора, обнаруживает «провалы» по показателям динамики доли инновационных организаций и доли инновационного продукта, приходящиеся на 2012 и 2014 годы, как показано на рисунке. Однако компенсация подъёмами при элиминировании «провальных» значений показателя по инновационным организациям позволяет констатировать динамику, сходную с картиной, наблюдаемой в Томской области (снижение доли инновационных предприятий при одновременном повышении доли инновационной продукции).

Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество

Томская область

Красноярский край

Республика Тыва

Обобщающий подход к динамике долей инновационного продукта, числа инновационных организаций и числа занятых в инновационном секторе (по регионам выборки) [2]

Таким образом, статистически подтверждается важная роль консолидации институционального сопровождения инновационного сектора с инструментами и приоритетами Стратегии социально-экономического раз-

вития региона: повышение определённости и транспарентности взаимных обязательств участников в развитии регионального хозяйства (наблюдаемое в содержательной преемственности законодательных документов). Ин-

новационные изменения способствуют существенному повышению качества жизни на территории (рост удельного ВРП более существенен), позволяя обеспечить устойчивое развитие и достижение целей Стратегии региона, внося вклад в устойчивое развитие социаль-

но-экономической системы России. Следовательно, состояние институционального сопровождения инновационного сектора может использоваться как маркер качества процессов инновационной трансформации регионально-го хозяйства.

Источники и литература

1. **Институциональные инструменты региональной инновационной политики как маркеры реалистичности реализации инноваций** (на примере регионов СФО) [Электронный ресурс] // Сибирь в XXI веке – новое освоение: подходы, стратегии, проекты: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 19–20 апр. 2017 г.). – Режим доступа: <http://www.conf.sfu-kras.ru/954> (дата обращения: 27.04.2017).
2. **Регионы России.** Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
3. **Стратегия социально-экономического развития до 2030 года** (Закон Республики Татарстан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» от 17.06.2015 № 40-ЗРТ) [Электронный ресурс] // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. – Режим доступа: http://www.pravo.tatarstan.ru/rus/gossov/zakon.html/?npa_id=4431 (дата обращения: 29.03.2017).

УДК 332.1(571.53/.55)
ББК У050.2(253.57)

Наталья Яковлевна Кривоносова,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Методика анализа бюджетов байкальских приграничных территорий

В статье рассматриваются особенности анализа бюджетов муниципальных образований на основе показателей на душу населения. Обоснована необходимость использования данного инструментария в условиях реализации Концепции развития приграничных территорий. Выявлены основные характеристики бюджетов байкальских приграничных территорий Забайкальского края на душу населения за 2012–2015 годы. Сделан вывод о том, что предложенные показатели могут лежать в основе группировки муниципалитетов с целью государственного регулирования.

Ключевые слова: байкальские приграничные территории, бюджет, анализ, показатели, методика

Natalia Ya. Krivonosova,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

The Method to Analyse Budgets of Baikal Near-Border Territories

The article deals with the analysis of municipal budgets based on per capita indicators. The necessity of using this tool under implementation of the Development strategy of near-border territories is proved. The main characteristics of 2012–2015 per capita budgets of Baikal near-border territories in Trans-Baikal region are revealed. It is concluded that the proposed indicators can be the basis of grouping municipalities with the purpose of state regulation.

Keywords: Baikal near-border territories, budget, analysis, indicators, methods

Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2016 г. № 2883-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 г. № 2193-р “Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона”» (далее – Концепция развития приграничных территорий) в состав байкальских приграничных территорий были включены 12 муниципальных районов Забайкальского края – Красночикоийский, Кыринский, Акшинский, Ононский, Борзинский, Забайкальский, Краснокаменский, Приаргунский, Калганский, Нерчинско-Заводский, Газимуро-Заводский и Могочинский районы. При этом при определении современного состояния байкальских приграничных территорий в рамках данной Концепции был использован лишь один показатель, характеризующий финансовое состояние бюджетов муниципальных образований – обеспеченность расходов местных бюджетов приграничных муниципальных образований собственными доходами. Для определения общих тенденций и приоритетов развития регионов, территориальных образований такой подход может быть достаточным. Однако для объективной комплексной оценки финансового состояния бюджетов таких муниципальных образований необходимо использовать расширенные возможности бюджетного анализа, поскольку экономический анализ бюджетных показателей позволяет оценить состояние развития финансовой сферы как основы для реализации социально-экономических, инвестиционных программ и проектов.

Современная российская теория финансов для оценки состояния бюджетов, в том числе и приграничных территорий, предлагает значительный набор показателей и методик, базирующихся на использовании горизонтального и вертикального сравнения, агрегирования, методов факторного анализа, экономико-математического моделирования [2; 4; 6]. Несмотря на многообразие таких методологических подходов, направленных на определение финансового состояния бюджетов (устойчивости, эффективности и т. д.), в практической деятельности российских финансистов наиболее востребованным продолжает оставаться анализ динамики и структуры абсолютных показателей бюджета. К сожалению, указанное обстоятельство является существенным недостатком и важным препятствием на пути эффективного управления социально-экономическим развитием территорий.

Зарубежная теория и практика показывают, что наиболее точно и полно состояние финансов (особенно муниципального уровня) отражается в величинах, рассчитанных на душу населения. Так, например, по мнению немецких специалистов, абсолютные показатели не дают никакого представления о развитии муниципалитета, а также не позволяют сравнить эффективность деятельности местных властей в муниципалитетах разного размера [5, с. 307].

Принимая во внимание указанные факторы, считаем, что в условиях реализации Концепции развития приграничных территорий на территории Забайкалья наиболее целесообразным является разработка методологических основ, оценивающих состояние бюджетов муниципальных образований с учётом их демографических особенностей. Внедрение такой методики позволит не только оценить финансовое состояние приграничных территорий Байкальского региона, но и даст возможность выявления основных угроз и рисков бюджета, выработки мероприятий по их снижению и нивелированию, а также обеспечит группировку муниципальных образований для дальнейшего бюджетного регулирования.

При разработке методики анализа был учтён ряд требований:

- 1) максимальная доступность информации;
- 2) возможность сравнения во времени и в пространстве;
- 3) простота и оперативность расчётов на основе программного обеспечения Microsoft Excel [3, с. 41].

Для объективной оценки финансового состояния байкальских приграничных территорий необходимо использовать три группы показателей: доходов, расходов и сбалансированности, рассчитанных на душу населения. Полный перечень показателей, содержащихся в группах, а также формулы для расчёта представлены в табл. 1.

Алгоритм методики анализа бюджетов приграничных территорий включает три этапа:

I. На основе официальной базы данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики [1] был произведён расчёт показателей бюджета на душу населения по всем 12 муниципальным районам, получившим статус приграничных байкальских территорий; результаты расчётов по каждому муниципальному образованию представлены в виде табл. 2.

II. На основе значений табл. 2 (по отдельным муниципальным образованиям) были со-

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

ставлены таблицы по каждому из показателей трёх групп в разрезе муниципальных районов; определены максимальные, минимальные и средние значения по всем показателям; результаты расчётов сведены в табл. 3.

III. Осуществлён анализ результатов произведённых расчётов по каждому из показателей

$\Pi_1 - \Pi_9$; определены и сопоставлены основные тенденции по группам показателей в разрезе муниципальных образований.

Поскольку представить подробно основные этапы реализации данного алгоритма не представляется возможным, рассмотрим отдельные промежуточные и конечные результаты.

Таблица 1

Показатели бюджета на душу населения

Наименование группы	Показатели	Формула расчёта
Показатели доходов	Доходы на душу населения	$\Pi_1 = D/Ч$
	Налоговые доходы на душу населения	$\Pi_2 = НД/Ч$
	Неналоговые доходы на душу населения	$\Pi_3 = ННД/Ч$
	Безвозмездные поступления на душу населения	$\Pi_4 = БП/Ч$
Показатели расходов	Расходы на душу населения	$\Pi_5 = P/Ч$
	Социальные расходы на душу населения	$\Pi_6 = P_{соц}/Ч$
	Управленческие расходы на душу населения	$\Pi_7 = P_{мсу}/Ч$
Показатели сбалансированности	Дефицит (профицит) на душу населения	$\Pi_8 = Деф/Ч$
	Расходы на обслуживание долга на душу населения	$\Pi_9 = P_{од}/Ч$

Д – доходы бюджета; *P* – расходы бюджета; *Деф* – дефицит бюджета; *НД* – налоговые доходы бюджета; *ННД* – неналоговые доходы бюджета; *P_{мсу}* – расходы на содержание местного самоуправления; *P_{соц}* – расходы на финансирование социальной сферы (сумма расходов по разделам: образование, культура и кинематография, физическая культура и спорт, социальная политика); *РОД* – расходы на обслуживание муниципального долга; *Ч* – численность населения

Результаты расчёта показателя Π_1 констатируют, что на протяжении четырёхлетнего периода только у трёх муниципальных образований: Красночикойского, Акшинского и Нерчинско-Заводского районов доходы на душу населения были выше, чем их средний уровень по всем приграничным территориям Забайкальского края, что вызывает необходимость рассмотрения показателей налоговых, неналоговых и безвозмездных поступлений на душу населения.

Анализ показателя Π_2 показал, что налоговые доходы на душу населения выше среднего уровня наблюдаются на протяжении рассматриваемого периода у Красночикойского и Нерчинско-Заводского районов, т. е. сравнение показателей Π_1 и Π_2 позволяет сделать вывод о том, что именно благодаря налоговым

доходам формируется налоговый потенциал бюджета этих районов.

Исследование динамики показателя Π_3 выявило, что лишь Забайкальский район в течение всего анализируемого периода имел значение выше среднего уровня по всем исследуемым муниципальным образованиям.

Выявление тенденций по безвозмездным поступлениям на душу населения, т. е. по показателю Π_4 позволило констатировать, что именно благодаря безвозмездным поступлениям Акшинский район, а также Нерчинско-Заводский район формируют объём доходных поступлений. Аналогичный анализ по показателям группы доходов ($\Pi_1 - \Pi_4$) можно провести и по районам, имеющим значения показателей ниже среднего значения, тем самым определить районы-аутсайдеры.

Таблица 2

Результаты расчётов показателей бюджета на душу населения (в качестве примера используется Красночикойский район)

Показатели (на конец года)	2012	2013	2014	2015
Численность населения, чел.	19 202	18 927	18 760	18 594
Доходы, тыс. р.	406 601,5	513 588,8	548 833,1	558 651,8
Доходы на душу населения (Π_1), тыс. р./чел.	21,17	27,14	29,26	30,04
Налоговые доходы, тыс. р.	121 844	132 568,7	125 213,5	157 946
Налоговые доходы на душу населения (Π_2), тыс. р./чел.	6,35	7,00	6,67	8,49

Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество

Окончание табл. 2

Показатели (на конец года)	2012	2013	2014	2015
Неналоговые доходы, тыс. р.	3817,8	3671,7	4044,4	5230,2
<i>Неналоговые доходы на душу населения ($П_3$), тыс. р./чел.</i>	<i>0,20</i>	<i>0,19</i>	<i>0,22</i>	<i>0,28</i>
Безвозмездные поступления, тыс. р.	281 456,4	376 466,4	418 324	394 105,8
<i>Безвозмездные поступления на душу населения ($П_4$), тыс. р./чел.</i>	<i>14,66</i>	<i>19,89</i>	<i>22,30</i>	<i>21,20</i>
Расходы, тыс. р.	417 193,8	518 281,2	543 136,2	560 015,8
<i>Расходы на душу населения ($П_5$), тыс. р./чел.</i>	<i>21,73</i>	<i>27,38</i>	<i>28,95</i>	<i>30,12</i>
Образование, тыс. р.	292 322,8	349 375,8	383 932,7	400 477,3
Культура, тыс. р.	24 489,3	32 902,1	24 558,1	36 300,3
Физическая культура и спорт, тыс. р.	7587,1	17 203,4	21 349,2	1892,9
Социальная политика, тыс. р.	12 041,1	13 745,1	17 669,5	23 211,4
<i>Социальные расходы на душу населения ($П_6$), тыс. р./чел.</i>	<i>17,52</i>	<i>21,83</i>	<i>23,85</i>	<i>24,84</i>
Общегосударственные вопросы, тыс. р.	22 902,7	27 616,9	27 968,5	28 494,5
<i>Управленческие расходы на душу населения ($П_7$), тыс. р./чел.</i>	<i>1,19</i>	<i>1,46</i>	<i>1,49</i>	<i>1,53</i>
Дефицит (-), Профицит (+), тыс. р.	-10 592,3	-4692,4	5696,9	-1364
<i>Дефицит (-), Профицит (+) на душу населения ($П_8$), тыс. р./чел.</i>	<i>-0,55</i>	<i>-0,25</i>	<i>0,30</i>	<i>-0,07</i>
Расходы на обслуживание долга, тыс. р.	125,8	542,2	1488,4	740,3
<i>Расходы на обслуживание долга на душу населения ($П_9$), тыс. р./чел.</i>	<i>0,01</i>	<i>0,03</i>	<i>0,08</i>	<i>0,04</i>

Рассмотрим значения показателей группы расходов и сопоставим тенденции со значениями показателей группы доходов. В результате анализа установлено, что районами-лидерами, имеющими значение расходов на душу населения (показатель $П_5$) выше среднего уровня, являются Красночикоийский и Нерчинско-Заводский районы, что полностью соответствует тенденциям группы доходов. Исходя из результатов, полученных в наблюдении за показателями $П_6$ (социальные расходы на душу населения) и $П_7$ (управленческие расходы на душу населения) установлено, что наибольшие значения социальных расходов на душу

населения на протяжении четырёхлетнего периода наблюдались у Красночикоийского, Акшинского и Нерчинско-Заводского районов, а управленческих расходов – у Забайкальского, Калганского, Нерчинско-Заводского и Газимуро-Заводского районов соответственно.

И, наконец, рассмотрение показателей сбалансированности ($П_8$ и $П_9$) позволило сделать вывод о том, что ни один из муниципалитетов Забайкальского края, входящих в состав байкальских приграничных территорий, за анализируемый период не характеризуется стабильностью в управлении дефицитом и муниципальным долгом.

Таблица 3

Доходы на душу населения (показатель $П_1$) приграничных байкальских территорий за 2012–2015 гг., (тыс. р./чел.)

Название муниципального района	2012	2013	2014	2015
Красночикоийский	21,17	27,14	29,26	30,04
Кыринский район	21,29	23,24	23,49	27,93
Акшинский район	21,58	28,72	28,09	30,59
Ононский район	2,28	26,86	31,56	35,95
Борзинский район	14,22	17,63	16,14	18,18
Забайкальский район	22,16	21,57	19,39	22,48
Краснокаменск и Краснокаменский район	14,61	19,69	20,52	18,5
Приаргунский район	18,79	22,66	24,22	25,4
Калганский район	21,54	26,72	24,04	29,94
Нерчинско-Заводский район	25,67	29,73	29,97	37,56
Газимуро-Заводский район	4,25	4,22	32,34	43,31
Могочинский район	16,26	18,16	20,85	21,13

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

Среднее значение	16,99	22,20	24,99	28,42
Минимум	2,28	4,22	16,14	18,18
Максимум	25,67	29,73	32,34	43,31

Таким образом, предложенные показатели и данные, полученные в результате анализа бюджетов байкальских приграничных территорий, могут быть использованы для интегральной оценки состояния таких муниципалитетов, их ранжирования и построения рейтинга. А это, в свою очередь, необходимо для ис-

пользования механизма бюджетного регулирования при реализации программ федерального и регионального значения, а также принятия своевременных управленческих решений в рамках инвестиционной деятельности и мероприятий по поддержке комплексного социально-экономического развития территорий.

Источники и литература

1. **База данных муниципальных образований** [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst76/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.03.2017).
2. **Коротина Н. Ю.** Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2014. – № 17. – С. 17–27.
3. **Кривоносова Н. Я.** Анализ ритмичности и равномерности исполнения бюджета как обязательный атрибут независимой экспертизы бюджета // Научный вестник Байкальского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 39–59.
4. **Сумская Т. В.** Использование бюджетных коэффициентов для оценки устойчивости бюджетов муниципальных образований Новосибирской области // Основы экономики, управления и права. – 2014. – № 2. – С. 25–29.
5. **Циммерманн Х.** Муниципальные финансы: учебник: пер. с нем. – М.: Дело и Сервис, 2003. – 352 с.
6. **Яшина Н. И., Поющева Е. В., Прончатова-Рубцова Н. Н.** Совершенствование методологии определения бюджетной устойчивости субъектов РФ: два подхода к оценке в современных социально-экономических условиях // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2013. – № 9. – С. 37–46.

УДК 33(571:510)

ББК У5.5(2Рос-5Кит)

У Синчэнь,

Институт китайской культуры,
г. Тяньцзинь, Китай

Чжан Ин,

Института китайской культуры,
г. Гуанчжоу, Китай

«Один пояс – один путь» – китайско-российское экономическое сотрудничество и гуманитарный обмен в стратегическом контексте

Инициатива «Один пояс – один путь» – это стратегическая концепция, выдвинутая новым руководством Китая, генеральным секретарем Си Цзиньпином; содействие культурному сотрудничеству также является важной частью стратегической концепции. Благоприятное развитие культурного сотрудничества способствует развитию торгово-экономической деятельности с зарубежными китайцами, укрепляет обоюдное сотрудничество и связь. В контексте инициативы «Один пояс – один путь» зарубежные китайцы являются предметом исследования, осуществляются попытки нахождения путей китайско-российского экономического сотрудничества и гуманитарного обмена, укрепления приграничного сотрудничества, формируется положительная обстановка для развития культуры и экономики.

Ключевые слова: «Один пояс – один путь», гуманитарный обмен, зарубежные китайцы, экономика

U Sinchan,
Institute of Chinese culture,
Tianjin, China

Zhang Ying,
Institute of Chinese culture,
Guangzhou, China

“One Belt – One Road” – China-Russia Economic Cooperation and Humanitarian Exchange in the Strategic Context

The initiative “One belt – one road” is a strategic concept put forward by the new leadership of China, General Secretary XI Jinping; the promotion of cultural cooperation is also an important part of the strategic concept. Favorable development of cultural cooperation contributes to the development of economic and trade activities with overseas Chinese, strengthens mutual cooperation and communication. In the context of the initiative “One belt – one road” overseas Chinese are the subject of this study, attempts are made to find ways of Chinese-Russian economic cooperation and cultural exchanges, strengthening cross-border cooperation, forming a positive environment for the development of culture and economy.

Keywords: “One belt – one road”, humanitarian exchange, overseas Chinese, Economics

В сентябре 2013 года Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин в Казахстане впервые выдвинул идею о совместном строительстве «Экономического пояса Шёлкового пути», а также заявил о необходимости усиления политических контактов, улучшения дорожного сообщения, свободы товарооборота, денежного обращения, а также подход «пяти связей» в общих чаяниях народа. В октябре на недельной зарубежной дипломатической рабочей беседе Си Цзиньпин подчеркнул, что для укрепления фундамента долгосрочного развития общества и народа, а также для расширения связей нашего государства с соседними странами... необходимо всесторонне содействовать культурному сотрудничеству». Вследствие этого строительство Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века становится острой темой, привлекая широкое внимание не только различных кругов общества по всему миру, но и зарубежных китайцев. В то же время становится всё более ясна роль «безопасной зоны» между Россией и Китаем.

1. Определение инициативы «Один пояс – один путь».

«Один пояс – один путь» (англ. *One Belt One Road* или *Belt and Road*, сокращённо *OBOR* или *B&R*) – сокращённое название Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века. Проходящий через Азию, Европу и Африку путь является стратегической концепцией открытого сотрудничества, взаимной выгоды, взаимной связи и доступа между Китаем и сопредельными странами. «Один пояс», т. е. Экономический пояс Шёлкового пути подразумевает под собой Ки-

тай и путь через Центральную Азию к европейским странам древнего «Великого Шёлкового пути» в рамках экономического сотрудничества, он имеет три основных маршрута по суше: 1) из Китая в страны Центральной Азии, Россию и Европу; 2) через Центральную и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; 3) из Китая через Юго-Восточную и Южную Азию до Индийского океана; «один путь», т. е. Морской Шёлковый путь, он включает в себя два основных направления сотрудничества: 1) через Юго-Восточную Азию и Индийский океан до Северо-Восточной Африки и Средиземного моря; 2) от побережья Китая на Южном море до южной части Тихого океана [2].

В целом «Один пояс – один путь» охватывает страны АСЕАН, Центральную Азию, Западную Азию, Северо-Восточную Африку, а также Европу и Океанию, в общем около 60 стран. Не беря в расчёт Океанию, общая численность населения примерно равна 4,4 млрд чел., общий объём производства достиг 21 триллиона американских долларов, что соответственно 63 и 29 % от общей численности населения планеты и общемирового объёма производства [3].

2. Анализ путей культурного сотрудничества в стратегии «Один пояс – один путь».

Более двух тысяч лет назад посол династии Хань Чжан Цянь дважды отправлялся с миссией в западные земли, на востоке выдвигаясь с Чанъаня (ныне Сиань) через Ганьсуйский коридор и достигая на западе Средиземного моря, тем самым открыв дорогу с востока на запад, соединяющий по суше Европу и

Азию «Великий Шёлковый путь»; в эпоху династия Цинь и Хань по мере того, как развивалось мореплавание и расцветала морская торговля, по морю прошёл «Морской Шёлковый путь». Эти два маршрута «Великого Шёлкового пути» были не только каналами торговых связей между Востоком и Западом, но в большей степени каналами культурного сотрудничества между ними. Если говорить о Великом Шёлковом пути, то Китай поставлял не только чай и шёлк, но, скорее, поддерживал культуру и одухотворённость. Эти культура и одухотворённость продолжали развиваться, способствуя не только мирному сосуществованию между различными нациями и культурами государств Востока и Запада, но в большей степени способствуя взаимным экономическим доверительным связям. Поэтому укрепление культурного сотрудничества в рамках «Одного пояса – одного пути» будет способствовать культурным, идеологическим и религиозным связям между нашим государством и соседними странами; также будет благоприятствовать поддержке интеллектуальных ресурсов между странами и регионами; главным образом оно будет способствовать коагулированию внутригосударственных и зарубежных соотечественников, укрепит признание китайской нации как единой. Бывший министр культуры и туризма Казахстана Султанов считает, что без развития гуманитарного сотрудничества очень сложно развивать экономическое сотрудничество. Поэтому для экономического развития прежде всего необходимо развитие гуманитарное. Так называемая «человеческая культура» – явление разнообразной культуры человеческого общества, это центральная часть культуры человечества. Обычно к этой «культуре» мы относим науку и технику, образование, духовную культуру, здравоохранение, туризм, журналистику, научные связи, культурные связи между нациями и т. д. Существует множество способов осуществления культурного сотрудничества в рамках «Одного пояса – одного пути», основным из которых является развитие сотрудничества посредством духовной культуры, науки и техники, образования, сотрудничества в сфере аналитики, китайских эмигрантов, туризма и дипломатии, обмена и сотрудничества между молодёжью и др.

1-й способ. Распространение китайской культуры.

Макс Вебер однажды сказал: «Понимание культуры и её распространение – это главная движущая сила общественного развития. Культура Китая со своей пятитысячелетней историей глубока и многогранна, настроение,

полное согласия и добродетели, связывает длинным коридором экономические цивилизации Запада и Востока. Конфуций говорил: «Благородный человек живёт в согласии со всеми, но имеет разные взгляды», где «согласие» несёт в себе гармонию инь и ян, а все существа рождаются в гармонии; а «разные» означает неоднородность. Китайская культура не гонится за «совершенной однородностью», поскольку одинаковые вещи не могут долго существовать, не что иное, как разнообразная гармония является основой развития всех вещей. Дух этого «согласия» проистекает из выражений «не возжелай ничего, да не жертвуй людьми», «относись к ближнему, как к самому себе» о широте взглядов и отношении к другим людям. Эти взгляды рассматриваются в более широком ключе, они составляют культурную основу для любви и уважения китайского народа к миру. Эти широкие взгляды поддерживают инициативу «Один пояс – один путь», смогут адаптировать её к настроению народных масс, получить признание и уважение. 28 марта 2015 года Си Цзиньпин выступил с докладом на Боаоском азиатском форуме, заявил: «создание “Одного пояса – одного пути” будет опираться на совместное обсуждение, строительство и разделение основных положений, это открытый и всеобъемлющий проект, не рассчитанный на один только Китай, а нацеленный на совместную работу всех примыкающих стран, он не является альтернативой существующих механизмов регионального сотрудничества и инициатив, но на уже существующей основе, нацелен на содействие реализации национальных стратегий развития вдоль границы друг с другом, дополнение друг друга». Всеобъемлющий подход к совместному обсуждению, строительству и разделению включает в себя то, что китайская культура охватывает всё сущее, воплощение благородного мужа.

2-й способ. Развитие китайского образования.

Сотрудничество в сфере образования является важным пунктом в совместном проекте «Один пояс – один путь». Сотрудничество в сфере образования способствует созданию хорошей базы. На протяжении многих лет китайское правительство поощряет китайских эмигрантов в получении китайского образования, поощряет и поддерживает зарубежные китайские инвестиции в образование, улучшает преподавательский состав, а также создаёт внутренние и международные платформы для обмена. Кроме того, продолжают работать и развиваться Институты Конфуция. Институт

Конфуция – это лучшая основа для китайской культуры и образования от Канцелярии Международного Совета китайского языка, он предоставляет платформу для желающих обучаться китайской культуре зарубежным китайцам и иностранцам в целом, в то же время закладывает основы китайской культуры для нового поколения вернувшихся зарубежных китайских предпринимателей.

3-й способ. Интеллектуальная сфера.

Контакты в интеллектуальной сфере являются важной частью культурного сотрудничества Китая и стран, прилегающих к «поясу». Создание интеллектуальной сферы способно предоставить интеллектуальную поддержку и защиту в решении правительства по вопросам «Одного пояса – одного пути». Интеллектуальная сфера не ограничена только представителями Китая, но включает в себя и зарубежных китайцев. Различающиеся квалификации и точки зрения представителей интеллектуальной сферы могут расширить поле зрения правительства, также предоставляет инновационные программы развития по нескольким спорным вопросам; в то же время укрепляет обмены талантливыми учёными и интеллектуальное сотрудничество между странами, в особенности усиливает интерактивность и обмен визитами между молодыми учёными и предпринимателями, способствует налаживанию связей с молодыми предпринимателями, а также научным исследованиям среди молодых учёных.

4-й способ. Особая роль китайских эмигрантов.

В продвижении строительства «Одного пояса – одного пути» китайские иммигранты являются абсолютно уникальной силой и играют особую роль. Для ускорения развития экономического пояса необходима платформа и контакты, так китайские эмигранты как раз и есть «контакты». За последние годы по мере развития экономики Китая всё большее количество китайских эмигрантов захотели вернуться на родину для создания бизнеса, а инициатива «Один пояс – один путь» предоставляет им удобную платформу и благоприятную возможность для этого. Создание «Одного пояса – одного пути» не придерживается исключительно сферы экономики, а развивается по таким направлениям, как образование, культура и даже политика, в которых зарубежные китайцы могут полностью раскрыть свою особую роль. Так, например, в политической сфере, как известно, после того, как у китайских эмигрантов появились определённые экономические силы, они начали сосредоточиваться на своих основных правах человека, как равные

меньшинства, проживающие в стране, стали изучать политическую жизнь и интересоваться политикой. В США и Канаде некоторые китайцы являются представителями элиты или избраны в качестве депутатов, некоторые исполняют обязанности губернатора или ректора университета, а также занимают высшие руководящие должности в судебной системе, бизнесе и других отраслях. Поэтому необходимо налаживать контакты со странами, где проживают выдающиеся представители зарубежных китайцев, чтобы привлечь лучшие новые поколения китайских эмигрантов вернуться домой, развивать пути содействия механизмам политической системы для зарубежных посетителей. Так, например, в таких организациях, как Народный политический консультативный совет, Ассоциация дружбы с зарубежными соотечественниками, Всекитайская ассоциация молодёжи, торговый союз эмигрантов и других, расположенных на Тайване, зарубежные китайцы представляют политический статус личности, им предоставляется возможность выполнять свои функции, принимать участие в политической деятельности и заниматься разработкой новых планов или стратегий.

3. Соответствующие стратегии «Один пояс – один путь» гуманитарный обмен и экономическое сотрудничество с зарубежными китайцами.

Главной целью «Одного пояса – одного пути» по-прежнему остаётся создание платформы для сотрудничества, а также стимулирование развития экономики. Поэтому то, насколько будут задействованы страны и регионы «пояса» в получении взаимной прибыли от экономического сотрудничества является нашей первоочередной задачей. По мере постепенной реализации концепции «Один пояс – один путь» Китай начал наращивать усилия по содействию китайским предприятиям для выхода на зарубежные рынки, особенно после визита в Китай Президента РФ Путина в мае 2015 года. Россия предложила Китаю участвовать в крупнейшей российской экономической зоне – развитии Дальневосточного региона, и выразила надежду на то, что Китай может стать лидером в развитии Дальнего Востока с целью обеспечения интероперабельности между двумя странами. В данном случае хорошо видна особая роль зарубежных китайцев в стратегии «Один пояс – один путь».

1. Важность роли зарубежных китайцев в развитии стратегии «Один пояс – один путь».

Председатель канцелярии по делам эмигрантов при Государственном совете КНР Цю

Юаньпин ранее неоднократно заявлял, что зарубежные китайцы – это уникальная сила для продвижения построения инициативы «Один пояс – один путь». Как известно, сегодня китайские эмигранты проживают по всему миру, в 143 странах на пяти континентах, и являются неотъемлемой частью мирового сообщества, которое включает в себя 33 страны Азии, 26 европейских стран, 38 стран Африки, 11 стран Океании и 35 американских государств. После выдвинутой два года назад инициативы «Один пояс – один путь» Россия и Китай подписали совместное заявление об интеграции Евразийского экономического союза и стратегии «Один пояс – один путь», тем самым Россия официально вступила в «Один пояс – один путь». Несмотря на культурную ассимиляцию в стране пребывания, некоторые китайские эмигранты в определённых привычках, языке и политических взглядах будут отличаться от людей в родной стране, но признание генетического родства позволяет им сохранить большую часть населения основным, семью – центральным понятием, а межличностные отношения и моральные принципы – основными ценностями. Именно поэтому они полагаются друг на друга, несмотря на прошлое или нынешнее состояние, зарубежные китайцы признают свою национальность и по-прежнему придерживаются определённой тождественности. Излишне говорить, что китайские эмигранты не только являются важным фактором для экономического строительства и социального развития принимающей страны, но и являются движущей силой для экономического развития и социального прогресса родной страны. Таким образом, чрезвычайно важно использовать возможности «Одного пояса – одного пути», в котором важную роль играют зарубежные китайцы. Если рассматривать провинцию Гуандун как самую большую провинцию, занимающуюся делами эмигрантов, то она является основной базой привлечения в бизнес зарубежных китайцев. На протяжении многих лет, в связи с застоём предприятий, политической непривлекательности, нехватки людских ресурсов и по другим причинам, всё больше и больше зарубежных китайцев, студентов и других начинающих компаний выбирают для открытия бизнеса Пекин, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян и другие места. Ранее привлекающие зарубежных китайцев провинции и города сталкивались с трудностями в соревновании между талантливыми людьми. В настоящее время внутренняя и международная конкуренция за капитал, технологии, и особенно талант становятся всё более интенсивными.

Персонал и средства предназначены для обеспечения устойчивого экономического развития. Согласно статистическим данным, в ближайшие годы в США дефицит персонала, разбирающегося в высоких технологиях, достиг 850 тыс. чел., в Германии эта цифра – 100 тыс. чел., а в Японии – 200 тыс. Государства в целях урегулирования кризиса дефицита талантов будут ещё сильнее конкурировать. Развитые страны могут, опираясь на свою силу и превосходство, «выкапывать таланты» в научно-технической среде, в то же время каким преимуществом могут воспользоваться развивающиеся страны для привлечения талантов? Как вернуть провинции Гуандун прежнюю привлекательность для зарубежных китайцев? Уже необходимо провести работы по улучшению этой привлекательности. Конечно, одновременно существуют и опасности, и возможности. С точки зрения их собственных преимуществ, в провинции Гуандун есть как традиционные, так и некоторые новые преимущества. Суть в том, как повысить комплексную мощь провинции для привлечения инвестиций и талантов из-за рубежа, чтобы привлечь новое поколение, студентов и других, прибывающих в Гуандун, предоставив предприятиям объективные возможности.

2. Полная реализация значения зарубежных китайцев для создания инициативы «Один пояс – один путь».

«Один пояс – один путь» охватывает не только миллиарды людей и основные важные вековые вопросы, касающиеся большинства стран и регионов, но также является грандиозным проектом международного сотрудничества между странами «пояса» и регионами, которые могут принять участие в проекте. Зарубежные китайцы будут играть незаменимую роль.

Во-первых, для привлечения представителей элиты и освоения внешних рынков. За последние годы в процессе своего экономического развития провинция Гуандун постепенно расширила рамки для приезжающих из-за границы талантливых людей, собираясь в дальнейшем использовать лучших представителей в экономической культурной и политической сферах в создании «Одного пояса – одного пути». Это позволит не только объединить выдающихся зарубежных китайцев, но и лучших иностранных представителей, в особенности зарубежных китайцев родом из провинции Гуандун, а также позволит ещё большему количеству талантов приехать в Гуандун для работы на его развитие и внедрение новых разработок, позволив предприятиям провинции Гу-

андун выйти на мировые рынки, где они смогут показать свою эффективность. Гуандун обладает многими преимуществами для строительства инициативы «Одного пояса – одного пути». Помимо преимуществ в торгово-экономических связях и транспортных узлах очевидны его преимущества в построении дипломатических отношений. Это преимущество, в первую очередь, для зарубежных китайцев, чьей родиной является провинция Гуандун. Таких зарубежных китайцев, проживающих в сопредельных странах, более чем 20,72 млн чел., что составляет 1/2 от общего числа зарубежных китайцев. Новое поколение зарубежных китайцев, многие из которых имеют огромный талант, капитал и зрелые торговые сети, не только знакомы с культурой принимающей страны, языком, обычаями и законами, но и понимают родные фольклор, язык, обычаи, совмещая китайские и иностранные уникальные преимущества.

Как можно привлечь к участию и способствованию созданию Великого Шёлкового пути те несколько тысяч зарубежных китайцев, которые играют особую роль связующего звена между принимающей страной и страной происхождения? Провинции Гуандун необходимо полностью раскрыть своё экономическое преимущество, потому как Гуандун – это провинция с самой большой степенью торгово-экономического сотрудничества и самым тесным культурным сотрудничеством между Китаем и странами «пояса». В 2014 году общий объём импорта и экспорта провинции Гуандун вместе с сопредельными государствами составил 130,99 млрд долл. США, что составляет 22,4 % импорта и экспорта Китая с сопредельными странами в стоимостном выражении. По состоянию на 2014 год общий объём инвестиций в провинцию Гуандун со стороны сопредельных государств превысил 1,72 млрд долл. США. Таким образом, привлечение большей части силы китайских бизнесменов, особенно прибывающих для инвестирования в провинцию Гуандун, необходимо для привлечения иностранного капитала, что привело бы к его ведущей роли. Например, городской округ Шаньютоу, Гуандун, подал заявление на создание экспериментального района по культурному и экономическому сотрудничеству с зарубежными китайцами, был создан важный проход Морского Шёлкового пути XXI века через Шаньютоу, поэтому так важна роль зарубежных китайцев, прибывающих в Гонконг и Макао. В качестве важных интеллектуальных ресурсов для современного социально-экономического развития Китая, большинство зарубежных ки-

тайцев играют огромную роль в открытии международного экономического и технологического сотрудничества, содействии в благотворительности другим странам и т. д.

Во-вторых, необходимо создание особой зоны для привлечения талантов. Для выдающихся зарубежных китайцев и молодых учёных правительство должно создать зону высоких технологий, нацеленную на иностранных студентов, а также предлагать привлекательные инвестиционные условия для привлечения талантливых иностранцев, знакомых с высокими технологиями. В традиционной концепции правительство считает основным привлечение иностранного капитала. Теперь вслед за общественным прогрессом, развитием технологий, традиционное привлечение иностранного капитала не может решить долгосрочное развитие общества и нужно найти равновесие в привлечении инвестиций и талантов из-за рубежа, делая упор на привлечении представителей интеллектуальной сферы. Зарубежных китайцев можно встретить во всех сферах жизни, многие из них сами по себе являются талантливыми и знакомы с высокими технологиями, рациональное использование этих людей будет способствовать экономической модернизации и рационализации структуры города. На протяжении многих лет Гуандун шаг за шагом усиливал действия по привлечению зарубежных интеллектуалов и капитала, постепенно расширяясь от простой модели платформ бизнес-конференций, политических форумов и т. п. до особой зоны. Другими словами, была открыта зона высоких технологий для обеспечения бизнес-базы иностранным представителям. Например, в Гуанчжоу открылись специальные парки в особой экономической зоне, районе Логан и других местах, были созданы научный городок и академгородок в Гуанчжоу, Международный биологический остров в Гуанчжоу. Научный городок построен для привлечения особо выдающихся талантов со всего мира, он объединил глобальную элиту мирового класса для жизни в экологически подходящем поселении Синьчэн. В качестве основной базы для инновационного и технологического развития высокотехнологичной промышленности научно-технологический парк Гуанчжоу для зарубежных китайцев установил льготную политику в области налогообложения, финансов, земли, проживания и такие, как предложенная Международным биологическим островом в Гуанчжоу «Программа набора глобальных экспертов», построение «английско-китайского» научно-технического моста и других международных платформ для гло-

бальных лидеров, талантов, участвующих в «Программе набора глобальных экспертов», а также оказание щедрого финансирования провинциям и городам, поддерживающим высокотехнологичные таланты. Эти меры действительно эффективны в привлечении нового поколения китайских эмигрантов, приезжающих в Гуандун с целью основать там свой бизнес. В академгородке Гуанчжоу доктор наук Сюй Цзясену же открыл своё предприятие, по его словам, его фирма «Bio Yishan» имеет большие преимущества и сейчас находится на стадии подъёма. Расположенная в районе Логан компания «Bio Guanhao» уже стала крупной и конкурентоспособной листинговой компанией. Это только две из пяти компаний, основанных зарубежными китайцами. В провинции Гуандун большое количество китайских эмигрантов, являющихся высококвалифицированными работниками, вернулись обратно с венчурными проектами, основав более 3000 предприятий [4].

В-третьих, привлечённые зарубежные китайцы играют особую роль, нанося визиты и инвестируя в общественные организации. По результатам оценки, средний балл стран «пояса» 43.55 по индексу ККСА. 64 страны-участницы опроса были разделены на четыре типа в соответствии с высокими и низкими оценками, к странам с самым глубоким уровнем сотрудничества (80–100 баллов) отнеслись лишь две страны, к быстрому уровню развития (60–80 баллов) относятся 13 стран, и к постепенно расширяющимся (40–60 – относятся 17 стран, и те, кто ещё нуждается в укреплении сотрудничества (менее 40 баллов) – 32 страны, среди которых числятся топ-5 стран: Россия, Казахстан, Таиланд, Пакистан и Индонезия. С региональной точки зрения, Северо-Восточная Азия, страны Юго-Восточной Азии и Китай наиболее тесно сотрудничают в рамках инициативы «Один пояс – один путь», необходимо усилить степень сотрудничества со странами Западной Азии, Северной Африки и Центрально-Восточной Европы. Россия, Монголия и большинство стран Юго-Восточной Азии являются частью «глубокого сотрудничества» и «быстрого толчка» [1]. Гуандун действительно является самой большой провинцией, занимающейся делами эмигрантов: в Китае в настоящее время находится около 60 миллионов зарубежных китайцев, из них более чем 40 миллионов являются уроженцами провинции Гуандун, проживающих в более чем 160 странах на пяти континентах. Среди этих эмигрантов есть много зарубежных китайцев нового поколения, разбирающихся в высо-

ких технологиях. Так, заместитель директора канцелярии по делам эмигрантов в провинции Гуандун Лин Лин считает, что «обращая внимание на старых эмигрантов, Гуандун в то же время должен сосредоточить внимание на представителях “трёх новшества” и “четырёх необходимых вещей”; “три новшества” – это новое поколение этнических китайцев, новое поколение зарубежных китайцев и новая сила соотечественников за рубежом, а к “четырёх необходимым вещам” относятся политическое влияние, социальное положение, экономическая мощь и специальные навыки». Общеизвестно, что хоть и много зарубежных китайцев, однако всё больше становится число выдающихся зарубежных китайцев, но без большого масштаба и хорошо организованного общества эти выдающиеся представители не объединились бы, только совместно можно сформировать определённый масштаб, чтобы оказывать влияние. В качестве отправной точки для общества можно использовать распространение в сети Интернет, расширение влияния иммигрантов в социальных сетях, создание более крупных обществ зарубежных китайцев, что заставит их предоставлять поддержку и помощь зарубежным китайцам. Например, в провинции Гуандун новые передовые китайские эмигранты или лидеры обществ, активно участвующие в китайских делах обществ, вносят большой вклад в содействие гармоничного развития общества, укрепление дружбы Китая с иностранными государствами и особенно в экономическом сотрудничестве. Например, был проведён круглый стол на 500-м съезде китайских бизнесменов в Гуандуне (Гуанчжоу), на который были приглашены 24 всемирно известных китайских предпринимателя; секретарь провинциального комитета партии Ху Чуньхуа, председатель Канцелярии по делам проживающих за границей китайских граждан при Госсовете КНР Цю Юаньпин, председатель комитета народных представителей провинции Чжу Сяодань лично встретили китайских предпринимателей, эти действия улучшили контакты предпринимателей с провинцией, а также разожгли в них желание участвовать в развитии провинции Гуандун путём инвестирования. Ассоциация дружбы с зарубежными соотечественниками – это важный носитель проведения единого фронта работы за рубежом в Рабочем отделе Единого фронта, это эффективная платформа для установления связей с новым поколением зарубежных китайцев. С проведения дружеской встречи с США в 2001 году в провинции Гуандун уже полностью проявились преимущества этой Ассо-

циации, была создана площадка для работы, были усилены влияние и сплочённость людей родом из провинции Гуандун. В Ассоциации дружбы с зарубежными соотечественниками мы также должны играть активную роль для продолжения контактов в зарубежных обществах посредством силы зарубежных китайских обществ, таких, как: зарубежное общество совместного празднования Нового года, фольклорные представления, коллективное поклонение Цинмин в своих родных городах, Праздник середины осени, свадьбы и дни рождения; все эти мероприятия повышают сплочённость людей.

В-четвёртых, использование образования, создание культурной самобытности. Китайская культура является основой и истоком зарубежных китайцев, это духовное руководство зарубежных китайцев, тесно сплотившее все силы китайцев за рубежом. Излишне говорить, что китайские эмигранты также являются важными распространителями китайской культуры. Китайская культура имеет долгую историю, богатое содержание, инновационные идеи, в то же время распространила инновационные идеи, такие, как конфуцианство, буддизм, даосизм и т. д., и осуществляет различные стили школ. Зарубежные китайцы имеют собственное различное понимание и толкование распространения культуры, в результате их новых достижений появилось много новых уровней культуры, то есть расширенный, открытый, всеобъемлющий и инновационный уровни. Они играют особую роль в культуре и образовании, наиболее важным аспектом является то, что они добиваются культурной самобытности зарубежных китайцев. Большая часть нового поколения китайских эмигрантов относительно безразличны к понятию эмигранта, и очень сильно различаются в понимании и чувстве Китая со старыми китайскими эмигрантами. Они в основном относятся к поколению «вестернизации», так называемое «новое поколение, которое бродит между двумя обществами: белого человека и этнического китайца». Китайское образование является эффективным способом для продвижения культурной самобытности. Вслед за повышением всеобъемлющей силы и международного статуса Китая значительно расширилась притягательность китайской культуры для большинства за-

рубежных китайцев. Потому как для того, чтобы вернуться на родину для основания бизнеса, в первую очередь, необходимо пройти языковой барьер, поэтому, можно сказать, что китайское образование конкурентоспособно в плане выживания и развития для нового поколения китайских эмигрантов. Между тем, говоря политическим языком, говорящие на одном языке люди смогут устранить различия в статусе личности, сделав его полностью идентичным. Для этого необходимо увеличить инвестиции людских, материальных и финансовых ресурсов китайского образования. Например, за счёт высокого качества китайских учебно-методических материалов, подготовки учителей высокого уровня, китайского информационного преобразования сети, созданной для поддержки развития зарубежной китайской образовательной отрасли. Кроме того, необходима учебная практика. Например, путём предоставления учебной платформы или программы для обучения за границей, новое поколение китайских эмигрантов и их детей будут приезжать в Китай для обучения или подготовки, с помощью китайского образования сохранится традиционная культура нового поколения китайских эмигрантов и их потомков, будет поддерживаться в них китайский национальный характер, сохранятся и углубятся их родственные кровные связи с родной страной. Кроме того, необходимо привлечь выдающихся представителей нового поколения в различных областях экономики, торговли, спорта, культуры, образования и искусства.

Итак, зарубежные китайцы – это неотъемлемая важная влиятельная сила для построения инициативы «Один пояс – один путь», при котором стимулирующую роль будут играть рациональное использование культурных обменов, экономическое развитие зарубежных китайцев и вся китайская экономика. Для того, чтобы усилить изучение зарубежных китайцев, особенно в гуманитарном обмене и экономическом сотрудничестве между Китаем и Россией, в целях содействия российско-китайскому экономическому обмену, а также содействия приграничному сотрудничеству, формирование имиджа мирного подъёма Китая имеет важное глобальное стратегическое значение для развития благоприятной международной среды.

Источники и литература

1. Ван Эрдэ, Вэй Юйпин. Основной статистический отчёт по инициативе «Один пояс – один путь»: самая высокая степень международного сотрудничества у России, по степени участия первая провинция Гуандун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epaper.21jingji.com/html/2016-10/31/content_49463.htm (дата обращения: 27.04.2017).

2. Лю Шэнсюй, Гун Юйся. Стратегия «Один пояс – один путь» и её великое значение для китайской культуры // Экономика и финансы. – 2015. – № 12.

3. Лу Фэн. Стратегия открытия «Один пояс – один путь» // Экономический обозреватель Китая на 41-м заседании. – Шанхай. – 2013. – № 22.

4. Чжэн Син, Ян Цзиянь. Сохранение ресурсов. Государство помогает мигрантам – первое, что нужно избегать мигрантам – это «прохождение» через [N] // Жэньминь жибао (зарубежное издание). – 2012. – № 30.

吴星辰

天津市中华文化学院，副教授，中国无神论协会理事；
天津市青联委员，天津市反邪教协会专家理事；天津市社会主义学院学报编辑

张颖

广州市中华文化学院，政治学硕士，副教授，研究方向：
文化研究、海外华人华侨研究

“一带一路”战略背景下中俄人文经济合作与交流

吴星辰¹ 张颖²

摘要：“一带一路”的建设是以习近平为总书记的新一代领导集体所提出的战略构想，促进人文交流也是战略构想中的一个重要组成部分。人文交流的良性发展，有利于在与华侨华人开展经贸活动时，加强彼此间的合作和联系。因此，在“一带一路”背景下，以华侨华人为研究对象，试图寻找中俄人文经济合作与交流路径，加强边境合作，形成一种人文经济的良好气象。

关键词：一带一路；人文交流；华侨华人；经济 2013年9月，习近平总书记哈萨克斯坦首提共建“丝绸之路经济带”，并提出应加强政策沟通、道路联通、贸易畅通、货币流通、民心相通的“五通”方式。

10月，习近平总书记在周边外交工作座谈会上指出，为“巩固和扩大我国同周边国家关系长远发展的社会和民意基础要全方位推进人文交流”。由此，构建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路逐渐成为国内外社会各界乃至全球华侨华人广泛关注的热门话题，同时，中俄之间的“安全地带”作用更加凸显。一、“一带一路”的涵义

“一带一路”(One Belt One Road或Belt and Road, 缩写OBOR或B&R), 是丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的简称, 这条大路贯穿亚欧非, 是中国与沿线各国开放合作、互利互惠、互联互通的战略构想。“一带”, 即“丝绸之路经济带”, 泛指中国与经过中亚直至欧洲的古代“丝绸之路”所及区域的经济合作, 包括陆上三个走向: 一是从中国出发经中亚、俄罗斯到达欧洲; 二是经中亚、西亚至波斯湾、地中海; 三是从中国到东南亚、南亚、印度洋; “一路”, 即“二十一世纪海上丝绸之路”, 它涵盖东南亚、印度洋到东北非以至地中海和从中国沿海港口经南海到南太平洋两条主要走向区域的合作。^[1]总体说来, “一带一路”辐射范围涵盖东盟、南亚、中亚、西亚、东北非及欧洲和大洋洲, 沿线超过60个国家, 在未考虑大洋洲的情况下, 涉及总人口约44亿, 经济总量21万亿美元, 分别占全球的63%和29%。^[2]

二、“一带一路”战略下的人文交流路径分析

两千多年前, 汉代使者张骞两次出使西域, 东起长安, 经河西走廊, 西达欧洲地中海, 开辟了一条横贯东西, 连接欧亚的陆上丝绸之路; 秦汉时期, 随着航海业的发展成熟, 海上贸易的兴起, 又延伸出海上丝绸之路。两条丝绸之路不仅是东西商贸往来的通道, 更是东西人文交流的路径。回溯古丝绸之路, 中国带去的不仅仅只有茶叶和丝绸, 还承载着文化和精神。丝绸之路上的文化与精神的传承与发展, 不仅能促进东西不同种族、不同文化国家间的和平共处, 更能促进相互间的经济互信往来。所以加强“一带一路”人文交流, 将有利于推动我国与沿线国家的文化思想宗教交流; 也将有利于推动国家地区间的资源智力支持; 更是有助于凝聚海内外同胞, 增强其对中华民族的认同性。

吉尔吉斯斯坦文化、信息和旅游部原部长苏尔丹拉耶夫认为, 没有人文合作的发展, 很难实现经济合作的进步。所以, 经济发展, 首先需要人文前行。所谓“人文”是指人类社会的各种文化现象, 是人类文化中的核心部分。我们通常所说的人文, 大体可包括科技、教育、文化、卫生、旅游、新闻出版、学术交流、民族民间文化交流

¹ 吴星辰, 天津市中华文化学院, 副教授, 中国无神论协会理事; 天津市青联委员, 天津市反邪教协会专家理事; 天津市社会主义学院学报编辑; 研究方向: 宗教与中国文化、中西方宗教对比, 海外华人华侨信仰研究(通讯地址: 天津市南开区鞍山西道340号天津市社会主义学院1号楼215,300193,)

² 张颖, 广州市中华文化学院, 政治学硕士, 副教授, 研究方向: 文化研究、海外华人华侨研究。

等。实现“一带一路”人文交流的方式是多样的，主要可以通过文化科技、教育交流、智库合作、华人华侨、旅游外交、青年交流与合作等方式开展。

(一) 中华文化的传播

马克思·韦伯曾言：文化观念和文明的传播是社会发展的第一动力。中华五千年的文明博大精深，和谐统一、厚德载物的情怀联通了东西经济文化的长廊。孔子曰“君子和而不同”，“和”乃阴阳相和，则万物生；“同”则为同质同性。中国文化不主张追求“完全的相同性”，因为同质同性的事物不能长存，而多元和谐才是事物发展的本质。这种“和”的精神衍生出了“己所不欲、勿施于人”、“推己及人”的博大胸怀和待人处事之道。这种胸怀推而广之，便构成了中国人热爱和平、崇尚和平的文化基础。以这种博大胸怀涵养“一带一路”，会顺应与之交往国民众的心态，获得认同和推崇。2015年3月28日，习近平在博鳌论坛年会主旨演讲中表示，“‘一带一路’建设将秉持共商、共建和共享原则，是开放包容的，不是中国一家的独奏，而是沿线国家的合唱，不是要替代现有地区合作机制和倡议，而是要在现有基础上，推动沿线国家实现发展战略相互对接、优势互补”。共商、共建、共享的包容态度正是中华文明中涵养万物、包纳百川，厚德载物的体现。

(二) 华文教育的发展

教育合作是“一带一路”中要重点提到的交流合作项目。做好教育合作有利于创设良好的软性环境平台。这些年，中国政府鼓励海外华侨华人做好华文教育，鼓励并支持华侨华人的教育投资，完善其师资力量，并创设国内外的交流平台。除此之外，继续开办并发展孔子学院。孔子学院是国家汉办推广中华文化、汉语教育的最好平台，它为愿意学习中华文化的海外华侨华人、外国友人提供学习的平台；同时也为新生代华侨华人回国创业打下汉语文化基础。

(三) 打造精英智库

智库交流是中国与“一带一路”沿线国家人文交流的重要组成部分，精英智库的建立能为政府在“一带一路”的决策中提供智力支持和保障。智库的建立不仅局限于国内的精英们，也包括海外的华人华侨。身份不一，视角不一的精英智库能开拓政府的眼界，为一些有争议的问题提供开拓性的建设方案；同时，加强与国外智库间的交流合作，尤其是加强企业家、青年学者间的互访互动，有利于年轻企业家间的项目往来，也利于青年学者间的研讨研究。

(四) 华人华侨的独特作用

在推动“一带一路”建设中，华人华侨是不可或缺的独特力量，并能在其中发挥独特作用。要想促成“一带一路”经济带的发展，就需要一个平台和联系人，而其中，华人华侨正是这样的联系人。这些年，随着中国经济的发展，越来越多的华人华侨愿意回国创业，而“一带一路”也为他们提供了这样的一个平台和机会。“一带一路”建设并不拘泥于经济领域，在教育、文化，甚至政治等领域，华侨华人都能发挥其独特作用。比如，在政治领

域中，众所周知，在拥有一定的经济实力之后，华人华侨也开始关注自身作为侨居国的平等少数民族的基本人权，涉猎政治生活，关心参政议政。在美国和加拿大，有些华人精英或当选为议员，或担任州长、大学校长，或在司法、商务等部门任高级职务。所以，对于优秀的华侨华人，祖籍国也应该伸出橄榄枝，通过推广加大海外人士的政治安排制度来吸引优秀的新生代华侨华人回国发展。比如，在政协、海外联谊会、青联、侨商会等组织中安排港澳台侨代表人士的政治身份，为他们提供履行职能、参政议政、献计献策的平台。

三、“一带一路”战略下的人文交流与华人华侨经济

“一带一路”首要的目的仍是搭建合作的平台，刺激经济的发展。所以，如何积极调动“一带一路”沿线的国家地区加入到经济的合作共赢中来，是我们关注的首要问题。随着“一带一路”构想的逐步实施，中国开始加大力度推进中国企业走出去。尤其在2015年5月普京访华之后，俄罗斯邀请中国参与俄罗斯最大的经济区——远东地区的开发，并提出希望中国能够成为远东地区开发的领跑者，促进两国互联互通。而其中，发挥华侨华人的作用是“一带一路”战略中的一个亮眼之处。

(一) “一带一路”战略下发挥华人华侨作用的重要性

国务院侨办主任裘援平曾在多个场合表示，华侨华人是参与推动“一带一路”建设中的重要力量。众所周知，当今，海外华侨华人的足迹遍布全球，分布于五大洲的143个国家，是全球不可或缺的群体，其中，包括33个亚洲国家、26个欧洲国家、38个非洲国家、11个大洋洲国家、35个美洲国家。在“一带一路”提出两年后，俄中两国签署联合声明，确立欧亚经济联盟与“一带一路”对接，标志着俄罗斯正式决意融入“一带一路”。尽管由于侨居国的文化同化，部分华侨华人在某些习惯与语言、政见上会有别于祖籍国的人，但是其与生俱来的亲缘血缘认同使得他们大部分仍保留着以群己为本位、以家庭为中心、人际关系重伦理的核心价值观。正因为根系的相依相属，使得无论是在过去或是现在，华侨华人对于国族的认同仍保持一定的同一性。毋庸置疑，海外华侨华人不仅是其侨居国经济社会发展的重要建设力量，也是祖籍国经济发展、社会进步的有效力量。所以，最为重要的工作就是紧抓“一带一路”契机，发挥华侨华人在落实“一带一路”战略中的作用。以广东省为研究对象，广东作为侨务大省，一直是吸引华侨华人来此创业的主要基地。这些年，由于创业环境的停滞不前、政策吸引优势不强、人力资源的匮乏等原因，越来越多的海外华侨华人、留学生等选择将企业开办到北京、上海、江浙等地。从前那个对于海外人士有着极强吸引力的省市正在面临人才竞争的困境。目前，国际国内对资金、技术、尤其是人才的竞争日益白热化。人才、资金就意味着经济的可持续发展。据有关资料显示，在今后几年里，美国短缺高新技术人才高达85万人，德国短缺10万人，日本短缺20万

人。各国为了解决人才短缺的危机，争夺将非常激烈。发达国家可以凭借其雄厚的实力和优越的科技环境不断“挖才”，而发展中国家将如何利用自身优势，又利用自身的什么优势来吸引人才呢？广东又将如何重塑侨务大省的昔日辉煌呢？做好招财引智的工作已是迫在眉睫。当然，危与机是并存的。从自身优势上看，广东既有传统的优势，也有一些新的优势。关键是如何提升广东综合实力和引智引资环境，为更好地吸引新生代、留学生等来粤创业提供客观可能。

(二) 充分发挥华侨华人作用，促进“一带一路”建设 “一带一路”不仅是一个涵盖几十亿人口、惠及很多国家和地区的世纪性重大决策，也是一个联系沿线国家及地区可以共襄盛举的宏大国际合作工程。华侨华人将在其中发挥难以替代的作用。

首先，吸纳精英，开拓海外市场。这些年，广东在经济发展中，通过进一步开拓海外高层次人才范围，将那些活跃于经济、人文社科、公共政策领域的优秀人士纳入到“一带一路”建设的范围中。此举不仅能凝聚优秀的华侨华人，而且透过这些优秀海外人士，尤其是广东籍华侨华人，推荐更多优秀人才来粤发展，并透过他们介绍广东的新发展，为广东企业走出去与世界接轨发挥作用。广东在“一带一路”建设中，有着众多的自身优势。除了在经贸往来、交通枢纽上有突出的优势外，对外交流中的优势也是很明显。这一优势便是祖籍广东的华侨华人在体现。祖籍广东的华侨华人在沿线国家有2072万余人，占中国大陆在沿线国家华侨华人总数的1/2。这些新生代华侨华人中很多人拥有巨大的人才、资本优势及成熟的商业网络，不但熟悉侨居国的文化、语言、民俗、法律，且了解祖籍国的民俗、语言、风土人情，兼具融通中外的独特优势。

如何发挥海外数千万华侨华人作为侨居国与祖籍国之间桥梁纽带的独特作用，使其积极参与和推动丝绸之路建设？广东要发挥其经济大省的优势，广东是中国大陆与沿线国家经贸合作量最大、人文交流最密切的省份。2014年，广东省与沿线国家的进出口总额达1309.9亿美元，占中国大陆与沿线国家进出口值的22.4%。截至2014年，广东在沿线国家累计投资额达17.2亿美元。所以，吸引广大的实力雄厚的华商，尤其是广东籍的华商来粤投资，为引进外资起到了示范带头的作用。例如，广东汕头申办了一个华侨文化经济合作的试验区，打造汕头21世纪海上丝绸之路的重要门户，以此来发挥港澳地区海外华侨华人的作用。作为中国现代社会经济发展的重要智力资源，广大华侨华人在开拓国际经济科技合作、推动祖籍国慈善捐赠事业等方面发挥着巨大作用。

其次，创设园区，吸引人才。对于那些优秀的海外华人华侨，年轻学者，政府应该专辟留学生高科技园区，提供优厚的投资条件来吸引海外高科技人才。在传统的观念中，政府以引资为主，把所谓外资引入进来即可。如今，随着社会的进步，科技的发展，传统的单纯引资不能解决

社会的长效发展了，必须转向引智与引资相结合，并突出引智为重点。华侨华人遍布各行各业，他们中不少人本身就是高科技人才，这些人才的合理利用有利于实现一个城市的经济产业升级、结构的合理调整。这些年，广东进一步强化侨务引智引资工作，逐渐由单纯的企业洽谈会、政策论坛等平台模式向园区载体拓展。换句话说就是多开辟高科技园区为海外人士提供创业基地。例如，广州在开发区、萝岗等地开辟专门园区，打造了中新广州知识城、广州科学城、广州国际生物岛三个平台。中新知识城就是打造成为汇聚全球精英的人才高地、国际一流水平的生态宜居新城。作为科技创新和高新技术产业发展的主要基地，广州科技园区为华侨华人在财税、金融、土地、人才进出及居住等方面制定了很多优惠政策，如，广州国际生物岛推出的“千人计划”，搭建“中英”科技桥等国际平台等对于全球领军人物、国家“千人计划”中的人才以及省、市资助的高科技人才均提供丰厚的资助。这些政策确实有效地吸引了新生代华侨华人来粤创业。在广州科学城内，许嘉森博士意气风发，自己的创业梦已经实现，他的“益善生物”公司用他自己的话来说已经是“做大了”，正在往“强”发展。同样落户广州萝岗区的“冠昊生物”已是A股的上市公司，做得“大”且“强”。这只是五家获评“重点华侨华人创业团队”其中的两家。在广东，大批华侨华人高端人才携带项目回来投资创业，创办企业3000多家。^[3]

三是，发挥社团作用，号召华侨华人访问和投资。“测评结果显示，“一带一路”沿线国家国别合作度指数平均得分为43.55分。将64个参评国家按照得分高低划分为四种类型，其中，深度合作型（80-100分）国家有2个，快速推进型（60-80分）国家有13个，逐步拓展型（40-60分）国家有17个，有待加强型（40分以下）国家有32个。其中，俄罗斯、哈萨克斯坦、泰国、巴基斯坦、印度尼西亚位列前五名。从国别所属区域来看，东北亚、东南亚国家与我国“一带一路”合作最为紧密，西亚北非和中东欧的合作度有待加强。俄罗斯、蒙古和大多数东南亚国家都属于‘深度合作型’和‘快速推进型’。”^[4]广东是名副其实的第一侨务大省：中国现有海外华侨华人约6000万，其中祖籍广东的有4000余万，遍布五大洲160多个国家和地区。这些侨务资源中，不乏高新科技的新生代华侨华人。所以，广东省侨办副主任林琳认为，“在注重老侨的同时，广东重点关注‘三新’‘四有’人士，‘三新’即华裔新生代、新华侨华人、侨团新力量。‘四有’指政治上有影响、社会上有地位、经济上有实力、专业上有造诣。”众所周知，华侨华人数量虽不少，有成就的新生代华侨华人也是如雨后春笋般的越来越多，但是如果没有一个规模大、组织完备的社团，这些成就突出的精英人士也就不能被团结凝聚起来，只有团结起来，形成一定规模，才能产生影响力。以社团作为出发点，向周边网络扩散，拓宽移民社会网的辐射面，构建更大型的新生代华侨华人社团，使其为广大的华侨华人提供支持和协助之效。例如，广东籍的新侨领或是社团领袖积极参与华社事务，

在促进社团和谐发展,推动中外友好交流等方面均做出了积极贡献。特别是在经济合作上,如世界华商500强广东(广州)圆桌会,24名世界著名华商领袖应邀参会,省委书记胡春华、国侨办主任裘援平、省长朱小丹亲自会见华商,此举增进了重点华商与广东省的联系,也激发了他们来粤投资发展的热情。海外联谊会是由统战部门开展海外统战工作的重要载体,是联系新生代华侨华人的有效平台。美国广东联谊会于2001年成立,自成立以来充分发挥社团自身的优势,搭建平台,扩大广东乡亲联谊会的影响力和凝聚力。在海外联谊会中,我们也应该积极发挥海外社团的作用,通过社团的力量来延续联络侨资。比如:海外社团通过开展春节团拜会、民俗表演、清明集体回乡祭祖、中秋座谈会、侨胞婚宴及侨属生日等聚会来凝心聚力。

四是,利用文化教育,构建文化认同。中华文化是华人华侨的根基与根本,它是海外华人华侨的一种精神指引,是紧紧凝聚华人华侨的精神力量。毋庸置疑,华侨华人也是中华文化的重要传播者。中华文化历史悠久,内涵丰富,在博引儒释道等思想的同时进行创新,孕育出不同风格的思想流派。华侨华人对于文化的传播,会有自己不同的理解和诠释,因为他们的新成就,所以也赋予了文化新的品格,那就是开拓、开放、包容、自信、创新。发挥文化教育的作用,最重要的一个环节就是争取华侨华人的文化认同。大部分华侨华人新生代对侨的概念较淡漠,对中国的了解和感情与老华侨华人相比差距甚远。他们基

本上属于“西化”了的一代,亦有人称之为“徘徊于白人与华人两个社会夹缝中的新一代”。而华文教育是增进文化认同的有效方式。随着中国综合实力和国际地位的提升,中华文化对广大新生代华侨华人的凝聚力和吸引力大大增强。因为要想回祖籍国创业,首要的就要过语言关,因此,华文教育可以说是新生代华侨华人生存发展的有效竞争力。同时,语言的政治性也告诉我们,操同一种语言方言的人才能将其其他的身份排除开来,建构一种身份的认同性。为此,加大华文教育中的人力、物力、财力的投入是很有必要的。比如,通过编写高质量的华文教材,培养高素质的华文教育师资,建立华文教育信息网络来支持海外华文教育产业的发展。另外,教育实践也是很有必要的。比如,通过提供培训平台或者留学平台,将新生代华侨华人及其子女吸引来中国留学或参加培训,借助华文教育,涵养新生代华侨华人及其后代的传统文化性,保持他们的中华民族性,维系和加深他们与祖籍国的血脉亲情联系。此外,还应通过各种经贸、体育、文教、艺术活动来吸引新生代精英人士。

总之,海外华人华侨是“一带一路”建设中不可或缺的重要影响力量,合理地利用人文交流,对于华人华侨的经济发展,乃至整个中国的经济都会有促进作用。加强华侨华人的研究,特别是中俄人文经济合作与交流,对于推动中国与俄罗斯的经济往来,推动边境合作,形塑中国的和平崛起形象,获取有利的国际发展环境有着重要的全局战略性意义。

参考文献

1. 王尔德、危昱萍.首份“一带一路”大数据报告: 俄罗斯国际合作度最高, 广东参与度第一 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epaper.21jingji.com/html/2016-10/31/content_49463.htm (дата обращения: 25.03.2017).
2. 刘升旭、龚玉霞.“一带一路”战略及其对中华文明的光大[J], 金融经济. – 2015. № 12.
3. 卢锋.“一带一路”开放战略 [J/OL]. 中国经济观察CEO第41次报告会.上海. – 2013. № 22.
4. 郑兴、杨子岩.涵养资源 国力助侨——第一侨务大省的“转型”[N], 人民日报(海外版). – 2012. – № 30.

УДК 330:327(470+571)(510)
ББКУ5(2Рос)(5Кит)

Сунь Янь,

Хэйлунцзянский институт иностранных языков,
г. Харбин, Китай

Роль стратегии «Один пояс – один путь» в экономическом и социокультурном сотрудничестве КНР и России

В статье анализируется китайская стратегия «Один пояс – один путь» как комплексный геостратегический план экономического развития, включающий в себя многочисленные проекты сотрудничества в области инфраструктуры, промышленности, культуры, торговли и сферы услуг, который позволит обеспечить стабильную и безопасную среду для развития межгосударственных отношений.

Совместная реализация Китаем и Россией стратегии «Один пояс – один путь» будет способствовать улучшению инвестиционного климата и эффективности межгосударственного сотрудничества укрепит связи между национальными экономиками и будет способствовать развитию образования и культуры.

Ключевые слова: «Один пояс – один путь», экономические и социокультурные отношения, приграничный район, культура, воспитание, туристская индустрия, инициатива, стратегия

Sun Yan,

Heilongjiang Institute of Foreign Languages,
Heilongjiang, China

The Role of “One Belt – One Road” Strategy in Economic and Socio-Cultural Cooperation OF CHINA AND RUSSIA

The article analyses the Chinese strategy of “One belt – one road” as a comprehensive geostrategic economic development plan, included numerous cooperation projects in infrastructure, industry, culture, trade and services, which will ensure stable and safe environment for the development of intergovernmental relations.

Joint implementation of the “One belt – one road” strategy will help to improve investment climate, the effectiveness of interstate cooperation will strengthen ties between national economies and contribute to the development of education and culture.

Keywords: “One belt – one road”, economic and socio-cultural relations, border region, culture, education, tourism industry, initiative, strategy

Постоянно трансформирующаяся мировая внешнеполитическая ситуация приводит к бурному развитию отношений России и Китая, расширению сфер сотрудничества, реализации новых концепций, проектов, в частности, проект Китая по созданию Экономического пояса Шёлкового пути, изменению вектора связей с общественностью [7].

В настоящий момент публикуется много исследований и прогнозов относительно впечатляющих объёмов грузопотоков, которые пойдут с Востока на Запад по создаваемой транспортной инфраструктуре Шёлкового пути. Размах стратегической инициативы, с которой китайская сторона продвигает его на всех уровнях до 2018 года, впечатляет. Китай планирует импортировать товары из стран Азии и Европы на 8 трлн долл. США и инвестировать до 450 млрд долл. США в эти регионы. Объём Фонда Шёлкового пути составляет около 40 млрд долл. США. Такие финансы на свои стратегические проекты сегодня выделить не может ни одна страна, кроме Китая [8].

Сегодня уже трудно назвать эту инициативу, которая была заявлена ещё в 2013 году Президентом Си Цзиньпином как Шёлковый экономический путь или Морской шёлковый путь XXI века, проектом. Позже эти две инициативы объединены в один лозунг «Один пояс – один путь». Они призваны соединить Азию, Европу и Африку для развития региональной экономики, инфраструктуры и торговли между странами. Пройдут два маршрута – морской и сухопут-

ный – с многочисленными ответвлениями из Китая в Европу, Африку и Юго-Восточную Азию.

«Один пояс – один путь» в качестве экономической, социокультурной и геополитической стратегии Китая определяет дальнейшие пути развития Китая и России в рамках инициативы Экономического пояса Шёлкового пути. Данная стратегия способствует экономическому развитию стран, находящихся вдоль Великого Шёлкового пути и экономическому сотрудничеству в регионе, содействует обмену и контактам между разными цивилизациями, культурами, благоприятствует мирному развитию и углублению китайско-российского сотрудничества, способствует бурно развивающимся отношениям между Китаем и Россией, создаёт ещё больше движущих сил для углубления сотрудничества между странами [1].

Так, 14–15 мая 2017 года в Пекине состоялся форум Шёлкового пути. В форуме участвовали лидеры более 20 государств, в том числе глава России Владимир Путин. В марте 2017 года делегация КНР прилетела в Казань на обсуждение проекта Нового Шёлкового пути. Тогда же состоялся диалог ведущих российских и китайских партий, в ходе которого обсуждались вопросы двустороннего сотрудничества [3].

Стратегия даёт возможность странам вдоль Шёлкового пути скорректировать свою экономическую политику в сторону более масштабного, высокоуровневого и глубокого регионального сотрудничества, совместно сформировать структуру открытого, толерантного, сба-

лансированного и выгодного регионального приграничного экономического сотрудничества.

Приграничными с Россией является Северо-Восточный регион КНР (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, восточная часть автономного района Внутренняя Монголия). Непосредственно приграничные города с Россией – Манчжурия, Хэйхэ, Суйфэньхэ и Хуньчунь. Со стороны Российской Федерации пограничными являются Приморский край (г. Владивосток), Амурская область (г. Благовещенск), Хабаровский край (г. Хабаровск), Еврейская АО (г. Биробиджан) и Забайкальский край (г. Чита).

В подписанной в 2009 году программе предусмотрено совместное развитие приграничных регионов Восточной Сибири, Дальнего Востока России и северо-восточных регионов Китая. В частности, в 2015 году в КНР была принята региональная стратегия «О создании сухопутного экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Морского Шёлкового пути», в которой подчёркивалась роль приграничного сотрудничества [2].

Однако сотрудничество в экономике между странами не может быть без учёта культурных, этнических, национальных особенностей народов, которые вовлечены в экономическое поле взаимоотношения. А также необходимо учитывать лингвистический аспект, понятного языка, который является основой любого бизнес-плана и влечёт взаимное духовные обогащение, являющееся естественным результатом совместной деятельности. Можно с уверенностью говорить, что помимо железных дорог и мостов возникает и реальный «мост» социокультурного взаимодействия и сотрудничества на протяжении всего пути [4].

Немаловажным является сотрудничество в области туристской индустрии между наши-

ми странами. Представляет интерес туристский маршрут «Великий Шёлковый путь». В него войдут около 19 городов из разных стран мира, расположенных вдоль древнего торгового пути. Так, 15 июня 2014 года города подписали соглашение о разработке совместного туристского маршрута «Великий Шёлковый путь». Соглашение было подписано в ходе 4-го международного туристского фестиваля, который начался в китайском городе Чжанье, расположенном в северо-западной провинции Ганьсу. Маршрут «Великий шёлковый путь» пройдёт через китайские провинции Шэньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай, Внутренняя Монголия, Синьцзян и Тайвань, а также Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Украину, Саудовскую Аравию, Бахрейн, Кипр, Малайзию и Непал.

Туристский проект «Великий Шёлковый путь» позволит наладить более тесные и дружественные отношения между Китаем и странами, расположенными вдоль древнего торгового пути, связывавшего Китай и Европу во II веке до н. э. [4].

В целом стратегическая инициатива «Один пояс – один путь» ориентирован на долгосрочную перспективу – его реализация может потребовать более 30 лет. Он способен охватить множество стран. Всё сказанное выше говорит о масштабности стратегии и перспектив, которые он открывает перед Россией и Китаем. Реализация стратегии «Один пояс – один путь» – это не только инициатива Китая, но и общее стремление Китая и других стран, расположенных на этом пути, к взаимному сотрудничеству и интеграции в социокультурной и экономической сфере. Это путь взаимоуважения и взаимодоверия, путь сотрудничества и общей выгоды, путь межцивилизационного и культурного развития.

Источники и литература

1. **Александрович Л. С.** Экономический пояс Шёлкового пути: риски и возможности для России // Международная торговля и торговая политика. – 2015. – № 4. – С. 18–29.
2. **Болаев А. В.** Китайская концепция развития «Один пояс – один путь»: Возможности и перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Россию // Вестник Российской академии наук. Экономика. – 2016. – С. 81–86.
3. **Манукян Ж.** Посол России в КНР сообщил о возможном визите Путина в Пекин в середине мая. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ria.ru/politics/20170209/1487496012.html> (дата обращения: 13.04.2017).
4. **Трофимчук Г.** Один пояс – Сто культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2017/0315/c95181-9190586.html> (дата обращения: 06.03.2017).
5. **Федеральное агентство по туризму** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russiatourism.ru/news/12502/> (дата обращения: 06.03.2017).
6. **Хунцзе Ч.** «Экономический пояс Шёлкового пути и Морской Шёлковый путь XXI века» с точки зрения экспертов КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oaji.net/articles/2015/245-1439538260.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).
7. **Шаймергенов Т.** Экономический пояс Шёлкового пути: Большой проект – большие вопросы // Индекс безопасности. – Т. 21, № 3. – С. 121–126.
8. **Godement F.** “One belt – one road”: China’s great leap outward // European Council on Foreign Relations and Asia Centre. – 2015. – P. 1–18.

УДК 330:327(470+571)(510)
ББК У5(2Рос)(5Кит)

Светлана Николаевна Грибова,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Приграничные российско-китайские экономические отношения: современные направления сотрудничества

Исследование российско-китайских торговых связей в формате сотрудничества приграничных субъектов РФ, тесноты их экономических связей с сопредельной стороной. Рассмотрено инвестиционное сотрудничество в аспекте крупных российско-китайских проектов, которые дают стимулирующий импульс перспективе экономического партнёрства.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, приграничное сотрудничество, торговля, инвестиции

Svetlana N. Gribova,
Chita Institute of Baikal national university,
Chita, Russia

The Border of Russian-Chinese Economic Relations: Modern Trends of Cooperation

The study of Russian-Chinese trade relations in the format of cooperation of border subjects of the Russian Federation, the closeness of their economic ties with the neighboring party. Discussed investment cooperation in the aspect of major Russian-Chinese projects, which give a stimulus term economic partnership.

Keywords: Russian-Chinese relations, border cooperation, trade, investment

Согласно концепции внешней политики, Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нём государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, как использование возможностей АТР при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока [2]. Одним из динамично развивающихся стран АТР является Китайская Народная Республика, граница с которой составляет более 4300 км. Создание пояса добрососедства и партнёрства делает актуальным исследование приграничных российско-китайских экономических отношений.

Методологическая основа исследования. Анализ внешнеторговых отношений российских приграничных регионов с китайскими партнёрами за период 2000–2016 годов проводился с использованием данных таможенной статистики. Исходными данными при формировании таможенной статистики внешней торговли являются сведения, содержащиеся в декларациях на товары и статистических формах учёта перемещения товаров. В таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации учитываются все товары, которые до-

бавляются к запасам материальных ресурсов страны или вычитаются из них в результате их ввоза в пределы или их вывоза за пределы территории Российской Федерации. Учёт импортируемых товаров производится по ценам СИФ – российский порт или СИП – пункт назначения на границе Российской Федерации. Учёт экспортируемых товаров производится по ценам ФОБ – российский порт для водного транспорта, ФСА – пункт вывоза на границе Российской Федерации, а в случае перемещения товаров железнодорожным или трубопроводным транспортом ДАП – граница Российской Федерации. Пересчёт стоимости товара в доллары США производится по курсу Центрального банка Российской Федерации на дату регистрации таможенной декларации или на дату отгрузки товаров. В таможенной статистике внешней торговли странами-партнёрами считаются: при импорте – страна происхождения товара, при экспорте – страна назначения товара.

Торгово-экономическое сотрудничество. Российские торгово-экономические отношения с КНР в 1992–1994 годах в значительной мере определялись приграничным обменом, деятельностью мелких компаний, челно-

ков. Размеры торговли до 1997 года сводились, по существу, к приграничным отношениям. Начиная с 2000 года наблюдается растущий тренд двусторонней российско-китайской торговли, которая достигла своего наибольшего значения к 2014 году в размере 95,3 млрд долл. Торговля российских приграничных регионов – Амурской области, Еврейской автономная области, Приморского, Хабаровского и Забайкальского края устойчива на уровне 9–10 млрд долл. и не показывает тенденций своего роста. Начиная с 2014 года российско-китайский общий товарооборот снижается. Это объясняется в целом сокращением объёмов внешней торговли Китая. Спад происходил в торговых связях Китая практически со всеми крупными торговыми партнёрами. Торговлю же с Россией это снижение коснулось в меньшей степени. Тем не менее, снижение мировых цен на нефть цветные металлы в значительной мере поглощало увеличение физических объёмов поставок. Например, ввоз Китаем российской нефти в первом полугодии 2016 года увеличился в физическом объёме на 35,4 % (26,3 млн т), а стоимостные показатели сократились на 11,8 % (7,55 млрд долл.). Физические объёмы импорта никеля возросли на 159 %, а в стоимостном выражении они увеличились только на 66,6 % (1,42 млрд долл.). Поставки деловой древесины стали больше на 20,8 % (9,8 млн м³), а в стоимостном выражении – на 14,3 % (1,42 млрд долл.) [7].

Соотношение экспортных и импортных операций во внешнеторговом обороте приграничных регионов с китайской стороной показывает положительное торговое сальдо до 2006 года. Дальнейшее сотрудничество шло нарастающей экспортной составляющей. В этот период основной продукцией вывоза становится древесина, её доля в 2005 году составила 48 %, в 2008 году уже 64 %. Второе место занимают металлы и изделия из них (преимущественно лом чёрных и цветных металлов) – 35 % экспорта в 2005 году и 20 % в 2008 году. Введение таможенной пошлины на необработанные лесоматериалы в 2012 году заметно изменило структуру вывозимых товаров из восточных приграничных регионов [3]. Экспорт древесины сократился до 26 %, а к 2016 году составил только 22 %. Резко возросли темпы роста вывоза товарной позиции руды и концентраты, позволившие определить удельный вес этой группы в 15 %.

Стабильная величина вывоза, на наш взгляд, свидетельствует об исчерпании экспортного потенциала при существующей концепции приграничного сотрудничества с китай-

скими партнёрами и, очевидно, необходима иная модель экономического сотрудничества.

Другая картина наблюдается в импорте приграничных регионов. Резкий рост несколько упал в период мирового финансового кризиса 2008–2009 годов, а с 2012 года снижался до настоящего времени. Основными причинами сокращения импорта явилось снижение потребительского спроса россиян и рост курса юаня к рублю, который удорожает импорт, теряет его финансовую привлекательность. Очевидно, этим объясняется и сокращение числа торговых участников ВЭД. За прошлый (2016 г.) в Амурской области оно сократилось на 5,4 %, Приморском крае – на 5,7 %, Хабаровском – на 2,5 %. Снижение импорта, которое демонстрирует таможенная статистика, несколько корректируется ростом интернет-торговли с КНР (в 2016 г. её объём составил примерно 3,5 трлн долл.) и наличием «челночной» торговли. Последняя дополнилась потоками китайских граждан на территорию российского приграничья за продуктами питания, бытовой техникой, ковровыми изделиями и пр. В последние годы изменилась структура ввоза. Первоначально доминировали продовольственные товары, одежда, обувь, строительные материалы, в 2016 году это уже преимущественно продукция машиностроительной отрасли.

Теснота торгово-экономических связей восточных приграничных регионов с КНР разная. Для Амурской области, Еврейской АО, Забайкальского края Китай, по существу, единственный постоянный партнёр, занимающий 80–95 % внешнеторгового оборота. Иная картина в Приморском и Хабаровском краях, где товарооборот с Китаем не превышает 50 %. Партнёрами для Приморского края являются Республика Корея – 17 % внешней торговли, Япония – 10,5 % (2016 г.). Для Хабаровского края также – Республика Корея (17,0 %), Япония (5,6 %) и Соединённое Королевство (5,3 %). По объёмам торговли первая группа приграничных субъектов значительно превышает вторую группу (см. рис. 1, 2).

Главные статьи экспорта в 2016 году в **Хабаровском крае**: лесоматериалы необработанные – 37,2 %; вертолёты, самолёты, космические аппараты и ракеты – 31,1 %; лесоматериалы обработанные, – 9,9 % от стоимости экспорта. В **Приморском крае**: рыба мороженая – 41,6 %; нефть и нефтепродукты – 18,4 %; лесоматериалы необработанные – 13 %. В **Амурской области**: электроэнергия – 49,5 %; соя – 24,7 %; руды и концентраты железные – 7,4 %. В **Еврейской АО**: соя – 58,3 %; лесоматериалы – 28,1 %. В **Забайкальском**

крае: древесина – 40,7 %, руды и концентраты железные – 36,2 %.

Товарная структура импорта из Китая за 2016 год для **Амурской области**: бульдозеры, экскаваторы – 10,8 %; шины – 4,8 %; прокат стали – 4,5 % от стоимости импорта. Для **Еврейской АО**: прокат стали – 32,6 %; тракторы – 7,2 %; машины сельскохозяйственные – 6,1 %. Для **Приморского края**: машины подъёмные – 3,6 %; части и оборудование автомобилей – 3 %; шины – 2,7 %. Для **Хабаровского края**: буксиры и суда-толкачи – 5,7 %; обувь – 4,8 %; холодильники, морозильники и пр. – 3,8 %. Для **Забайкальского края**: продовольственные товары – 49 %, машиностроительная продукция – 35,5 %.

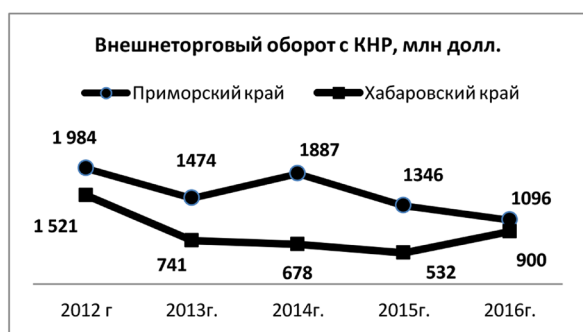

Рис. 1. Внешнеторговый оборот с КНР (Приморский и Хабаровский края)

Инвестиционное сотрудничество. Кризисные процессы не обошли приграничные регионы стороной, и их экономика оказалась уязвимой. Лишь инвестиции позволяют говорить о том, что всё-таки намечаются перспективы развития, и об этом же свидетельствует постепенный запуск масштабных проектов, способных в будущем изменить экономический профиль регионов. Основным инвестором выступает КНР. У нас нет денег и рабочих рук, в Китае есть и то, и другое. Этот интерес лежит в основе инвестиционного сотрудничества. По опыту китайских инвестиций за рубежом они не создают совместных проектов, а заинтересованы в том, чтобы все необходимые составляющие – оборудование, рабочую силу поставлять из своей страны. Кроме того, китайские инвесторы не заинтересованы в глубокой переработке ресурсов, то, на чём часто настаивают наши региональные власти. Они стремятся обеспечить изготовление конечной продукции с глубокой переработкой на своей территории для обеспечения занятости своего населения. Трудности на пути привлечения инвестиций – дорогая аренда помещений, дороговизна затрат за подключение к коммуникациям, дорогие кредиты, отсутствие квалифи-

цированных рабочих кадров. Тем не менее, в 2016 году реализуется ряд крупных проектов с участием КНР.

Таковым является строительство автомобильного моста через Амур, соединяющего Россию и Китай. Это вантовый мост с двухполосной автомобильной дорогой через реку Амур, длиной 1,2 км, который позволит соединить российский Благовещенск с китайским Хэйхэ. 24 февраля Россия официально приступила к его строительству в районе села Каникурган (Амурская область). Планируется, что мост будет построен за три года. Готовность автомобильного моста через реку Амур составляет сегодня примерно 50 % (забито много свай, насыпаны подъездные пути). Мост важен, прежде всего, для приграничного сотрудничества и развития туризма, и по этой причине собственниками оператора стали именно регионы – Амурская область и соседняя китайская провинция Хэйлуцзян. И именно Россия планирует вложить в этот проект существенно больше средств – 14 млрд р., тогда как Китай потратит эквивалент 5,2 млрд р. Впрочем, хотя мост важен для приграничного сотрудничества, он одновременно означает и важный прорыв для развития транспортных связей между Россией и Китаем в целом [5].

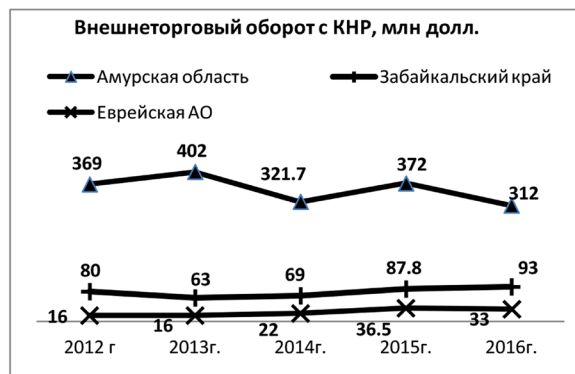

Рис. 2. Внешнеторговый оборот с КНР (Амурская обл., Еврейская АО, Забайкальский край)

Китайские инвесторы возводят НПЗ в Амурской области. Реализация инвестиционного проекта идёт на площадке будущей территории опережающего развития «Приамурская». Строительство завода ведёт китайская компания «Мэн Лань СинХэ» совместно с российским ООО «Амурская энергетическая компания». На данный момент идёт проектирование завода, все документацию обещают подготовить к ноябрю текущего года, над ней работают 2 китайских и 3 российских проектных института. Полностью выйти на проектную мощность предприятие должно к 2023 году. В год завод будет выпускать 5,5 млн т продук-

ции. Предприятие будет перерабатывать нефть из якутских и иркутских месторождений.

Другой мощный проект, реализуемый в Амурской области, – газоперерабатывающий и газохимический комплекс в городе Свободный, которым планируют заниматься «Газпром» и СИБУР. Этот проект привязан, как известно, к продолжающемуся строительству газопровода «Сила Сибири», который пройдёт на Дальнем Востоке по территории Якутии и Амурской области – с последующим выходом в Китай. Однако каких-либо крупных изменений в 2016 году в этой связи не произошло [5].

Крупнейший на Дальнем Востоке инвестиционный проект «Создание лесопромышленного комплекса ООО ЦПК «Полярная» в северо-восточных районах Забайкальского края. Это предприятие со 100 % китайскими инвестициями. Выпускаемая продукция – небелёная целлюлоза – 400 тыс. т. Проект является приоритетным как на региональном, так и на федеральном уровнях. Реализация инвестиционного проекта включает в себя три этапа: строительство целлюлозного завода, деревообрабатывающего предприятия и лесопильного завода. Общий объём инвестиций составит более 28 млрд р. Планируется создание 1500 рабочих мест. В планах инвестора построить очистные сооружения не только для предприятий, но и для нужд посёлка Амазар.

Проект по освоению Нойон-Тологойского полиметаллического месторождения Забайкальского края реализуется китайской горной компанией «Баоцинъ» – учредителем ООО «Байкалруд». На реализацию привлечено иностранных инвестиций в общем объёме 260 млн р. Проект со 100 % китайскими инвестициями. Официальный запуск в тестовом режиме совершён в июне 2016 года. Проект предусматривает добычу и переработку 500 тыс. т в год. Другой проект Забайкальского края – разработка Берёзовского место-

рождения железных руд. Инвестором проекта по освоению Берёзовского месторождения выступает ООО «Горнопромышленная компания “Лунэн”» китайской корпорации «Си Ян». Объём инвестиций ООО «ГПК Лунэн» в освоение Берёзовского месторождения составил 750 млн р., из них на территории России – 660 млн р. К настоящему времени проект носит вялотекущий характер.

Доля предприятий с китайскими инвестициями в объёме всех компаний с иностранным капиталом в Хабаровском крае превышает 45 %. По итогам 2014 года на территории региона действовало более 300 предприятий с инвестициями из КНР [6]. Их основные сферы деятельности – это торговля и общественное питание, строительство, транспорт и логистика, лесопереработка и геологоразведочные работы. Как правило, это предприятия малого и среднего бизнеса.

На территории Еврейской АО зарегистрировано более 150 предприятий с китайскими инвестициями. Среди них наибольший удельный вес занимают предприятия сельскохозяйственного производства, предприятия по заготовке и переработке древесины, строительные организации, предприятия по добыче полезных ископаемых, производству строительных материалов, пластиковых изделий, мебели и других товаров. Наиболее перспективный инвестиционный проект, реализуемый совместными усилиями области с китайскими партнёрами, представляет интегрированный промышленно-транспортный комплекс, включающий в себя строительство Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината, реконструкцию железнодорожной линии «Биробиджан – Ленинское» [1].

Инвестиционное сотрудничество, на наш взгляд не столько дополняет приграничные торговые связи, сколько стимулирует их развитие, меняет концепцию сотрудничества.

Источники и литература

1. **Еврейская автономная область и Китай.** Интервью с губернатором Александром Винниковым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruchina.org/china-article/china/35.html> (дата обращения: 05.04.2017).
2. **Концепция внешней политики Российской Федерации** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения: 20.03.2017).
3. **Постановление Правительства РФ от 30.07.2012 г. № 779** «О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов хвойных пород, вывозимых за пределы территории РФ и территории государств – участников соглашений о Таможенном союзе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/20206.html> (дата обращения: 21.03.2017).
4. **Статистика внешней торговли** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvtu.customs.ru> (дата обращения: 20.03.2017).
5. **Туровский Р.** Приамурье в 2016-м: старые проблемы и новые ожидания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/priamure-v-2016-m-starye-problemy-i-novye-ozhidaniya/> (дата обращения: 21.03.2017).

6. **Хабаровский край делает ставку на китайские инвестиции в ТОР – губернатор Шпор** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru.investinrussia.com/news/5527-khabarovskii-krai-sdelaet-stavku-na-kitaiskie> (дата обращения: 20.03.2017).

7. **Цыплаков С.** Российско-китайская торговля в 2016 году: пляска показателей на фоне стагнации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/530848> (дата обращения: 20.03.2017).

УДК 664(470+571)(510)
ББК У305.73(2Рос)(5Кит)

Наталья Петровна Шишкина,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Перспективы развития пищевой промышленности в контексте китайско-российского сотрудничества

Статья посвящена оценке перспектив выхода предприятий пищевой промышленности Забайкальского края на рынок Китая. Проводится анализ ситуации, сложившейся в отрасли, изучены основные проблемы её развития. Отмечается, что главной проблемой, ограничивающей развитие пищевой промышленности, является нехватка основного сырья для производства, недостаточный уровень инвестиций в отрасль, низкий уровень заработной платы.

Ключевые слова: пищевая промышленность, перспективы развития, инвестиции, объём производства, рынок сбыта

Natalya P. Shishkina,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

Prospects of the Development of the Food Industry in the Context of the Chinese-Russian Cooperation

The article is devoted to an assessment of the prospects for the food industry enterprises of the Trans-Baikal Territory to enter the Chinese market. The analysis of the situation in the industry is conducted, the main problems of its development are studied. The article points out that the main problem limiting the development of the food industry is the shortage of basic raw materials for production, insufficient level of investment in the industry, low wages.

Keywords: food industry, development prospects, investments, production volume, sales market

Забайкальский край занимает особое геополитическое положение на карте России. По его территории проходит один из самых протяжённых участков российско-китайской границы. Приграничное сотрудничество России и Китая имеет важное значение для развития экономики нашего края.

Российский экспорт в Китай в январе–мае 2016 года в основном составили традиционные товары: минеральные продукты (нефтепродукты), древесина, продукция химической промышленности, сельскохозяйственное сырьё [1]. В последние годы наряду с этими това-

рами всё большую популярность получают продукты питания российского производства, которые ранее не экспортировались в Китай. Связано это было со сложившимся за многие века менталитетом и вкусовыми предпочтениями китайцев, но немаловажную роль играл достаточно высокий уровень цен на российские продукты. В кризисный для нашей экономики 2014 и последующие годы ситуация заметно поменялась. Произошло резкое снижение курса рубля по отношению к иностранным валютам, в том числе к юаню и последовавшее за ним изменение предпочтений жителей

Китая, особенно приграничных территорий, которые имеют теперь возможность попробовать российские продукты и оценить их. Это относится к продукции мясной, молочной, кондитерской промышленности. Среди китайцев растёт спрос на деликатесы и нетрадиционные для Китая продукты, в том числе икру, сыры, колбасы, мёд, джемы, орехи, крупы, масла, детское питание.

Не стоит забывать, что население Китая – самое большое в мире, причём его численность постоянно увеличивается. С неизменным увеличением размера ВВП Китая повышается уровень жизни населения, уровень доходов. Всё это способствует росту спроса на продукты питания, в том числе и импортные. В настоящее время продукты являются одним из самых перспективных видов экспорта в Китай.

Таким образом, стратегическая цель, стоящая перед пищевой и перерабатывающей промышленностью, состоит не только в обеспечении гарантированного и устойчивого снабжения местного населения безопасным и качественным продовольствием, но и в выходе на китайский рынок. Гарантией её достижения является стабильность внутренних источников продовольственных и сырьевых ресурсов, а также наличие необходимых резервных фондов.

В настоящее время производство пищевых продуктов на территории Забайкальского края включает 7 направлений: производство мяса и мясопродуктов, переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов, производство молочных продуктов, производство продуктов мукомольно-крупяной промышленности, производство напитков, производство прочих пищевых продуктов, производство готовых кормов для животных. Многие из них могут быть источниками экспорта продукции в Китай.

На начало 2016 года в пищевой промышленности работали 215 юридически самостоятельных предприятия, 109 малых предприятий. Кроме того, переработкой сельскохозяйственного сырья занимаются малые производства (цехи) колхозов, совхозов, потребкооперации и других организаций.

Следует отметить, что продукция местных предприятий пищевой промышленности как

крупных, так и средних, малых и индивидуальных предпринимателей отличается высокими качественными характеристиками. Об этом говорит тот факт, что продукция ряда организаций отмечена наградами различных межрегиональных выставок и конкурсов. По итогам конкурса «100 лучших товаров России» лауреатами и дипломантами становились товары следующих организаций:

- ИП Аниськина – колбаса варёная «Докторская»;
- ИП Резникова Н. А. – колбаса «Московская» варёно-копченая;
- ИП Семенова О. Г. – пельмени «Семеновские»;
- ООО «Мясокомбинат Агинский» – консервы мясные «Баранина тушёная»;
- ООО «Кенон» – хлеб «Гречишный», пшеничный; хлеб «Зерновой» с добавлением просеянных зёрен ржи;
- ООО «Трио» – хлеб пшеничный из муки высшего сорта формовой «Ромашка»;
- ООО «Хлебокомбинат» – хлеб пшеничный из муки первого сорта с добавлением пшеничных отрубей;
- ООО «Радуга» – торт «Иммунитет»;
- ИП Чимитдоржиева Ш. А. – рулеты бисквитные.

Всё это также должно способствовать выходу наших предприятий-производителей на зарубежные рынки.

Тем не менее, ситуация в отрасли остаётся очень сложной. За период с 2013 года физический объём производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака в целом по всем видам продукции ежегодно снижался. Темп роста в 2015 году составил только 98,9 % к 2014 году.

Данные об объёмах производства продукции пищевой промышленности в 2015 году показывают отрицательную динамику по таким важнейшим видам продукции, как мясо и субпродукты, мясные полуфабрикаты, хлеб и хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, воды минеральные и газированные неподслащённые и неароматизированные. По остальным видам продукции наблюдался некоторый рост объёмов (см. табл. 1) [2, с. 173].

Таблица 1

Производство основных видов продукции пищевой промышленности Забайкальского края

<i>Виды продукции</i>	2012	2013	2014	2015
Мясо и субпродукты пищевые убойных животных, т	1066,2	1495,2	2897,3	2063,0
Изделия колбасные, т	11 563,9	12 688,5	13 229,8	14 989,6

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

Полуфабрикаты мясные (мясосодержащие) охлаждённые, подмороженные и замороженные, т	2281,5	2226,2	2171,0	1666,6
Изделия мясные (мясосодержащие) кулинарные – всего, т	193,6	57,1	9,0	...
Рыба и продукты рыбные переработанные и консервированные, т	2817,0	1860,5	1517,1	1575,1
Цельномолочная продукция (в пересчёте на молоко), т	11 466,6	12 240,4	12 025,3	12 412,5
Масло сливочное и пасты масляные, т	34,9	36,1	32,1	45,4
Сыр и творог, т	854,9	1006,7	1007,0	1142,7
Мука из зерновых культур, овощных и других растительных культур; смеси из них, т	18 564,2	5746,4	12 453,8	17815,0
Комбикорма, т	6094,8	4834,1	...	1210,0
Хлеб и хлебобулочные изделия, т	41 845,9	37 928,3	33 336,5	30 974,0
Кондитерские изделия, т	3721,8	4173,0	3611,0	3109,9
Воды минеральные и газированные неподслащённые и неароматизированные, тыс. полулитров	55 451,7	54 591,0	49 183,4	28 877,9
Напитки безалкогольные – всего, тыс. дкл	1141,8	1086,2	1088,2	1548,0

Если же сравнивать показатели 2015 и докризисного 2012 годов, то можно отметить рост производства мяса и субпродуктов на 93,5 %, колбасных изделий – на 29,6 %, цельномолочной продукции – на 8,2 %, масла сливочного – на 30,1%, сыра и творога – на 33,8%. По другим видам продукции наблюдался спад производства, однако, положительные изменения всё-же происходили.

Доля пищевой промышленности в общем объеме продукции обрабатывающих производств возросла с 16,7 % в 2013 году до 22,9 % в 2015 году. Это говорит о ещё большем спаде объемов производства в других отраслях. Сложившаяся ситуация, конечно, является результатом кризиса 2014 года и последовавших изменений. Снижение уровня реальных доходов населения не позволило пищевой промышленности восстановить и нарастить объёмы производства. Тем более важным в этой ситуации представляется возможность выхода на рынок Китая.

Возможно, главной проблемой, ограничивающей развитие пищевой промышленности, является нехватка основного сырья для производства. Отрасли пищевой промышленности являются более материалоемкими, чем многие другие обрабатывающие производства. В пищевой промышленности доля затрат на сырьё в себестоимости продукции доходит до 70 %. В условиях, когда крупнейшие предприятия молочной, мясной, хлебопекарной промышленности используют в основном сырьё местного производства, его наличие и стабильность поставок являются жизненно важ-

ными факторами развития. Однако, изучая состояние сельского хозяйства за период 2014–2015 годов, можно видеть по всем основным видам сельскохозяйственной продукции заметное снижение объёмов.

Ситуация усложняется тем, что в 2015 году только 9,2 % продукции сельского хозяйства было произведено сельскохозяйственными организациями, 7,6 % – крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и 83,2 % – личными хозяйствами населения. При этом организованный закуп сельхозпродукции у населения крупными перерабатывающими предприятиями края практически не осуществляется, а это могло бы решить проблемы с обеспечением сырьём для многих предприятий, особенно в отдалённых районах. Многие предприятия обеспечивают своё производство сырьём из других регионов страны: мука, зерно поставляются из Алтайского края, и импортным сырьём: мясо, свинина поставляется из КНР.

Таким образом, имеющегося сырья недостаточно для обеспечения нормального развития пищевой промышленности края, это является одной из сложнейших проблем, которые стоят перед предприятиями отрасли и не позволяют ей развиваться в должной мере, отвечая потребностям местного и зарубежного рынков. С одной стороны, нехватка местного сырья, с другой – недостаток средств у предприятий для полноценной закупки сырья за рубежом ограничивают возможности предприятий по выпуску продукции. Это отражается на уровне использования производственных мощностей основных производств (см. табл. 2) [2, с. 174].

Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции (без субъектов малого предпринимательства; в %)

<i>Виды продукции</i>	2012	2013	2014	2015
Мясо и субпродукты пищевые убойных животных	6,3	4,3	15,4	14,8
Изделия колбасные	49,4	46,0	60,5	75,5
Цельномолочная продукция (в пересчёте на молоко)	18,7	25,2	37,1	33,9
Мука из зерновых культур, овощных и других растительных культур; смеси из них	11,8	4,8	26,4	66,0
Комбикорма и добавки белково-витаминные	8,4	5,3	0,7	0,6
Хлеб и хлебобулочные изделия	36,6	30,6	26,9	24,2
Кондитерские изделия	52,7	48,9	46,6	51,7
Макаронные изделия	4,7	5,5	11,1	15,1

Можно отметить, что по итогам 2015 года загруженность имеющихся производственных мощностей заметно выросла по большинству важнейших видов продукции и превысила 50 % в производстве колбасных изделий, муки и зерновых культур, кондитерских изделий. Однако по всем видам продукции имеются резервы использования производственных мощностей, которые могут быть задействованы при наличии сырья, квалифицированного персонала и рынка сбыта продукции, в том числе за рубеж.

Ситуация усложняется недостаточным объёмом инвестиций в отрасль. Их объём в 2015 году составил 147 586 тыс. р., или 15,4 % от объёма инвестиций в обрабатывающие производства и только 0,2 % от общего объёма инвестиций в экономику Забайкальского края [2, с. 76]. Как и любое современное производство, отрасль нуждается в модернизации оборудования, приобретении и внедрении в производство автоматизированных поточных линий. В сложившихся условиях это позволило бы не только насытить местный рынок недостающей продукцией, но и экспортировать её

на рынок КНР, но при таком малом объёме инвестиций резкого роста объёмов выпуска ждать не приходится.

Ещё одной проблемой развития отрасли является низкая заработная плата работников. В 2015 году она составила 18 117,4 р. при среднем уровне по экономике Забайкальского края 30 930,8 р., причём такое отставание наблюдается ежегодно за весь период 2007–2015 годов [2, с. 282]. Сложившееся положение не способствует закреплению квалифицированных профессиональных работников на предприятиях края, однако, предприятия обеспечены основным необходимым персоналом со среднеспециальным образованием.

Таким образом, перспективы развития пищевой промышленности Забайкальского края имеются, причём они не ограничиваются только удовлетворением потребностей местного населения. В будущем, при достаточных темпах роста объёма инвестиций в отрасль, а следовательно и объёма производства, возможен выход наших предприятий на обширный и постоянно растущий рынок Китая.

Источники и литература

1. **Абдуллаев Т.** Россия – Китай – Монголия: перспективы трёхстороннего сотрудничества [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. – 2016. – 5 авг. – Режим доступа: <http://www.tpprf.ru/ru/news/rossiya-kitay-mongoliya-perspektivy-trehstoronnego-sotrudnichestva-i147360> (дата обращения: 12.04.2017).
2. **Забайкальский край – 2015:** стат. сб. / Забайкалкрайстат. – Чита, 2016. – 307 с.

УДК 622(470+571)(510)
ББК У305.12(2Рос)(5Кит)

Ирина Михайловна Кичигина,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Проблемы и перспективы сотрудничества Китая и России в области добычи полезных ископаемых

Вследствие негативных факторов, таких, как девальвация рубля и спад российской экономики, которые наблюдаются в последние три года, приграничные территории испытывают серьёзные проблемы развития. Особенно остро вопрос развития стоит в привлечении инвестиций в капиталоемкие производства, в том числе добычу полезных ископаемых. Анализ материалов, посвящённых данной проблематике, показывает, что перспективы их дальнейшего развития весьма благоприятны как для Китая, так и для России.

Ключевые слова: Китай, приграничные КПП, трансграничное сотрудничество, государственные преференции, добыча полезных ископаемых

Irina M. Kichigina,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

Problems and Prospects of Cooperation of China and Russia in the Field of Mineral Resources

Due to negative factors, such as the ruble devaluation and the decline of the Russian economy, which have been observed in the past three years, the border areas are experiencing serious development problems. The development issue is especially acute in attracting investments in capital-intensive production, including mining. An analysis of the materials devoted to this problem shows that the prospects for their further development are very favorable both for China and for Russia.

Keywords: China, border crossing points, cross-border cooperation, state preferences, mining

Приграничное сотрудничество является важнейшей особенностью современных международных связей регионов, так как непосредственно на границе пересекаются многие ключевые проблемы развития сопредельных государств. Приграничное сотрудничество способствует решению отдельных вопросов межгосударственных отношений, включая те, по которым затруднительно или по каким-либо причинам представляется невозможным прийти к консенсусу на более высоком уровне. Кроме того, приграничное сотрудничество призвано укреплять исторически сложившиеся связи [2].

Юридической базой межрегионального взаимодействия между двумя странами служит Соглашение между Правительствами РФ и КНР «О руководящих принципах деятельности российско-китайского комитета дружбы, мира и развития» [3], подписанное в Пекине 10 ноября 1997 года. Данный комитет был создан «в целях расширения и укрепления общественной базы российско-китайских отношений равноправного доверительного пар-

тнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Его основная цель заключается в позитивном содействии взаимопониманию между народами России и Китая, углублению их традиционной дружбы и упрочении добрососедства с тем, чтобы содействовать долгосрочному и эффективному сотрудничеству в различных областях между двумя крупнейшими соседними государствами» [3]. Деятельность комитета оказалась достаточно эффективной, о чем свидетельствует дальнейшее развитие благоприятных отношений между двумя странами.

К сожалению, сегодня структура двухсторонних торгово-экономических отношений в области российского экспорта, имеющего сырьевую направленность, значительно отстаёт в качестве от предлагаемого соседом товаропотока. Главные статьи нашего экспорта – это необработанные ресурсы: сырая нефть, мороженая рыба, лесоматериалы низкой переработки.

Инвестиционное сотрудничество между приграничными регионами наших стран также

развито недостаточно. Стратегический интерес инвесторов, среди которых немало госкорпораций и акционерных обществ с государственным участием, вызывают такие секторы экономики, как лесозаготовка и добыча руд цветных металлов, торговля и операции с недвижимым имуществом. По данным Росстата, на протяжении последних 15 лет территория Дальнего Востока и Сибири получила не более 0,6 % от общего объёма стратегических инвестиций.

«В этой связи одним из основных механизмов развития межрегионального сотрудничества с КНР, и прежде всего, в инвестиционной сфере, должна стать “Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)”, утверждённая Президентом Российской Федерации и Председателем Китайской Народной Республики».

Цель программы – координация усилий по реализации стратегий регионального развития России и Китая и действий по осуществлению Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» и «Программы по возрождению районов Северо-Востока Китая» [1].

В рамках реализации программы, в сфере развития приграничной инфраструктуры, в том числе и в области добывающей отрасли, предусмотрено 17 мероприятий. В том числе строительство и реконструкция 25 объектов, включающих пункты пропуска и обеспечивающую их инфраструктуру, на китайской стороне и 13 – на российской, от чего зависит качество грузопотока.

Развитие сотрудничества в транспортной сфере предусматривает 15 мероприятий в области железнодорожного, авиационного, морского и автомобильного транспорта.

В 2015 году Правительство России утвердило создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) и одобрило создание Свободного порта в Приморье. На сегодняшний день на Дальнем Востоке созданы 12 территорий опережающего социально-экономического развития: в Приморском крае (3), в Хабаровском крае (2), в Амурской области (2), в Сахалинской области (2), в Якутии (1), в Камчатском крае (1), в Чукотском автономном округе (1). Их формирование позволило привлечь 496 млрд р. инвестиций (7,78 млрд долл. США). На Дальнем Востоке планируется создание ещё трёх ТОР. Свободный порт Владивосток охватывает практи-

чески половину Приморского края. Политика в области управления и льготный порядок налогообложения для резидентов ТОР и Свободного порта Владивосток способствуют ведению инвестиционной и хозяйственной деятельности китайских предприятий в России, позволяет снизить риски и повысить рентабельность. Можно констатировать, что опыт создания и развития ТОР в России, в отличие от ранее декларируемых СЭЗ, более удачен с точки зрения реализации. Это обеспечивается учётом ошибок и просчётов в экономической составляющей проектов, а также внимательным изучением нормативного сопровождения с учётом международного опыта.

Усиливая промышленное сотрудничество с Россией, приграничным территориям Китая необходимо создавать трансграничные промышленные цепи в отраслях, имеющих свои собственные преимущества, среди которых:

- сравнительные преимущества;
- монопольные преимущества;
- конкурентные преимущества;
- потенциальные преимущества.

Необходимо формировать как можно более длинные производственные цепочки и относительно большое количество звеньев в цепочке товародвижения. Это возможно в следующих направлениях, обеспеченных современным уровнем развития китайской промышленности, которая демонстрирует:

- 1) избыточные производственные мощности;
- 2) формирование приоритетных отраслей;
- 3) сохранение отраслей, производящих товары в недостаточном объёме.

Если ориентироваться на такой аспект развития приграничных территорий, как КПП, то, в частности, следует сосредоточиться на активизации трансграничного промышленного сотрудничества в отраслях капиталоемких. Именно это, по нашему мнению, поможет закрепить капитал на территории, не позволит быстро его изъять при смене экономической ситуации, а также обеспечить комплексное развитие территории.

Реализация многих инвестиционных проектов по добыче полезных ископаемых на территории Сибири и Дальнего Востока предполагается на значительном удалении от основных транспортных путей, энергетических и коммунальных сетей, что создаёт дополнительные проблемы для поиска инвесторов. В результате такие проекты затягиваются по срокам реализации, происходит их удорожание за счёт большого объёма имплицитных издержек, либо они вообще не реализуются вви-

ду низкой рентабельности проектов. В связи с этим для строительства и реконструкции дорогостоящих объектов энергетической, дорожной и другой инфраструктуры в отдалённых районах необходимо развивать механизмы государственно-частного партнёрства с участием федеральных, региональных органов власти и бизнеса. Об этом много говорят на различного уровня конференциях и круглых столах, но дальше деклараций сторон вопросы решаются очень редко. В основном, это связано с отсутствием своевременного финансирования со стороны государства.

Китай и Россия неплохо дополняют деятельность друг друга в сфере добычи полезных ископаемых, и именно различия в располагаемых ресурсах, технологиях и капитале способствуют развитию двустороннего сотрудничества между странами. Например, КПП Дуннин в качестве приоритета рассматривает развитие энергетического сотрудничества с Россией. В данный момент ведутся переговоры по более чем 50 проектам, получено право на разведку пяти объектов и добычу по двум объектам ископаемых ресурсов.

Стратегические проекты основаны на разработке запасов боратов в Приморском крае. Главными продуцентами борного сырья в мире являются Турция и США; на их долю в середине 90-х годов минувшего столетия приходилось более 90 % мировой добычи, составлявшей около 1,2 млн т B_2O_3 ежегодно (без России и стран СНГ). Оставшаяся часть приходилась на КНР, Аргентину, Перу и Чили. Заметное количество этого сырья добывается в России и Казахстане.

Разведанные запасы Приморья превышают 300 млн т, общая стоимость ресурсов – более 30 млрд долл. США. В данный момент ведутся переговоры по слиянию предприятия Дуннина и российского предприятия, износ оборудования которого превышает 65 %, а прежнее руководство допустило предбанкротное состояние предприятия. Также ведутся переговоры на получение права пользования недрами с целью разведки и добычи меди и сурьмы.

У китайско-российского сотрудничества в области освоения полезных ископаемых имеется большой потенциал и хорошие перспективы, однако в целом оно ещё находится на ранней стадии в таких сферах, как механизмы защиты двусторонних инвестиций, бизнес-среда в России, процессы проведения тендера, финансовые каналы и т. п., по-прежнему имеются некоторые сдерживающие факторы. Базовым фактором, по нашему мнению, остаётся бюрократизация процессов привлечения капитала и нежелание государства видеть в качестве инвестора госкорпорации Китая, обладающие достаточной инвестиционной мощностью. Основная мотивировка решений по отказу в привлечении инвестиций – возможность закрепления в ресурсопользовании иных государств, при том, что недра составляют национальное богатство России. Только при полном консенсусе по данному вопросу и формировании положительного климата мы сможем получить такие же объёмы инвестирования, которые сегодня демонстрируют Казахстан или Узбекистан.

На данном этапе рекомендуется, используя инвестиционно-ориентированную политику России, создавать за пределами приграничных территорий базы по развитию и переработке ресурсов и осуществлять экспорт продукции после её начальной и глубокой обработки в данных регионах. Это возможно, поскольку каждый регион имеет достаточное количество реализованных внутренних проектов по добыче полезных ископаемых, которые, тем не менее, не являются прибыльными в силу отсутствия рынка сбыта внутри страны и инфраструктуры экспорта в близлежащие страны.

Между правительствами двух стран необходимо создать механизм координации сотрудничества в области полезных ископаемых, китайским инвесторам должны предоставляться инвестиционные и налоговые льготы, национальный режим в государственных тендерах, что, в конечном итоге, позволит улучшить деловую среду в России.

Источники и литература

1. **Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока с КНР – новости о межрегиональном сотрудничестве России и Китая** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.invest-rating.ru/russia-china-spheres-regions/?id=5028> (дата обращения: 30.03.2017).
2. **Приграничное сотрудничество России и Китая в XXI веке** [Электронный ресурс] // VII Студенческий научный форум – 2015. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1152/16049> (дата обращения: 12.12.2016).
3. **Соглашение о руководящих принципах деятельности российско-китайского комитета дружбы, мира и развития (Пекин, 10.11.1997 г.)** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/002/201051983242_663189 (дата обращения: 12.12.2016).

УДК 339.564(470+571)(510)
ББК У428.2(2Рос)(5Кит)

Светлана Александровна Кравцова,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Перспективы экспорта российского зерна в КНР

Рост численности населения в мире, увеличение объёмов его продовольственного и промышленного потребления, прежде всего, со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона, устойчивое падение первичного сельхозпроизводства в КНР, слабая национальная валюта способствуют расширению экспорта зерновых из сибирских регионов, в том числе Забайкальского края.

Ключевые слова: мировой рынок, сельское хозяйство, экспорт, зерно, пшеница, зерновой терминал

Svetlana A. Kravtsova,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

Prospects of Export of the Russian Grain to the People's Republic of China

Growth of population in the world, increase in volumes of his food and industrial consumption, first of all from the countries of the Pacific Rim, steady falling of primary agricultural production in the People's Republic of China, weak national currency promote expansion of export grain of the Siberian regions, including Zabaykalsky Krai.

Keywords: world market, agriculture, export, grain, wheat, grain terminal

Мировой баланс зерна показывает стабильный рост объёмов потребления зерна более быстрыми темпами, чем рост производства – примерно на 37 % против 34 % за последние годы. Основные факторы влияния на увеличение потребления зерна – рост численности населения в мире, увеличение объёмов его продовольственного и промышленного потребления, прежде всего, со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Африки. Кроме того наблюдается рост объёмов производства биотоплива из зерновых культур. В этих условиях Россия имеет все шансы укрепить свою роль одного из ведущих экспортёров зерна на мировом рынке.

По итогам прошлого года наша страна стала лидером по поставкам пшеницы на мировой рынок. За 2016 год общий объём экспорта пшеницы, которую Россия продала в другие страны, вырос на 19 % до 25,33 млн тонн. При этом удалось обогнать таких крупнейших мировых производителей, как США (24 млн т), Канаду и Австралию (по 20 млн т).

Согласно Госпрограмме развития сельского хозяйства в России на период 2013–2020 годов к 2020 году предстоит довести производство зерна до 115 млн т, создать интервенци-

онный фонд в размере 805 млн т и довести экспорт зерна до 25–30 млн т.

Успехов в отрасли удалось добиться благодаря росту производства и высокому объёму запасов, которые остались на конец предыдущего года. Факторами, способствующими росту экспорта зерна из России, являются слабеющая национальная валюта и падение фрахтовых ставок. Только в 2015 году рубль потерял 45 % своей стоимости, что сделало экспорт зерна из России более конкурентоспособным. Таким образом, российская пшеница поставлялась на мировые рынки заметно дешевле европейской, а потому выигрывала в конкурентной борьбе. Так, например, по данным Министерства сельского хозяйства РФ, цены на российские партии зерна составляли 166 долл. за тонну, в то время как цены на французское и аргентинское зерно составляли 189 и 215 долл. за тонну соответственно [1].

В связи с чем в феврале 2015 года для стабилизации ситуации на внутреннем рынке и сокращения объёмов экспорта была введена экспортная пошлина на пшеницу в размере 50 % от таможенной стоимости минус 6,5 тыс. р. за тонну, но не менее 10 р. за тонну. При цене пшеницы менее 500 долл. за тонну

отечественные сельхозпроизводители платили фиксированную ставку в размере 10 р. за тонну. Но даже такая ставка не устраивала наших аграриев. Из-за неопределённости и риска повышения курса доллара трейдеры заключали не долгосрочные форвардные контракты сроком на шесть месяцев и более, а краткосрочные на 1,5–2 месяца. В результате экспорт зерна в начале нового 2016/17 сельскохозяйственного сезона (длится с июля по июнь) осуществлялся достаточно медленными темпами.

В октябре 2016 года экспортная пошлина на пшеницу была отменена сроком на 2 года [3]. Обнуление пошлин позволит увеличить приток валюты, необходимой как государству, так и производителю, увеличится поступление налоговых платежей, экспортёры смогут заключать долгосрочные контракты.

Основными импортёрами российской пшеницы на протяжении ряда лет остаются Египет, Турция и ОАЭ. С 15 марта 2017 года Турция прекратила выдавать лицензии российским экспортёрам на беспошлинный ввоз пшеницы, кукурузы и подсолнечного масла. Это означает, что России придётся уплачивать пошлину в размере 130 %, что фактически останавливает экспорт данной продукции в Турцию [2]. Остановка экспорта пшеницы и кукурузы в Турцию означает для России потерю второго по величине импортёра и необходимость переориентации поставок зерновых на другие страны, одной из которых в ближайшей перспективе может стать КНР.

Китай – один из крупнейших потребителей зерновых культур в мире, в том числе такой культуры, как пшеница. По заявлению Министерства сельского хозяйства КНР планируется увеличение импорта зерна с 600 млн т в 2014 году до 700 млн т к 2020 году. Разрыв в 100 млн т между внутренним спросом и предложением как раз и будет восполняться за счёт импорта, а не наращивания мощностей своего сельского хозяйства. Тем не менее, Китай придерживается принципа самообеспечения своего населения продуктами питания, в первую очередь, пшеницей и рисом. Импортёрство будет, в основном, фуражное зерно. Импортное зерно необходимо Китаю, прежде всего, для корма скоту, поскольку в стране растёт потребление мяса. Помимо этого, выпас животных сокращает площадь пахотных земель в КНР, что также ведёт к дефициту зерна. Страна закупает его в Канаде и США – порядка 2 млн т в год.

Эксперты связывают смену приоритетов сельскохозяйственной политики КНР с современной ситуацией с природными ресурсами

страны и состоянием экологии. Рост сельскохозяйственного производства за последние годы был достигнут ценой значительного ущерба природной среде из-за широкомасштабного, порой избыточного использования химических удобрений и пестицидов. В сельском хозяйстве КНР сокращается площадь пахотных земель, не хватает рабочей силы – работают по большей части пожилые люди и женщины. Средний возраст крестьян – 55 лет, сельская молодёжь мигрирует в города. В некоторых районах туда уезжает 70–80 % молодых людей.

Как известно, в 1997 году Министерство сельского хозяйства КНР ввело запрет на импорт зерна из России и ряда других стран в связи с обнаружением индийской и карликовой головины в поставленных партиях. Эти заболевания не являются паразитическими, но они делают зерно непригодным для использования в хозяйственных целях.

Переговоры об открытии китайского рынка для российского зерна велись с 2006 года, и только в 2015 году в рамках XX встречи глав правительств России и Китая был подписан протокол об условиях поставки российской пшеницы на китайский рынок.

Подписанные протоколы «О фитосанитарных требованиях к пшенице, экспортируемой из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику» и «О фитосанитарных требованиях к кукурузе, рису, сое, рапсу, экспортируемым из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику» дали возможность начать поставки в Китай из России зерна пшеницы, сои, рапса, риса, кукурузы. Китай разрешил экспорт российского зерна только из сибирских и восточных регионов: пшеница сможет поставляться из Алтайского и Красноярского краёв, Новосибирской и Омской областей. Кукуруза, соя, рапс и рис – из Хабаровского края, Приморья, Забайкальского края, Амурской области и Еврейской автономной области.

При этом стоит учесть, что китайская сторона уделяет особое внимание вопросам фитосанитарной безопасности ввозимой продукции. Организации, планирующие экспорт зерна в КНР, обязаны до посева произвести фитосанитарную экспертизу семян пшеницы, затем до начала уборки урожая провести фитосанитарное обследование посевов; перед отправкой провести фитосанитарное обследование зерноскладов и зернохранилищ и проверить возможность обеспечения раздельного хранения пшеницы, предназначенной для отправки в КНР (это является обязательным требовани-

ем китайской стороны по хранению пшеницы). И только после проведения окончательной фитосанитарной экспертизы конкретных партий пшеницы, подготовленных для отправки в КНР, Управлением Россельхознадзора выдаётся фитосанитарный сертификат, который подтверждает соответствие зерна пшеницы фитосанитарным требованиям КНР.

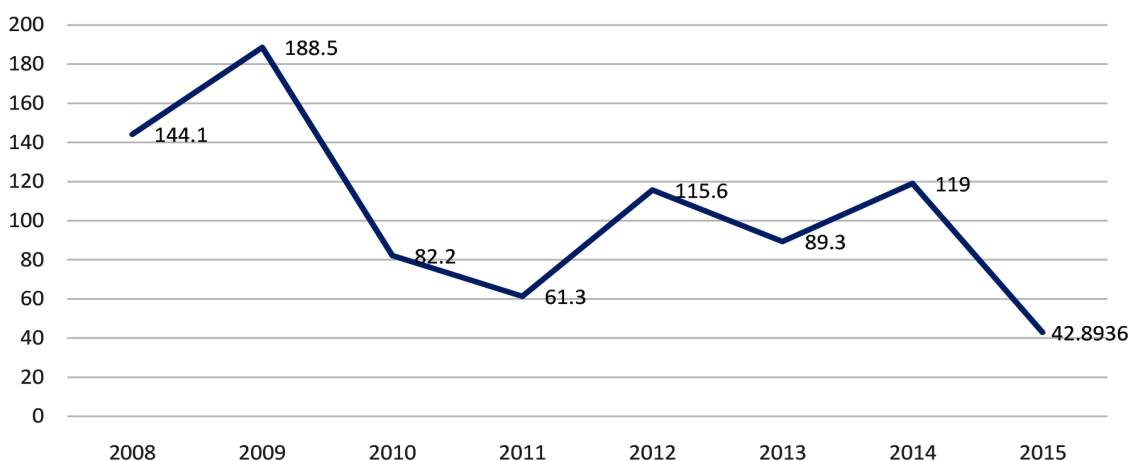
В связи с перечисленными требованиями, которые предъявлены к российским производителям зерна для экспорта в Китай, возможно появление определённых сложностей, связанных с получением необходимой сертификации, оформлением товара, условиями хранения и транспортировки, что впоследствии повлияет на стоимость поставляемого товара. Но если крупные предприятия могут справиться с поставленными условиями в силу своего масштаба и опыта поставок, то мелкие предприятия могут столкнуться с определёнными трудностями по выполнению требований, поскольку стоимость всех этапов, начиная от проверки семян и заканчивая доставкой до покупателя, слишком велика.

Решением этой проблемы может стать проект по созданию «Забайкальского зернового терминала», являющегося одним из этапов «Сухопутного зернового коридора Россия –

КНР». Данный проект открывает возможность поставки зерна в Китай наиболее быстро и менее затратно для производителей Сибирского федерального округа, благодаря географическому положению, которое позволяет сократить расстояние от производителя до потребителя. Терминал, в свою очередь, скупая зерно у его производителей, возьмёт на себя проведение большинства лабораторных исследований, займётся фитосанитарным контролем и экспертным заключением, транспортировкой и таможенным оформлением.

В 2014 году лидером среди регионов Сибирского федерального округа по росту урожая стал Забайкальский край. По данным за 2014 год, валовой сбор пшеницы составил 119 тыс. т, что значительно превысило показатель предыдущего года (2013 – 89,3 тыс. т). Данные отражены на рисунке и в таблице.

Можно сделать вывод, что, если КНР снимет ограничения для поставки не только сои и рапса из Забайкальского края, но и пшеницы, и, подтвердив качество зерна, выращиваемого в Нерчинско-Заводском и Чернышевском районах, Забайкальский край сможет стать одним из экспортёров зерна в Китай, имея при этом значительные конкурентные преимущества по сравнению с другими субъектами СФО.

Валовой сбор пшеницы в Забайкальском крае, тыс. т

Урожайность и посевные площади пшеницы в Забайкальском крае, 2008–2015 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Урожайность, ц/га	14,1	17,9	13,2	9,5	15,6	13,0	15,8	12,1
Посевные площади, тыс. га	109,7	115,4	89,9	87,5	74,7	73,2	76,2	76,3

Источники и литература

1. **Российский рынок зерна: удачный 2015-й, перспективный 2016-й** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsenovik.ru/news/Novosti-APK/Korma/Rossiyskiy-rynok-zerna-udachnyy-2015y-perspektivnyy-2016y/?sphrase_id=773045 (дата обращения: 06.04.2017).

2. Что ещё может попасть под запрет Турции? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.провод.рф/economics/fea/41575-что-еще-может-попасть-под-запрет-турции.html> (дата обращения: 07.04.2017).

3. Экспортная пошлина на пшеницу будет обнулена на ближайшие два года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/08/30/655045-eksport-na-ya-poshina> (дата обращения: 07.04.2017).

УДК 332(571.55)
ББК У04(2Рос-4Чит)

Любовь Владимировна Гернего,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Особенности развития Забайкальского региона

Данная статья посвящена особенностям развития Забайкальского региона. Автор предлагает ретроспективный анализ причин их формирования. В работе также говорится о современном состоянии экономики, демографии и человеческого капитала Забайкалья и актуализируется его инвестиционная привлекательность.

Ключевые слова: регион, экономическая активность и занятость населения, демографическая ситуация, депопуляция населения, гендерная диспропорция, безработица, безопасность, стратегия развития, региональная политика, инвестиционная привлекательность

Lyubov V. Gernego,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Features of Development of the Zabaikalsky Region

This article is devoted to features of development of the Baikal region. The author offers a retrospective analysis of the causes of their formation. The paper also refers to the current state of the economy, demography and human capital of Transbaikalia and AK-toiletires its investment attractiveness.

Keywords: region, economic activity and employment, the demographic situation, depopulation, gender disparity, unemployment, security, development strategy, regional policy, investment attractiveness

Латинское слово “region” – регион обозначает область, местность, определённую территорию. Понятие «регион» может пониматься, во-первых, в узком смысле – как административно-территориальное образование, а во-вторых, в широком значении – как территория, отличающаяся рядом признаков и обладающая целостностью и взаимосвязанностью элементов [2].

В связи с тем, что этим понятием оперируют многие социально-гуманитарные науки, они отдают приоритет разным регионообразующим факторам и трактуют понятие по-своему. Всё это говорит о сложности и полисемантической данного понятия и явления.

Многие особенности современного Забайкальского региона обусловлены природными

условиями и культурно-историческим наследием: огромной территорией, расположенной на периферии Евразии, холодным климатом, низкой плотностью населения, многоэтничностью и многоконфессиональностью, большими расстояниями между расположением природных ресурсов, населения и производства.

История освоения региона начинается с XVII века. «В освоении Забайкалья участвовало два потока переселенцев: государственный и народный. К первой группе относились служилые люди: казаки, стрельцы, промышленники, “дети боярские” и др. Ко второй – беглые и безземельные крестьяне и преступники. Однако главную роль в присоединении Сибири и Забайкалья к России сыграли служилые люди – казаки. Будучи представителями государства

на новых землях, они выступали организаторами и руководителями военных походов и разведывательных экспедиций, устроителей зимовий и острогов, рудоискателей и сборщиков ясака, доставляли товары и хлеб, сопровождали дипломатов» [6]. Закрепляясь на новых землях, казаки возводили оборонительные сооружения – остроги. К концу XVII века сложилась целая система острогов: Верхне-Ангарский (1646), Баргузинский (1648), Иргенский, Нерчинский (1653), Телембинский (1658), Средненский (1704) и др.

На территории Забайкалья с 1655 по 1658 год создаётся Нерчинское воеводство, одно из двадцати, учреждённых в Сибири и подчинявшихся Сибирскому приказу в Москве. Его возглавил воевода, присланный из Москвы. В управлении русским населением воеводская администрация опиралась на выборные крестьянские и посадские власти – целовальников, старост, сотских и десятских. Остроги и деревни, приписанные к ним, управлялись приказчиками, которых назначал воевода из служилых людей.

Местное население – буряты, тунгусы и кочевые монголы – по мере укрепления позиций русских в Забайкалье вынуждено было признать власть России и стать данниками русской казны. Чтобы смягчить этот процесс, власти искали мирные пути взаимодействия с коренными народами – зачисление их на службу, производство в высшие служебные чины, обращение в христианскую веру и др. Идеологической опорой русского государства на заселяемых территориях стало православие. Бедные буряты, чтобы избавиться от податей, соглашались на добровольное крещение, остальных крестили с помощью обмана, подкупа или насилия. Подлинными христианами аборигены, естественно, не стали, но христианизация привела к более близким контактам между народами, облегчила переход местных жителей к оседлому образу жизни, к диалогу культур. С другой стороны, русские также попали под влияние «эколого-языческих» норм коренных народов, стали признавать духов бурят и эвенков, посещать шаманов, отдавать почести их святым местам.

Согласно императорским указам 1749 и 1799 годов, население региона расселилось на забайкальских просторах с учётом интересов каждого народа. Эвенки заняли таёжные пространства, славянское население – долины рек, пригодные для земледелия. Хори-бурятам были предоставлены для освоения обширные степные и лесостепные земли.

К 1762 году русское население Забайкалья по сравнению с 1710 годом выросло в

5 раз (с 3946 до 20 401 чел. мужского пола). К XIX веку русские становятся в Забайкалье преобладающей нацией. По первой российской переписи 1897 года они составили $\frac{3}{4}$ жителей Забайкалья. Под знаком доминирования русских шло его дальнейшее заселение: в 1939 году их доля равнялась 82 %, в 1959 – 86 %, в последующих переписях до 88–89 % общей численности населения.

Второй по численности народ Забайкалья – буряты с населением 66 тыс. человек. Несмотря на то, что русский язык преобладал в Забайкалье среди других языков, особенности территории проживания позволяли коренным народам свободно владеть своими родными языками. Большие пространства региона и кочевой образ жизни позволяли им иметь своеобразные автономии среди стационарных групп русского населения. Немалую роль играла государственная политика религиозной и языковой терпимости, обеспечивающая сохранение специфических особенностей жизни и языка. К 1989 году буряты увеличили численность населения в два раза. Но мало кто полностью перешёл на русский язык. Верность бурятскому языку сохранили 86,6 % населения [1]. За долгие годы совместной жизни в Забайкалье между народами установились отношения дружбы и уважения к чужой культуре (при сохранении приоритетов национальных культур).

История заселения и освоения края, его религиозный и национальный состав, межэтнические отношения определили особенности культуры забайкальского региона. По мнению Н. С. Зиминной, региональная культура только тогда становится важным фактором развития региона, когда его жители идентифицируют себя с данным регионом, его историей, судьбой, культурными особенностями. Исследование уровня региональной самоидентификации жителей Читинской области, проведённое в 2006 году, показало, что 61,7 % идентифицируют себя как «забайкальцы», 43,1 % – как «сибиряки» и 72,3 % – как россияне [8]. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что региональная идентификация является актуальной для жителей Забайкалья, а значит, может выступать ресурсом развития данного региона.

Региональная идентичность возникает на основе региональных ценностей. Необходимость проживания в суровых природных условиях выработала в Забайкалье особенности труда, быта, ценности, отношения к природе и другим народам. Так как труд забайкальского охотника или земледельца был особенно тяжёл – это выработало уважение к нему и опре-

делило аскетизм и неприхотливость в обыденной жизни. Близость к природе и длительное проживание рядом с коренными народами – эвенками и бурятами – сформировало традиции бережного отношения к природе и уважения чужих святынь. Большие территории и их слабая заселённость определили ценность семьи и каждой человеческой личности, независимо от социального положения. Сначала это привело к складыванию схожей картины мира, а затем помогло установить на длительное время мирное сосуществование разных культур [5].

Резкое ускорение колонизации Забайкалья наступило со строительством Транссибирской железной дороги, которая на участке Тюмень – Чита была построена в 1891–1900 годах. Реформа Столыпина вызвала большой миграционный поток в Сибирь из европейской части России. Население Сибири, составившее в начале XIX века всего около 1 млн чел., к 1916 году достигло 11 млн чел. Вторая волна колонизации прошла в ходе социалистической индустриализации. Во время Великой Отечественной войны в Сибири и Забайкалье разместились эвакуированные оборонные заводы. С 1960 года начался новый этап развития Сибири, связанный с освоением гидроресурсов региона.

Другая группа проблем Забайкалья связана с последствиями организации хозяйства в советский период – существованием предприятий-монополистов, узкой (сырьевой) специализацией региона, большими расстояниями между производителями и потребителями, дефицитом рабочих мест, исчезновением малых городов и др. Сильное воздействие на регион оказывали: экстенсивная эксплуатация природных ресурсов, милитаризация экономики, остаточный принцип финансирования восточных регионов. Размещение производительных сил России в начале XX века отличалось большой неравномерностью: «так, по плотности населения на европейской части страны, занимающей всего 25 % от всей территории, в 1999 году проживало 78 % всего трудоспособного населения, тогда как в азиатской части страны (75 %) сосредоточено было лишь 22 % населения» [3].

С 1990-х годов начинается трансформация экономической и политической систем России. Наибольшее влияние на регион оказали пять процессов: формирование нового геополитического и экономического пространства после распада СССР, переход от административной к плановой экономике, открытие экономики для внешнего рынка, экономический кризис, изменение отношений между «центром» и «регионом» [3].

Сегодня Забайкалье занимает особое геополитическое положение. Этот регион, граничащий с двумя странами – Китаем и Монголией, стратегически важен для России. Его площадь составляет 431,5 тыс. м² (2,5 % территории всей страны).

Край богат лесными ресурсами. Их фонд составляет 32,6 млн га. Однако потенциал лесного фонда почти не используется, т. к. 90 % древесины реализуется в необработанном виде. Вторым богатством края являются минерально-сырьевые ресурсы. В его недрах залегают 90 % общероссийских запасов урана, 42 % плавикового шпата, 36 % циркония, 30 % молибдена, 25 % меди, 23 % титана, 13 % серебра, 9 % золота и других редких металлов [4]. Доля региона в совокупном российском ВРП составляет всего 0,4 %. ВРП в регионе упал со 109 % в 2000 году до 94,2 % в 2016 году.

Перспективы экономического развития региона связаны, во-первых, с горнодобывающей отраслью (однако все предприятия работают по устаревшим технологиям и имеют износ 60 %), во-вторых, с транспортной инфраструктурой, хотя плотность автомобильных и железных дорог в Забайкалье в 3,6 раз ниже, чем по стране. Таким образом, несмотря на большое количество природных ресурсов, экономика края развита слабо и имеет ряд проблем: сырьевой характер промышленности, дотационность, низкую инвестиционную привлекательность, удалённость от других областей России и др.

Важными индикаторами состояния экономики являются экономическая активность и занятость населения. Забайкалье отличается низким уровнем экономической активности и занятости. Так, в 2006 году численность экономически активного населения составляла 501 тыс. чел., а в 2016 году – 535,7 тыс. чел. Среднегодовая численность занятых в экономике края в 2000 году была 449,7 тыс. чел., а в 2015 – 477 тыс. чел. То есть уровень занятости населения в % в 2000 году составлял 52 %, в 2015 – 59,4 %. Количество безработных, зарегистрированных в службах занятости, было: в 2000 году – 10,2 тыс. чел., в 2015 – 12,1 тыс. чел. Уровень безработицы в % составлял: в 2000 году – 14,4 %, в 2015 – 10,4 % [7]. Очевидно, что по социально-экономическому развитию Забайкалье является одним из отстающих регионов России, перед которым стоят проблемы преодоления спада производства, сохранения рабочих мест, безработицы и др.

Социально-экономическое развитие региона связано с оплатой труда работников, т. к. уровень зарплаты формирует спрос на

рынке и влияет на экономический рост. Среднемесячная реальная зарплата в % к предыдущему году в крае уменьшилась от 118,2% – в 2000 году, до 90,1 % – в 2016 году. Реальные среднедушевые доходы населения в месяц в % уменьшились от 125,5 % в 2000 году до 96,2 % – в 2016 году. В Забайкалье зарплату от 5 до 10 тыс. р. имеют 35,3 %, от 10 до 19 тыс. р. – 36,4 %, от 19 до 45 тыс. р. – 24,1 % и свыше 45 тыс. р. – 4,2 % населения [7].

Все вышеперечисленные проблемы оказывают влияние на демографию края. Демографическая ситуация в Забайкалье отличается уменьшением численности населения из-за естественной убыли и миграции. По состоянию на 10.05.2016 года численность постоянного населения Забайкальского края составила 1083,0 тыс. чел. По сравнению с 2010 годом оно уменьшилось на 26 тыс. чел., по сравнению с 2001 годом – на 95 тыс. чел. Долгие годы сокращение населения Забайкалья определялось превышением смертности над рождаемостью. Сегодня главной причиной этого явления становится миграция трудового населения в соседние регионы. Если в 2005 году Забайкалье покинуло 3289 чел., в 2011 – уже 9280 чел., то в 2016 – 7207 чел. По прогнозам, население Забайкалья может уменьшиться к 2025 году до 1044 тыс. чел., а к 2030 – до 1016 тыс. чел. Мы видим, что в демографических процессах Забайкалья наблюдается явная депопуляция населения, вызванная отрицательным сальдо миграции. А это, в свою очередь, ведёт к уменьшению плотности населения, (которая и так невелика – 2,5 чел. на м²), снижению перспектив дальнейшего освоения края и созданию угроз для национальной безопасности как региона, так и всей страны.

В Забайкалье нарастает тенденция гендерной диспропорции (превышения численности женщин над мужчинами) из-за высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте. Так, в 2011 году продолжительность жизни

у мужчин в Забайкалье составила 50,9 лет, а у женщин – 72,1 год. В 2012 году среди причин смерти жителей края на 1-м месте находились – болезни кровообращения (46,9 %), на 2-м месте – смертность от внешних причин – (18 %), на 3-м месте – онкология (12,5 %). В структуре смертности от внешних причин на 1-м месте – самоубийства (27 %), на 2-м – убийства (15 %), на 3-м – алкоголизм (9,5 %), на 4-м – смерть от ДТП (8,5 %).

Анализ человеческого потенциала свидетельствует, что этот элемент является одним из слабых позиций региона. Все показатели указывают на его крайне низкий уровень. Без укрепления и развития человеческого капитала не может быть создана база для экономического роста и обеспечена безопасность данного региона.

Современное развитие экономики Забайкалья определяется конкурентоспособностью продукции, производимой в регионе, которая находится в прямой зависимости от инновационной и инвестиционной деятельности в Забайкалье. Инвестиционная привлекательность Забайкалья состоит в наличии больших запасов минерально-сырьевых ресурсов и удобном географическом положении для экономического сотрудничества со странами АТР (прежде всего – с Китаем).

Исходя из вышесказанного, главной целью стратегии развития Забайкальского края должно стать повышение уровня жизни населения на основе динамичного развития экономики и социальной сферы за счёт эффективного освоения природных ресурсов и использования выгодного географического и геополитического положения. При этом можно выделить три основных стратегических вектора: 1) формирование эффективной экономики за счёт изменения подходов к внутрирегиональному развитию; 2) привлечение инвестиций; 3) интенсификации международных связей.

Источники и литература

1. Булаев В. М. Этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – С. 60–76.
2. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 16.
3. Гранберг А. Г. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. – М: Экономика, 2000. – С. 18–20.
4. Закон «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально- экономического развития на 2010–2014 годы» (принят Законодательным собранием Забайкальского края 25.11.2009 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.e-zab.ru/page/program> (дата обращения: 20.03.2017).
5. Зими́на Н. С. Социокультурное пространство региона. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 68–70.
6. Константи́нова Н. Н. Забайкалье в XVII–XVIII вв. // Энциклопедия Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 1. – С. 147–152.

7. **Статистический ежегодник Забайкальского края. Основные официальные статистические показатели** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chita.gks.ru> (дата обращения: 20.03.2017).

8. **Янков А. Г.** Региональная идентичность как ресурс региональной национальной политики // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. – 2007. – С. 174–181.

УДК 330.322(571.55)(510)
ББК У263.2(2Рос-4Чит)(5Кит)

Евгения Михайловна Попова,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Проблемы реализации инвестиционных проектов с участием китайского капитала на территории Забайкальского края

На современном этапе инвестиционное сотрудничество с Китаем по своим объёмам значительно уступает торговому сотрудничеству. В качестве одной из основных причин сложившейся ситуации можно выделить невысокий инвестиционный потенциал российских регионов. Для Забайкальского края как приграничного региона Китай выступает основным инвестиционным партнёром. За последние десять лет объём прямых китайских инвестиций, направляемых в экономику края, существенно вырос. Однако низкий инфраструктурный, финансовый и трудовой потенциалы усложняют и удорожают реализацию инвестиционных проектов.

Ключевые слова: инвестиционное сотрудничество, инвестиционный проект, инвестиционный потенциал, прямые инвестиции, Забайкальский край, Китай

Evgeniya M. Popova,
Chita Institute of Baikal national university,
Chita, Russia

The Problems of Impementation of the Chinese Direct Investment Projects in Zabaikalsky Region

At the current stage investment cooperation with China greatly falls behind trade cooperation. The basic root of low direct investment lies in not high investment climate of Russian regions. China is the main investment partner of Zabaikalsky region. In recent ten years Chinese direct investment in Zabaikalskyregion has increased remarkably. But low infrastructural, financial and labour potential enhances costs andproject implementation period.

Keywords: investment cooperation, investment project, investmentpotential, direct investment, Zabaikalsky region, China

Инвестиционное сотрудничество нередко рассматривается в качестве главного показателя глубины экономических связей двух стран. При этом, в первую очередь, учитываются объёмы прямых иностранных инвестиций. В научной литературе существует множество концепций, содержащих основные мотивы зарубежного прямого инвестирования. Одним из наиболее очевидных мотивов является территориальная близость между инвестирующей и принимающей стороной. Китай, будучи

сопредельным государством, осуществляет капиталовложения в российскую экономику. Однако здесь стоит сделать два важных замечания:

Во-первых, несмотря на то, что в последние два года объём накопленных китайских прямых инвестиций увеличился в 2,5 раза и на июль 2016 года составил 8,963 млрд долл., масштабы инвестиционного сотрудничества на фоне внешней торговли остаются достаточно скромными [1]. Например, по итогам

2015 года на 1 долл. прямых китайских инвестиций приходилось 349 долл. внешнеторгового оборота России и Китая. Для сравнения: в Казахстане на 1 долл. прямых китайских инвестиций приходилось 11 долл. внешнеторгового оборота Казахстана и Китая [2].

Во-вторых, инвестиционное сотрудничество России и Китая характеризуется серьёзным дисбалансом, а именно перекосом в сторону китайских прямых инвестиций. Так на 01.01.2016 года объём накопленных прямых китайских инвестиций в России оценивался в 8940 млн долл., а объём накопленных прямых российских инвестиций в Китае – в 946,9 млн долл. [3].

Традиционно китайские инвестиции поступают в субъекты четырёх федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Сибирский и Дальневосточный. Хотя в столичных округах концентрируется большая часть китайских инвестиций (значительный рынок сбыта, высокий уровень платёжеспособности населения, развитая финансовая и транспортная инфраструктура), Сибирский и Дальневосточный федеральные округа лидируют не только по количеству субъектов, выступающих реципиентами китайских прямых инвестиций, но и по интенсивности их наращивания.

В свою очередь, само распределение китайских инвестиций между данными регионами отличается высокой степенью неравномерности. Для определения степени дифференциации прямых китайских инвестиций в разрезе субъектов нами были рассчитаны коэффициенты вариации. Полученные значения свидетельствуют о том, что инвестиции между регионами распределены крайне неравномерно. Однако в 2013 году коэффициент вариации принял наименьшее значение 192,4 %, что в 2 раза меньше уровня 2004 года. Во многом это объясняется снижением степени концентрации прямых инвестиций в г. Москве и г. Санкт-Петербурге.

Данные об объёме накопленных инвестиций, предоставленные Банком России, выступают дополнительным подтверждением сохранения высокой степени их концентрации. Если на начало 2015 года около 60 % накопленных китайских инвестиций приходилось на г. Москву и Московскую область, то на начало 2016 года их удельный вес вырос до 77,15 % [3].

Изучение динамики китайских прямых инвестиций в разрезе регионов на основе данных Росстата (представлялись последний раз лишь в 2013 г.), показало, что за 2004–2013 годы приток китайских прямых инвестиций в Забайкальский край каждый год в среднем увеличивался на 73 %, или на

8600,5 тыс. долл. По абсолютному показателю прироста инвестиций Забайкальский край опередил другие субъекты. Интенсивный прирост инвестиций, наблюдавшийся на протяжении 2004–2013 годов, способствовал увеличению удельного веса края в общем объёме привлечённых китайских инвестиций с 0,68 % в 2004 году до 30,73 % в 2013 году.

Забайкальский край, занимая приграничное положение, активно развивает международное сотрудничество с Китаем. В рамках инвестиционного сотрудничества Китай традиционно остаётся главным партнёром. На территории края реализуется ряд крупных инвестиционных проектов с участием китайского капитала, наиболее значимыми как с точки зрения объёмов прямых инвестиций, так и социально-экономического эффекта признаются следующие проекты: «Создание лесопромышленного комплекса ООО «ЦПК «Полярная» в северо-восточных районах Забайкальского края» (2009–2018 г.) и «Освоение Нойон-Тологойского полиметаллического месторождения» (2005–2030 г.) (управляющая компания ООО «Байкалруд»). За последние два года объём инвестиций, приходящийся на эти проекты, составил около 49 % от совокупного объёма иностранных инвестиций, поступивших в экономику края. Общая стоимость данных проектов составляет свыше 36 млрд р. Фактический объём инвестиций по проекту по созданию лесопромышленного комплекса составил 23,6 млрд р., или 84,3 % от запланированного объёма; по проекту по освоению Нойон-Тологойского месторождения – 5,8 млрд р., или 67,4 % от запланированного объёма.

В каждом отдельном регионе формируется своя институциональная среда и совокупность социально-экономических условий, которые задают рамки для протекающих инвестиционных процессов. Именно ключевые аспекты институциональной среды и социально-экономические условия лежат в основе оценки инвестиционной привлекательности (инвестиционного климата) региона. По показателям интегрального инвестиционного потенциала, который исчисляется на основе методики рейтингового агентства «Эксперт РА», Забайкальский край находится на 6-м месте среди восьми регионов-лидеров СФО и ДФО по объёму привлекаемых прямых китайских инвестиций. В частности, на 2-м месте по природно-ресурсному потенциалу, на 5-м месте по трудовому потенциалу, на 6-м месте по финансовому и инфраструктурному потенциалу. Ранги инвестиционного потенциала и отдельных его составляющих в 2016 году показаны в таблице.

Ранги инвестиционного потенциала и отдельных его составляющих в 2016 г.

№ п/п	Регион	Инфраструктурный	Природно-ресурсный	Трудовой	Финансовый	Инвестиционный потенциал
1	Иркутская область	73	7	20	15	18
2	Приморский край	48	18	23	25	21
3	Хабаровский край	64	13	30	34	33
4	Сахалинская область	53	24	71	23	43
5	Томская область	82	38	39	40	44
6	Забайкальский край	69	9	66	57	52
7	Амурская область	68	28	61	61	68
8	Еврейская автономная область	61	51	83	85	81

Источник: Эксперт РА [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab03 (дата обращения: 06.01.2017).

Не случайно нами были выбраны выше-обозначенные частные потенциалы, поскольку природно-сырьевая база, наличие и состояние инфраструктуры, возрастной и профессионально-квалификационный состав трудовых ресурсов, меры финансовой поддержки имеют наибольший вес при принятии инвестиционных решений. В целом же большинство регионов характеризуются средним или низким инфраструктурным, трудовым и финансовым потенциалом. Именно это выступает в качестве основной причины низких инвестиционных вложений китайских партнёров в российские регионы. Так, доля России в общем объёме китайских прямых инвестиций за рубежом не превышает 1,5 %.

Предлагаем на примере Забайкальского края рассмотреть, с какими трудностями приходится сталкиваться китайским инвесторам при реализации инвестиционных проектов.

Инфраструктурный потенциал. Как правило, инвесторам приходится осуществлять дополнительные затраты на возведение объектов транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. Так, ООО «ЦПК «Полярной»» на строительство и ремонт дорог городского поселения «Амазарское», дорог на территории целлюлозного завода и жилого городка, а также на асфальтирование главной дороги от целлюлозного завода до пгт. Амазар в общей сложности было потрачено 10 млн р. Более того, проектом предусмотрено строительство жилого микрорайона «Полярный», а именно строительство 8 жилых кварталов, детского сада на 95 чел., столовой на 100 посадочных мест и т. д. В 2014 году приступили к строительству трёх общежитий по 144 места проживания, столовой, одного коттеджа. Или, например, ООО «Байкалруд» за свой счёт осуществляло строительство ВЛ 110 кВ, ПС

110/10 кВ и кабельных линий 10 кВ до рабочих подстанций участков работ.

Финансовый потенциал. Важной составляющей инвестиционного сотрудничества признано наличие преференций и льгот, которые должны обеспечить, в том числе, интерес иностранных партнёров к Забайкальскому краю. С 2012 года реализуется Закон Забайкальского края от 25.12.2012 года № 765-33К «О государственной поддержке иностранных инвестиций в экономику Забайкальского края и о внесении изменения в Закон Забайкальского края «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Забайкальском крае»». В соответствии с законом предусматриваются следующие меры финансовой поддержки: субсидирование, налоговые льготы, льготы по аренде имущества, находящегося в собственности Забайкальского края. Однако в силу хронического дефицита бюджета данные меры носят декларативный характер.

Трудовой потенциал. Процесс создания благоприятных инвестиционных условий в Забайкальском крае находится на начальном этапе реализации. Именно поэтому возможность использования иностранной рабочей силы воспринимается инвесторами как фактор компенсации неполученных от государства мер поддержки. В настоящее время кадровая проблема является одной из наиболее острых проблем, возникающих в ходе реализации инвестиционных проектов. Во многом это связано с формированием новой институциональной среды в сфере внешней трудовой миграции, не создающей стимулы для использования труда иностранных граждан. Так, с 1 января 2015 года вступили в силу изменения миграционного и налогового законодательства. В результате затраты, связанные с оформлением на работу граждан КНР, выросли в

2,3 раза и составили 30 898 р. на одного китайского рабочего.

Кроме того, в настоящее время во многих регионах в целях приоритетного трудоустройства российских граждан проводится политика по ограничению внешней трудовой миграции, одним из основных направлений которой выступает снижение квот на выдачу разрешений на работу. Так, в Забайкальском крае размер квоты был уменьшен с 18 951 разрешений на работу в 2010 году до 5294 разрешений в 2017 году.

Поскольку в большинстве случаев решение об отказе в квоте мотивируют наличием безработных с соответствующей квалификацией, нами была рассмотрена профессионально-квалификационная структура безработных, проживающих в Забайкальском крае и непосредственно в районах реализации проектов. Итоговый показатель комплементарности труда мигрантов, используемого на инвестиционном проекте по созданию лесопромышленного комплекса ООО «ЦПК «Полярная»», по Забайкальскому краю в целом составил 4,197, что означает следующее: на 100 китайских граждан, осуществляющих трудовую деятельность на инвестиционном проекте, приходилось около 420 безработных российских граждан. Совсем иное положение дел наблюдается на уровне районов. Итоговый показатель комплементарности труда мигрантов, равный 0,389, показывает, что на 100 китайских граждан, задействованных на проекте в 2015 году, приходилось около 39 безработных, проживающих в Могочинском, Тунгиро-Олёкминском и Чернышевском районах.

Таким образом, в регионе есть трудовой потенциал безработных граждан, который мог бы быть использован для замещения иностранных работников, ежегодно привлекаемых на инвестиционные проекты, но существует ряд факторов, препятствующих его реализации:

– удалённость от краевого центра (расстояние от г. Читы до пгт. Амазар составляет около 808 км);

– неблагоприятные природно-климатические условия (район по основным параметрам

близок к северным районам края, большие суточные и годовые колебания температур);

– низкая трудовая мобильность населения в сочетании с отсутствием финансирования на оказание адресной поддержки безработным гражданам, переселяющимся в другую местность для трудоустройства по направлению центров занятости;

– неразвитость социальной инфраструктуры в месте реализации инвестиционного проекта (объекты социальной инфраструктуры находятся в стадии строительства, общежитие предоставляется только работникам предприятия, аренда жилья для семейных не оплачивается);

– невысокий размер оплаты труда (предприятие не получает прибыль, поскольку в настоящее время осуществляется строительство целлюлозного завода и вспомогательных объектов).

Итоговый показатель комплементарности труда мигрантов, используемого в рамках инвестиционного проекта «Освоение Нойон-Тологойского полиметаллического месторождения», по Забайкальскому краю в целом составил 1,11, что означает следующее: на 100 китайских граждан, осуществляющих трудовую деятельность на инвестиционном проекте, приходилось около 111 безработных российских граждан. Исчерпывающим ответом на вопрос о наличном потенциале замещения иностранной рабочей силы безработными, проживающими в Александрово-Заводском районе, может служить значение показателя степени комплементарности труда мигрантов, равное 0,02, что означает буквально следующее: на 100 китайских граждан, задействованных на проекте в 2015 году, приходилось 2 безработных, проживающих в Александрово-Заводском районе.

В заключение необходимо сделать следующий важный вывод: инвестиционное сотрудничество Забайкальского края с Китаем в условиях ограниченных внутренних финансовых ресурсов является одним из факторов экономического роста региона, но его нельзя расценивать в качестве панацеи от проблемы отсталости экономического развития.

Источники и литература

1. Волков К. Осторожный оптимизм // Дыхание Китая. – 2016. – № 282. – С. 12–13.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 15.12.2016).
3. Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (дата обращения: 07.01.2017).

УДК 332(571.55)
ББК У04(2Рос-4Чит)

Екатерина Алексеевна Дроботушенко,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Обеспечение продовольственной безопасности России на примере Забайкальского края

В статье на основе нормативно-правовых документов, статистических материалов и отчётов различных структур изучается вопрос обеспечения продовольственной безопасности России на примере Забайкальского края. Продовольственная безопасность страны – это ещё и её национальная безопасность. Её обеспечение является одной из важнейших задач государства и достигается через продовольственную независимость и обеспеченность регионов Российской Федерации. В связи с этим, в качестве региона-примера рассматривается Забайкальский край. В статье показаны основные вопросы обеспечения продовольственной безопасности, такие, как: физическая и экономическая доступность продовольствия в крае, возможность самостоятельно обеспечивать себя продовольствием, собственное производство основных продуктов. Забайкальский край – регион, обладающий значимым потенциалом для развития продовольственной базы, обеспеченный плодородными землями и пастбищами, а также богатыми традициями агропроизводства. Совокупность этих факторов позволяет региону не только обеспечить собственную продовольственную безопасность, но и стать важным звеном в обеспечении продовольственной безопасности государства.

Ключевые слова: Забайкальский край, продовольственная безопасность, обеспечение населения продовольствием, физическая доступность продовольствия, экономическая доступность продовольствия, основные продукты питания, агропромышленный комплекс, собственное производство

Ekaterina A. Drobotushenko,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia

Ensuring Food Security of Russia on the Example of Zabaikalsky Region

In article on the basis of legal documents and statistical materials and reports of the various structures highlights the question of ensuring food security of Russia on the example of Transbaikal region. Food security of the country is also national security. Its provision is one of the most important tasks of the state, as well as ensuring food independence and ensuring the regions of the Russian Federation. In this regard, Transbaikal region is considered as a region-example. The article presents the main issues of ensuring food security, such as: physical and economic accessibility of food in the region, an opportunity to independently provide itself with food, own production of basic products. Transbaikal region is a region with a significant potential for development of food base, provided with fertile lands and pastures, and also rich traditions of agricultural production. The combination of these factors allows the region not only to ensure own food security, but also to become an important link in ensuring food security of the state.

Keywords: Transbaikal region, food security, provision of food, physical accessibility of food, economic access accessibility of food, basic groceries, agriculture complex, own production

На протяжении всей истории человечества обеспечение населения продовольствием является одной из наиболее важных задач. Несмотря на то, что каждый человек согласно рекомендациям Продовольственной и сель-

скохозяйственной организации ООН (FAO) имеет право на полноценное питание, не каждая страна в современном мире может обеспечить достаточную экономическую и физическую доступность продовольствия для насе-

ления. Кроме того, продовольственная безопасность страны – это ещё и неотъемлемая часть её национальной безопасности.

На сегодняшний день улучшение обеспечения населения продуктами питания является важной социально-экономической задачей, решение которой имеет огромное значение как для России в целом, так и для её регионов в частности. Обеспечение продовольственной безопасности является приоритетным направлением государственной политики, так как охватывает широкий спектр национальных, экономических, социальных, демографических и экологических факторов.

Рассматривая вопрос продовольственной безопасности России, необходимо уделять внимание её регионам, которые, в свою очередь, определяют целостность государства. В статье обеспечение продовольственной безопасности будет рассмотрено на примере Забайкальского края.

Продовольственная безопасность на территории Забайкальского края регулируется в соответствии с принятым и действующим Законом Забайкальского края от 01.11.2011 года № 570-ЗСК «О продовольственной безопасности и рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на территории Забайкальского края». Настоящий закон определяет основные направления деятельности органов государственной власти края по обеспечению продовольственной безопасности Забайкальского края, формированию и регулированию рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на территории региона [6].

В свою очередь, данным законом продовольственная безопасность определяется как состояние экономики Забайкальского края, при котором достигается продовольственная обеспеченность Забайкальского края, гарантируется физическая и экономическая доступность пищевых продуктов для всего населения края в объёмах, необходимых для активного и здорового образа жизни. Кроме того, указывается ряд мер по обеспечению продовольствен-

ной безопасности, таких, как: налаживание долговременных экономических связей с субъектами Российской Федерации, иностранными государствами по поставкам в Забайкальский край продовольствия и сырья для его производства; содействие контролю за качеством и безопасностью производимых, закупаемых и поставляемых в Забайкальский край пищевых продуктов в соответствии с требованиями государственной системы стандартов и федеральных санитарных и ветеринарных правил и норм и др. Важно обратить внимание на уровень обеспеченности региона основными продуктами собственного производства [6].

В соответствии с определением продовольственной безопасности особое внимание в статье мы уделим рассмотрению основных факторов, формирующих продовольственную обеспеченность Забайкальского края.

Характеризуя экономическую доступность продовольствия, предполагается, что она зависит от уровня цен и реальных размеров доходов населения. Экономическая доступность определяется возможностью различных слоёв населения приобретать в требуемом размере и ассортименте продукты питания путём покупки их по сложившимся ценам. Показателями экономической доступности продовольствия в регионе являются стоимость минимального набора продуктов питания; индекс потребительских цен на продовольственные товары; величина прожиточного минимума [8].

По опубликованным данным Росстата (Федеральная служба государственной статистики) за период с 2010 по 2015 год, в Забайкальском крае произошли определённые изменения в потреблении продуктов питания, которые отличаются неравномерностью как по отдельным видам продуктов, так и по годам (см. табл. 1). Фактическое потребление по ряду видов значительно отстаёт от рациональных норм физиологической потребности населения [10]. На 2015 год по овощам и бахчевым культурам они удовлетворяются на 65,7 %, молоку – на 77,2 %, по потреблению яиц – на 59,6 % [11].

Таблица 1

Потребление основных продуктов питания на душу населения в год по Забайкальскому краю, кг

Продукты питания	Фактическое потребление						Рекомендуемые нормы	2015 год, % к норме
	2010	2011	2012	2013	2014	2015		
Мясо и мясопродукты	68,0	68,0	71,0	72,0	72,0	71,0	73,0	97,3
Молоко и молочные продукты	245,0	246,0	247,0	247,0	251,0	251,0	325,0	77,2
Яйца, штук	162,0	162,0	163,0	156,0	156,0	155,0	260,0	59,6
Сахар	33,0	33,0	33,0	33,0	33,0	33,0	24,0	137,5
Картофель	105,0	105,0	106,0	106,0	106,0	106,0	90,0	117,8

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

Овощи и бахчевые культуры	86,0	88,0	88,0	88,0	93,0	92,0	140,0	65,7
Растительное масло	11,0	11,1	11,4	11,4	11,7	11,6	12,0	96,7
Хлебные продукты	116,0	116,0	115,0	115,0	115	115	96,0	119,8

Источник: составлено автором на основе [11].

Однако важно отметить, что по отдельным видам наблюдается превышение рекомендуемых норм потребления. Недостаток белковой продукции, овощей в рационе питания приводит к избыточному потреблению картофеля (117,8 %) и хлебных продуктов (119,8 %) по сравнению с рациональной нормой.

Что касается мяса и мясопродуктов, то, несмотря на то, что его потребление незначительно отстаёт от нормы (97,3 %), для Забайкальского края оно было и остаётся продуктом номер один.

Во многом такое потребление продовольствия зависит от несоответствия денежных доходов населения и стоимости минимального набора продуктов питания, входящих в продовольственную корзину. Вследствие снижения реальных доходов населения региона в последнее время происходит смещение в структуре потребления в сторону менее дорогих продуктов питания. Рост потребления основных продуктов питания возможен при условии существенного повышения реальных доходов. Так, доходы населения Забайкальского края в 2016 году по сравнению с 2015 годом уменьшились на 0,9 %, как сообщается на сайте Забайкалкрайстата (от 25.01.2017 г.) [3].

Важно также учитывать, что в Забайкальском крае достаточно значителен уровень населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Величина прожиточного минимума устанавливается Постановлением Правительства Забайкальского края. В Постановлении № 75 от 28.02.2017 года «Об установлении величины прожиточного минимума в Забайкальском крае за IV квартал 2016 года», прожиточный минимум определен в 10 207,81 р. в месяц на душу населения [9].

Стоимость минимального набора продуктов питания в регионе по данным Забайкалкрайстата в IV квартале 2016 года составила 4745,94 р. в месяц на душу населения (по данным Росстата на декабрь 2016 г. – 4190,38 р.) [2].

Индекс потребительских цен на продовольственные товары в Забайкальском крае в 2015 году к декабрю прошлого года составил 112,7 % [11].

Для обеспечения экономической доступности продуктов питания малоимущим слоям

населения проводятся различные акции и ярмарки выходного дня, где продукты реализуются по более низким ценам. Кроме того, важно, что зачастую большую долю в магазинах занимает продукция местных товаропроизводителей.

Физическая доступность продовольствия характеризуется: обеспеченностью торговыми площадями в сетевых компаниях и на розничных продовольственных рынках; соотношением наличия продовольствия в торговой сети и на продовольственных рынках с востребованным населением количеством и ассортиментом продуктов питания. В целом Забайкальский край обеспечен необходимыми торговыми площадями для торговли продовольственными товарами, однако часть муниципальных образований не имеют достаточного по нормативам обеспечения торговыми площадями. Основные причины этого – низкая плотность населения, удалённость от региональных центров данных муниципальных образований и низкая плотность дорожной сети. Необходимо разработать схемы размещения нестационарных торговых объектов с учётом нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов [8].

Что касается агропромышленного комплекса и его базовой отрасли – сельского хозяйства, которые являются ведущими системообразующими сферами экономики Забайкальского края, то они формируют агропродовольственный рынок, и как результат – продовольственную и экономическую безопасность. В масштабах России доля производства продукции сельского хозяйства Забайкальского края незначительна и по годам варьирует от 0,4 до 0,5 %. Тем не менее, для экономики региона сельское хозяйство является одной из ведущих сфер.

Агропромышленный комплекс Забайкальского края сегодня представлен растениеводством, животноводством, пищевой и перерабатывающей промышленностью. Ведущей отраслью сельскохозяйственного производства Забайкальского края является животноводство, представленное такими подотраслями, как молочное и мясное скотоводство, свиноводство, овцеводство, козоводство, коневодство, птицеводство, незначительный удельный вес занимают оленеводство и верблюдовод-

ство. Развивается пчеловодство. Мясное скотоводство, в свою очередь, в Забайкальском крае имеет значительные перспективы роста и развития, связанные с наличием в крае огромных массивов малоиспользуемых сельскохозяйственных угодий, пригодных для размещения дополнительного скотопоголовья. Не менее важен фактор отработанной конкурентоспособной технологии ведения мясного скотоводства, подготовленных трудовых ресурсов [1].

Важно также отметить особо значительную роль зерна на продовольственном рынке края. Забайкальскому зерну достаточно сложно конкурировать, к примеру с алтайским, из-за стоимости энергоресурсов и ГСМ и по условиям климата, тем не менее можно отметить высокое качество забайкальской муки. Объёмы производства основных видов сельскохозяйственной продукции за ряд лет представлены в табл. 2.

Таблица 2

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий по годам, тыс. т

<i>Продукция</i>	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Скот и птица (в убойном весе)	44,6	47,5	48,4	47,3	49,5	49,3
Молоко	307,7	319,7	327,7	335,9	344,6	340,9
Яйца, млн шт.	70,7	65,7	65,9	62,1	59,2	55,8
Зерно (в весе после доработки)	138,3	114,0	213,2	167,3	211,2	62,8
Картофель	178,3	181,0	184,1	176,7	171,9	168,4
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	30,5	31,7	31,1	32,2	34,8	32,0

Источник: составлено автором на основе [5, с. 188, 190].

Что касается объёмов производства по итогам 2016 года, по данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Забайкальского края из-за неблагоприятных погодных условий списано 69,4 тыс. га зерновых и кормовых культур.

Валовый сбор зерна в весе после доработки составил 79,9 тыс. т (127,3 % к уровню 2015 г.). На уровень сбора зерна повлияли неблагоприятные погодные условия. Собрано 168,2 тыс. т картофеля (99,9 %) и 30,9 тыс. т овощей (96,6 %).

В хозяйствах всех категорий Забайкальского края в 2016 году производство скота и птицы на убой (в живом весе) составило 85,7 тыс. т, молока – 333,4 тыс. т (97,8 %), яиц – 53,6 млн шт. (96,1 %).

Кроме того, в крае представлена продукция собственного производства. На сегодняшний день функционирует 600 предприятий пищевой и перерабатывающей промышленно-

сти, среди них представлено хлебопекарное, мясное, молочное, рыбное, наливное, мукомольное производство, а также переработка полуфабрикатов и дикоросов, изготовление консервов [12].

Организациями пищевой и перерабатывающей промышленности на сентябрь 2016 года произведено 12,5 тыс. т колбасных изделий, или 110,5 % к уровню прошлого года, 9,2 тыс. т цельномолочной продукции (98,6 %), 23,2 тыс. т хлеба и хлебобулочных изделий (99,4 %) [7, с. 66].

Вместе с тем, перерабатывающие предприятия и организации оптовой торговли завозят значительное количество продукции из других регионов страны и из-за рубежа. В то же время за пределы Забайкальского края также вывозится продовольствие, произведённое в регионе. Сальдо обмена продукцией отрицательное, то есть вывоз превышает ввоз (см. табл. 3).

Таблица 3

Товарообмен Забайкальского края за 2015 г., тыс. т

<i>Продукция</i>	<i>Ввоз, включая импорт</i>	<i>Вывоз, включая экспорт</i>	<i>Сальдо, +, -</i>
Картофель	61,2	0,8	-60,4
Мясо и мясопродукты	27,8	–	–
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	103,0	9,3	-93,7
Молоко и молочные продукты	14,5	–	–
Яйца, млн шт.	112,3	–	–

Источник: составлено автором на основе [5, с. 192–193].

Важно отметить, что в целях развития региональной товаропроводящей инфраструктуры и повышения доступности для населения свежих продуктов, в том числе произведённых сельскими товаропроизводителями, на территории Забайкальского края за 9 месяцев 2016 года было проведено 602 ярмарки [7, с. 67].

К ещё одной из основных проблем региона по обеспечению продовольствием, помимо его физической и экономической доступности, также можно отнести вовлечённость в оборот сельскохозяйственной продукции, произведённой на территории Забайкальского края. Сейчас повсеместно проводится работа по активизации деятельности сельскохозяйственной потребительской кооперации. В рамках исполнения ведомственной целевой программы «Развитие сельскохозяйственной кооперации в Забайкальском крае» (2015–2017 годы) проведён конкурсный отбор получателей гранта на развитие материально-технической базы кооперативов. Денежные средства в размере 46,8 млн р. из федерального бюджета и бюджета Забайкальского края перечислены на расчётные счета кооперативов, занимающихся сбором, переработкой и сбытом молока, мяса, картофеля, грибов, овощей и плодово-ягодной продукции.

Что касается ценовой политики, то с целью защиты отечественного рынка и во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 07.08.2014 года № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 года № 560 “О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации”» Министерством сельского хозяйства и продовольствия Забайкальского края в еженедельном

режиме проводится мониторинг цен на продукцию, произведенную и реализуемую сельскими товаропроизводителями [7, с. 67].

К сожалению, ещё достаточно большое количество продукции сельхозпроизводителей, которым требуется государственная поддержка, не учитывается в общей картине продовольственной безопасности региона. Речь идёт о личных подсобных хозяйствах [4].

Таким образом, полноценному обеспечению продовольственной безопасности Забайкальского края как составляющей продовольственной безопасности страны, мешает ряд проблем. Так, недостаточная экономическая доступность продовольствия обусловливается несоответствием низких доходов населения и стоимости минимального набора продуктов питания. А проблема недостаточной физической доступности напрямую связана с доступностью торговых площадей. И в качестве немаловажной проблемы стоит отметить низкую вовлечённость сельскохозяйственной продукции, произведённой на территории региона в оборот.

Однако у края есть потенциальная возможность полного самостоятельного обеспечения населения продовольствием. В Забайкальском крае есть сильный кадровый потенциал, хорошая экология, большое количество плодородной земли и пастбищ для скота, богатые традиции агропроизводства, имеется хороший потенциал у таких отраслей, как растениеводство и животноводство. Все эти факторы могут позволить внести весомый вклад в продовольственную безопасность как Забайкальского края, так и всей России, а также могут активно выходить на внешние рынки, где экологически чистые продукты имеют высокий спрос.

Источники и литература

1. **Агропромышленный комплекс** [Электронный ресурс] // Забайкальский край. Инвестиционно-градостроительный паспорт. – Режим доступа: <http://www.passport.zab-investportal.ru/?p=3268> (дата обращения: 26.02.2017).
2. **Величина прожиточного минимума в IV квартале 2016 года** [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. – Режим доступа: http://www.chita.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chita/resources/ (дата обращения: 25.02.2017).
3. **Доходы жителей Забайкалья в 2016 году упали на 0,9 %, расходы – на 0,4 %** [Электронный ресурс] // Чита.ру. – Режим доступа: <https://www.chita.ru/news/97151/> (дата обращения: 25.02.2017).
4. **Забайкалье в продовольственной безопасности** [Электронный ресурс] // Забинфо.ру. – Режим доступа: <http://www.zabinfo.ru/modules.php?artid=924&file=index&name=Sections&op=modload&req=printpage> (дата обращения: 26.02.2017).
5. **Забайкальский край-2015**: стат. сб. / Забайкалкрайстат. – Чита, 2016. – 307 с.
6. **Закон Забайкальского края от 1 ноября 2011 года № 570–ЗЗК «О продовольственной безопасности и рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на территории Забайкальского края».**

7. **Обеспечение продовольственной безопасности в субъектах Российской Федерации как фактор обеспечения национальной безопасности** // Аналитический вестник. – 2016. – № 44. – 352 с.

8. **Обеспечение продовольственной безопасности Сибирского федерального округа: проблемы и перспективы** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 26.02.2017).

9. **Постановление Правительства Забайкальского края от 28 февраля 2017 года № 75 «Об установлении величины прожиточного минимума в Забайкальском крае за IV квартал 2016 года».**

10. **Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 года № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».**

11. **Регионы России. Социально-экономические показатели-2016 г.** [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 26.02.2017).

12. **Территория чистых продуктов** [Электронный ресурс] // Вестник агропромышленного комплекса. – Режим доступа: <http://www.vestnikapk.ru/articles/portret-regiona/territoriya-chistykh-produktov/> (дата обращения: 27.02.2017).

УДК 332(571.55)
ББК У04(2Рос-4Чит)

Людмила Борисовна Ковальчук,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Проблема трансформации процессов внешнеэкономической деятельности Забайкальского края в условиях глобализации

В статье рассматривается проблема влияния глобализации на развитие внешнеэкономической деятельности Забайкальского края. Обосновываются параметры оценки такого влияния, анализируются перспективы. Показана необходимость изменения подходов к управлению внешнеэкономической деятельностью. Предложено использование процессного подхода, который способен обеспечить трансформацию процессов внешнеэкономической деятельности, необходимую для гармоничного встраивания Забайкальского края в глобальные мировые экономические процессы.

Ключевые слова: глобализация, интернационализация, процессный подход, внешнеэкономическая деятельность

Ludmila B. Kovalchuk,
Chita Institute of Baikal national university,
Chita, Russia

The Problem of Transformation of Foreign Economic Activity of The Transbaikal Territory in the Conditions of Globalization

In the article the problem of influence of globalization on the development of foreign economic activities in Zabaykalsky Krai. Justify the evaluation parameters of such influence are analyzed and prospects. The need to change approaches to the management of foreign trade activities. The proposed use of the process approach, which is able to provide the transformation processes of foreign economic activity necessary for a harmonious strava-tion TRANS-Baikal region in the global economic processes.

Keywords: globalization, internationalization, process approach, foreign economic activity

Современный этап развития мирового хозяйства полностью определяется процессами глобализации, которая, посредством интернационализации хозяйственной жизни, либерализации внешнеэкономической деятельности, создаёт условия и возможности для развития национальных экономик. Влияние процессов глобализации на темпы роста национальных экономик, качество жизни населения достаточно хорошо изучено. При этом главным образом подчёркивается стимулирующее воздействие глобализации на социально-экономический прогресс. В исследовании Матвеевой, Чупрова в подтверждение данной идеи приводится пример Британской Ост-Индской компании, деятельность которой позволила Англии при минимальных временных затратах влиять на внутренние процессы Индии, Китая и других стран Востока.

Влияние процессов глобализации, с точки зрения директора Института мировых финансов и банков профессора А. Мовсесяна, обуславливают уровень развития и особенности структуры национальной экономики. Доказано, что глобализация может ускорять или замедлять развитие национальных экономик, углубляя разрыв между «бедными» и «богатыми» странами. Учитывая, что устойчивость национальных экономик, их безопасность формируется на уровне регионов, представляется, что именно региональный хозяйственный комплекс должен быть более адаптирован к процессам глобализации. Приходится констатировать, что проблемы диагностики последствий глобализации и её влияния на региональные социально-экономические процессы находятся в самом начале исследования. В региональной науке ещё не сформирован единый подход, позволяющий разработать методику оценки и провести диагностику последствий глобализации. Учитывая, что основу глобализации формируют процессы интернационализации хозяйственной жизни и либерализации внешнеэкономической деятельности, полагаем возможным, в сложившейся ситуации, использовать для диагностики её последствий следующие критерии:

1. Динамику масштабов производства.
2. Распространение новых технологий.
3. Деятельность организаций с участием иностранного капитала
4. Развитие автотранспортной инфраструктуры.

Обоснуем выбор данных критериев. Учитывая, что в процессе глобализации происходит сглаживание различий между национальными рынками товаров и услуг, национальные

производители, выпускающие конкурентоспособную продукцию, получают возможность для увеличения объёмов производства с учётом мирового спроса. При этом рост производства должен носить устойчивый характер. В качестве показателя, позволяющего установить характер и динамику производства, можно использовать индекс физического объёма валового регионального продукта.

Сохранению достигнутых темпов роста объёмов производства способствует участие в международном разделении труда, узкая, единичная специализация и кооперация с другими, специализированными предприятиями. Основу формирования таких взаимосвязей составляют новые технологии и технологические товары и услуги. В этой связи в оценку предлагаем включить использование передовых производственных технологий и использовать данный показатель в динамике и в контексте общероссийских тенденций.

Участие в международном разделении труда обуславливает интернационализацию производства, перенос предприятий на территорию иностранных государств. В этой связи достаточно надёжным критерием для диагностики влияния глобализации представляется деятельность предприятий с участием иностранного капитала. Показателем для оценки данного критерия является число организаций с участием иностранного капитала.

Рост масштабов производства, усиление интеграционных связей в рамках интернационализации хозяйственной деятельности требует от региона высокого уровня развития транспортной инфраструктуры. В интеграции и интернационализации связей на уровне региона большое значение имеет развитие автомобильного транспорта, сети автомобильных дорог. Важнейшим показателем для оценки представленного критерия, на наш взгляд, является качество автомобильных дорог. Показателем качества автомобильных дорог является удельный вес автомобильных дорог с твёрдым покрытием в общей протяжённости автомобильных дорог общего пользования. Однако с учётом природно-географических условий нашей страны, формирование автотранспортной инфраструктуры должно осуществляться на основе совершенствования качества покрытия автомобильных дорог. В этой связи предлагаем в систему показателей диагностики влияния глобализации включить удельный вес автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием в протяжённости дорог с твёрдым покрытием. Данный показатель свидетельствует о включении региона в глобальную ло-

гистическую систему, сформированную в условиях интернационализации хозяйственных связей.

Представленные критерии и показатели взаимосвязаны и формируют, таким образом, систему, которую можно использовать для комплексной оценки и диагностики влияния глобализации на региональные экономические процессы. Результаты диагностики могут быть использованы для обоснования стратегий и выбора сценариев регионального развития.

Учитывая, что Забайкальский край находится в приграничном положении с КНР, которая глубоко интегрирована в процессы глобализации, представляется достаточно логич-

ным ожидать, что, под влиянием глобализации, на территории данного субъекта формируется новое экономическое пространство с более высоким, по сравнению с соседними регионами, уровнем хозяйственного развития. Оценим это влияние с помощью представленных нами показателей. В качестве информационной основы оценки используем статистические данные, представленные в сборнике «Регионы России».

Показатели для оценки представлены в табл. 1. Как показывает динамика индекса физического объёма в периоде исследования, масштабы производства в Забайкальском крае ощутимо снизились.

Таблица 1

Показатели влияния глобализации на экономику Забайкальского края

<i>Наименование показателя</i>	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Индекс физического объёма, %	103,7	102,2	98,1
Использование передовых производственных технологий	974	1117	1310
Деятельность предприятий, организаций с иностранным капиталом	75	100	85
Удельный вес автомобильных дорог с твёрдым покрытием в общей протяжённости автомобильных дорог общего пользования, %	66	65,2	67,3

Снижение объёмов производства в Забайкальском крае, очевидно, можно связать с изменением конъюнктуры мировых рынков, которые в условиях глобализации ориентируются на высокотехнологичные товары, работы, услуги. При этом отмечается тенденция к снижению потребления сырьевых товаров. Сопоставление представленных показателей с показателями Республики Бурятия и Иркутской области дают основание утверждать, что в Забайкальском крае отмечается достаточно серьёзный «отрыв» от соседних регионов, превращающий его в наиболее «слабое звено» среди субъектов Байкальского региона, которые рассматриваются в качестве плацдарма для интеграции России в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона.

На фоне снижения объёмов производства, отмечающийся в периоде исследования рост использования передовых производственных технологий и снижение числа предприятий с участием иностранного капитала позволяют констатировать, что в сфере международного разделения труда Забайкальский край занимает периферийное положение как поставщик необработанного сырья. При этом у международных компаний отсутствуют стимулы для создания совместных предприятий, «прописке» в данном субъекте своих подразделений.

Возможности подключения к глобальным процессам во многом определяются уровнем

развития автотранспортной инфраструктуры. Для активного включения в международные глобальные процессы доля дорог с твёрдым покрытием в общей протяжённости дорог должна быть не менее 80 %. В Забайкальском крае эта доля составляет около 66 %, с тенденцией к снижению.

Ещё более наглядно характер влияния процессов глобализации на региональную экономику демонстрирует структура и динамика внешней торговли Забайкальского края. В структуре экспорта основными товарными позициями являются: лесная, горнорудная, топливно-энергетическая, сельскохозяйственная продукция. Сложившаяся внешнеторговая специализация региона связана не только с наличием природных ресурсов, но и с уровнем развития традиционных для данных отраслей технологий, их кадровой обеспеченностью. Вместе с тем, полномасштабное использование имеющегося ресурсного потенциала обуславливает необходимость повышения степени переработки добываемого на территории края сырья, которая, с одной стороны, должна отвечать потребностям и уровню требований, сложившимся на мировом рынке, с другой – опираться на использование передовых производственных технологий.

Учитывая низкие темпы внедрения передовых производственных технологий в отраслях края, перспективы их технологического

развития следует связать с привлечением в данные отрасли инвестиций, в том числе и иностранных. В свою очередь, возможность привлечения иностранных инвесторов в современном мире напрямую зависит от уровня использования информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих открытость, узнаваемость и доступность производственно-технических возможностей и потребительских рынков Забайкальского края для

иностраных инвесторов. Одним из показателей, позволяющим оценить уровень использования информационно-коммуникационных технологий в крае, является показатель использования предприятиями и организациями края возможностей веб-сайтов. Количество организаций и предприятий Забайкальского края, которые имеют веб-сайты, в % от общего числа предприятий составляет около 30 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Организации, имеющие веб-сайты, в % от общего числа организаций

Наименование субъекта	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	28,5	37,8	41,3	40,3
Сибирский федеральный округ	24	32,5	36,6	37,3
Забайкальский край	17,8	29,3	31,5	30,5
Республика Бурятия	28,4	34,7	36,5	34,9
Иркутская область	25,1	37,9	41	40,7

Как показывают данные табл. 2, несмотря на увеличение количества данных предприятий, их число в сравнении со среднероссийскими показателями и средним по Сибирскому федеральному округу, является самым низким. В условиях глобализации наличие веб-сайта является одним из необходимых условий продвижения на мировые рынки, эффективной коммуникации с потенциальными потребителями и инвесторами. При этом именно благодаря эффективным коммуникациям, создаваемым отдельными предприятиями и организациями, создаётся положительный имидж края на мировых рынках, формируется представление о его потенциале у инвесторов. Учитывая представленную статистику, Забайкальский край лишает себя такой возможности.

Таким образом, можно констатировать, что процессы глобализации в настоящий момент не являются фактором социально-экономического развития Забайкальского края. Трансформация процессов внешнеэкономической деятельности, которая началась в 1990-е годы параллельно с созданием рыночных основ в экономике, проявилась лишь в высоком уровне либерализации и открытости региональных рынков. При этом, как показывают исследования, данная трансформация не сформировала условия для включения экономики региона в общемировые процессы глобализации. Изменение вектора трансформаций в условиях глобализации, по нашему мнению, должно быть связано с внедрением процессного подхода к управлению внешнеэкономической деятельностью, который ориентирован на результат, то есть на удовлетворение конкретных потреб-

ностей потребителя. Связывая в едином процессе производителя, поставщика, потребителя, процессное управление внешнеэкономической деятельностью обеспечивает более глубокое понимание ситуации и, соответственно, более рациональное использование имеющихся ресурсов при более высоком результате.

Организация процесса требует понимания роли «владельца». В региональной системе «владелец» не просто контролирует процесс, он его создаёт. Это означает, что им определяется состав и количество необходимых ресурсов, поступающих в процессор, технология переработки данных ресурсов и требования к результатам процесса. В отличие от «клиента», «владелец» заинтересован не только в «приросте» результата, но в процессе в целом: оптимальном соотношении параметров «входов» и «выходов», формировании корректных требований к технологии их переработки, установлении взаимосвязей с другими процессами и т. п. Именно «владелец» выявляет существующую потребность, находит необходимые ресурсы, технологию их переработки, клиентов, потребляющих результаты процессов. При этом у «владельца» регионального процесса появляется возможность не только сохранить, но и преумножить ценность ресурсов, которые имеются в его распоряжении.

В региональной системе «владелец» должен не только согласовать входы и выходы с «клиентом», но и формировать связи с «владельцами» других процессов. Таким образом, между региональными процессами устанавливаются многочисленные сложные связи, что

обуславливает высокую степень их взаимозависимости. В региональной социально-экономической системе функции «владельца» внешнеэкономических процессов выполняют: Министерство внешнеэкономических связей и международного сотрудничества Забайкальского края, а также бизнес-сообщество, общественные организации и другие субъекты, имеющие в распоряжении определённые ресурсы, необходимые для осуществления процессов внешнеэкономической деятельности. Используя имеющиеся ресурсы, «владельцы» организуют процессы, удовлетворяющие потребности клиентов, расположенных на пределах региональной социально-экономической системы. Существенное, значимое для региональной социально-экономической системы изменение результатов внешнеэкономической деятельности, по нашему мнению, может достигаться в условиях трансформации внешнеэкономических процессов. В контексте процессного подхода трансформации возможны при условии решения «владельцами» процессов следующих задач:

1. Сформировать имиджевую политику региона.

2. Осуществить позиционирование региональных предприятий, конкурентных преимуществ региона на внешних рынках.

3. Исследовать спрос и факторы, его определяющие, на наиболее перспективных для Забайкальских предприятий внешних рынках.

4. Разработать товарную политику, соответствующую спросу на данных рынках.

5. Наладить координацию и согласованность действий всех владельцев внешнеэкономических процессов.

Таким образом, представляется, что внедрение процессного подхода обуславливает не только возможности «встраивания» региональной экономики в процессы глобализации и интернационализации мирового хозяйства, но и возможности значительного повышения результативности внешнеэкономической деятельности региона, обеспечивающей перспективное современное социально-экономическое развитие региональной социально-экономической системы.

Источники и литература

1. Ковальчук Л. Б. Процессная модель региональной социально-экономической системы. – Иркутск.: Изд-во БГУЭП, 2014. – 149 с.
2. Матвеева М. В., Чупров А. П. Воздействие факторов глобализации на развитие региональной экономики // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 9, ч. 2. – С. 379–383.
3. Мовсесян А., Огневцев С. Транснациональный капитал и национальные государства // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1999. – № 6. – С. 55–63.
4. Оборина Е. Д., Мингалева Ж. А. Управление внешнеэкономической деятельностью в рамках структурной модернизации экономики региона (на примере Пермского края) // *Научно-технические ведомости СПбГПУ*. – 2010. – № 1. – С. 82–86.
5. Суржиков М. А. Инструментально-методические средства анализа интеграционных процессов во внешнеэкономической деятельности // *Экономика и управление*. – 2011. – № 9. – С. 57–61.

УДК 332.1
ББК У050.2

Лариса Юрьевна Криклевская,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Направления развития транспортно-логистической инфраструктуры Забайкальского края

Актуальность работы определяется стратегическим значением транспортно-логистической инфраструктуры в социально-экономическом развитии региона. От развития транспортно-логистической инфраструктуры зависят экономические показатели развития региона, а также конкурентоспособность международного транспортного коридора, являющегося элементом региональной транспортно-логистической системы. Транспортно-логистическая система является катализатором усиления экономических и социальных процессов регионального развития.

Ключевые слова: транспортно-логистическая система региона, транспортно-логистическая инфраструктура, транспортный коридор, факторы устойчивого сбалансированного роста, глобальная конкуренция, мультимодальные перевозки

Larisa Yu. Kriklevskaya,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

The Development Trends of the Transbaikal Region's Transport and Logistics Infrastructure

The necessity of the research is determined by the strategic value of the transport and logistics infrastructure in the socio-economic development of the region. Certain economic indicators of the regional development as well as the competitive ability of the international transport corridor as the element of the regional transport and logistics system depend on the level of the development of the transport and logistics. Thus, transport and logistics system can be viewed as a catalyst (powerful force) for the intensification of economic and social processes of the regional development.

Keywords: the transport and logistics system of the region, the transport and logistics infrastructure, the transport corridor, factors of sustainable balanced growth, global competition, multimodal traffic

Транспорт играет значительную роль в определении эффективности функционирования всей экономической системы региона. Роль и значение транспорта состоит в том, что он выступает связующим звеном между производством и потреблением продукции, обеспечивает непрерывность и пропорциональность их воспроизводства и удовлетворение потребностей населения и отраслей экономики региона. Транспортная система формируется как относительно самостоятельная часть регионального хозяйства, её развитие обусловлено и прямо связано с развитием новых экономических отношений. Понятие «транспортная система» трактуется не однозначно.

Так, В. И. Борисевич определяет транспортную систему как комплекс различных видов транспорта, находящихся во взаимной зависимости и взаимодействии и обеспечивающих потребности предприятий, расположенных на данной территории, и населения в перевозках [1]. На наш взгляд, такое определение не в полной мере раскрывает возможности системного подхода, ограничивая совокупность элементов транспортной системы только видами транспорта.

Википедия определяет транспортную систему как совокупность транспортных средств, инфраструктуры и управления, выделяя в её структуре несколько подсистем: железнодорожную, автомобильную, морскую, речную, воздушную и трубопроводы. Каждая подсистема состоит из элементов инфраструктуры, транспортных средств, управления. Также к транспортной системе относят транспортные

узлы, коридоры, а также промышленный и общественный транспорт [8].

Транспортная система региона (далее – ТСП) является базовым элементом экономики региона, обеспечивающим потребности населения и хозяйственную деятельность предприятий и организаций. Развитие региональной транспортной системы способствует росту валового регионального продукта, социальной и экономической стабильности региона, а также его интеграции в мировую экономику. Таким образом, основными элементами ТСП выступают непосредственно транспорт во всем его видовом многообразии, транспортная инфраструктура, государство в лице органов власти, осуществляющих контрольные, надзорные и иные функции, хозяйствующие субъекты, осуществляющие грузовые и пассажирские перевозки, ремонт, техническое обслуживание транспортных средств, дорожное хозяйство региона и другие элементы.

Транспорту принадлежит ведущая роль в системе логистики. Именно он обеспечивает физическое перемещение товарно-материальных ценностей и существование ключевого понятия логистики «материальный поток». В среднем в структуре логистических затрат транспортные расходы составляют от 20 до 70 % [2]. Таким образом, следует рассматривать не просто транспортную, а транспортно-логистическую систему региона (далее – ТЛСП).

Настоящее исследование в качестве объекта определяет транспортно-логистическую инфраструктуру региона (далее – ТЛИР) как

основополагающий элемент ТЛСР. Отправной точкой для определения целей и задач развития ТЛИ Забайкальского края выступают приоритеты социально-экономического развития региона.

Стратегия развития Забайкальского края до 2030 года акцентирует внимание на новых вызовах, целевых ориентирах, поставленных Правительством Российской Федерации на долгосрочную перспективу, в том числе на саммите во Владивостоке в 2012 году, который, как отмечают эксперты, «удивил своей результативностью». Новые ориентиры требуют более интенсивного использования всех ресурсов и резервов Забайкальского края, ввиду того, что в настоящее время в мире заговорили о «восточном развороте» экономики РФ. Саммит прошёл под девизом «Интеграция – в целях развития, инновации – в целях процветания». Россия предложила следующие приоритеты социально-экономического сотрудничества: торгово-инвестиционную либерализацию, региональную экономическую интеграцию, продовольственную безопасность, транспорт, логистику, инновационное развитие. Для Забайкалья это означает, в том числе, расширение перспектив российско-китайско-монгольского трансграничья.

Анализ стратегических документов по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона, в частности, Забайкальского края [4], свидетельствует о том, что основной задачей экономики региона становится выход на траекторию устойчивого и сбалансированного роста.

Стратегия развития Забайкальского края до 2030 года фундаментальными факторами устойчивого сбалансированного роста определяет усиление глобальной конкуренции, повышение роли человеческого фактора, инновационный фактор развития и формирование благоприятной среды для жизнедеятельности [7]. Можно сказать, что определяющим фактором и усиления конкуренции, и усиления роли человеческого фактора в социально-экономическом развитии, и формирования благоприятной среды жизнедеятельности является транспорт, логистика или транспортно-логистическая инфраструктура.

В частности, усиление глобальной конкуренции, которая охватывает рынки товаров, услуг, капитала и других факторов экономического роста, связано с изменением баланса между экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов, региональной интеграции. Это влечёт за собой изменение национальных и мировых грузо- и пассажиропотоков, рост требований к качеству

транспортного обслуживания, формирование и развитие транспортно-логистической инфраструктуры.

О. А. Печерская в работе «Развитие транспортно-логистической инфраструктуры субъекта РФ как фактор экономического роста (на примере Воронежской области)» выделяет ряд закономерностей развития транспортно-логистической инфраструктуры в условиях глобализации экономики [6]. В частности, к таким закономерностям отнесены: рост популярности автомобильного транспорта, увеличение автотранспортного потока, развитие межрегиональных и международных бизнес-связей, увеличение спроса на объекты транспортно-логистической инфраструктуры, ухудшение качества автомобильных дорог, соответственно, рост числа платных объектов инфраструктуры, ухудшение экологической ситуации.

Конечно, в условиях глобализации повышается доступность автомобильного транспорта, в том числе за счёт возможности приобретения подержанных автомобилей. На 1 января 2015 года в России количество легковых автомобилей уже превысило 40 млн шт. При этом Чита заняла 47-е место в рейтинге 50 городов России по этому показателю (по сообщению РИА Томск) [9]. Данная закономерность роста популярности автотранспорта усиливает нагрузку на дорожную инфраструктуру, что обуславливает увеличение спроса на строительство и ремонт дорог. Однако при низком уровне финансирования, а также ослаблении контроля над строительством и ремонтом дорог снижается их качество.

Другой закономерностью глобализации экономики выступает развитие передовых логистических технологий, в частности, увеличение доли мультимодальных перевозок, терминальной переработки грузов, системы «точно вовремя», «от двери до двери», технологий логистического мониторинга. Глобализация бизнеса потребовала развития международных транспортных коридоров, через которые осуществляются международные грузопотоки [2].

На территории Забайкальского края расположены пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации. Международные торгово-экономические связи между Китаем и Забайкальским краем, а также с соседними регионами, такими, как Республика Бурятия, Иркутская и Амурская области обеспечиваются преимущественно российским автомобильным пунктом пропуска МАПП Забайкальск. Учитывая загруженность данного пункта пропуска, в целях реализации имею-

щегося экономического потенциала приграничных территорий и организации международных транспортных коридоров ведётся работа по решению вопроса о перенаправлении части международных грузовых транспортных потоков на ДАПП Староцурухайтуйский [5]. Для развития объектов приграничной инфраструктуры, расположенных на территории Забайкальского края, в настоящее время необходимо:

- строительство подъездных автомобильных дорог к ДАПП Староцурухайтуйский, ДАПП Олочи, ДАПП Верхний Ульхун и МАПП Соловьёвск, а также участка автомобильной дороги, соединяющего грузовое направление МАПП Забайкальск с федеральной автомобильной трассой А-350 Чита – Забайкальск;

- проведение реконструкции МАПП Забайкальск в части строительства грузового направления движения автотранспорта и внедрения самостоятельных направлений движения автобусов и легковых автомобилей;

- утверждение на федеральном уровне единой методики проведения реконструкции автомобильных пунктов пропуска за счет средств инвесторов (в том числе иностранных) для привлечения инвесторов к финансированию части работ по благоустройству пунктов пропуска.

Таким образом, важнейшим условием повышения конкурентоспособности Забайкальского края в условиях глобализации бизнеса является снижение транспортной составляющей, что позволяет диверсифицировать возможности выхода продукции региональных предприятий на межрегиональные и международные рынки.

Возрастание роли человеческого фактора в социально-экономическом развитии как фактора устойчивого сбалансированного роста обуславливает повышение уровня конкурентоспособности современной инновационной экономики посредством профессиональных кадров. Это в полной мере относится к транспорту как отрасли активного инновационного развития.

Развитие транспорта оказывает существенное влияние на повышение показателей качества жизни населения в аспекте повышения степени доступности территорий, услуг для населения в области образования, здравоохранения, культуры при условии сохранения качества окружающей среды. Урбанизация населения, рост городов, увеличение количества личного автомобильного транспорта привели к увеличению дальности перевозки пассажиров. Возникла потребность в совер-

шенствовании организации пассажирских перевозок, реконструкции городской транспортной инфраструктуры. Для снижения загруженности и уменьшения количества «пробок» на дорогах возникла необходимость в строительстве новых многоуровневых транспортных развязок, увеличении роли железнодорожного и авиационного транспорта. В последние годы всё большую актуальность приобретают вопросы, связанные с развитием и созданием транспортно-пересадочных узлов (ТПУ), основным эффектом от создания которых является снижение загрузки территориальной системы транспортными потоками, улучшение условий обслуживания пассажиров общественного транспорта, оказание сопутствующих услуг пассажирам, получение дополнительных источников дохода от создаваемых коммерческих площадей [3].

Выбор направлений развития транспортно-логистической инфраструктуры базируется на концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, в основу которой положен принцип устойчивого развития, Стратегии развития Сибири до 2020 года, Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года, Стратегии развития Забайкальского края до 2030 года, а также на широком спектре документов, определяющих перспективные направления развития общества и экономики России, её регионов, транспортной системы и системы логистики страны в целом и её регионов, международной интеграции, прежде всего, в рамках СНГ и ЕврАзЭС, на законодательных и иных нормативных правовых актах.

Следует учесть тот факт, что концепция устойчивого развития делает акцент на экологическую составляющую. Таким образом, модель оптимального транспортно-логистического комплекса базируется на установлении баланса экономики и экологии, что в свою очередь предполагает баланс интересов бизнеса и государства, предпринимателей и населения, а также спроса и предложения объектов транспортно-логистической инфраструктуры в регионе.

Следует отметить, что цели и задачи создания и развития транспортно-логистической системы региона отражают региональную специфику функционирования транспортно-логистического комплекса, и, как следствие, особую структуру и состав элементов.

Целью развития региональной транспортно-логистической системы и, соответственно, транспортной политики Забайкальского края

является достижение принципиально нового качества услуг всех видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, авиационного), повышение уровня доступности, надёжности и безопасности грузо- и пассажироперевозок.

Главным инструментом реализации транспортной политики определено долгосрочное планирование, которое позволяет увязать перспективы развития транспортной инфраструктуры с базовыми сценариями Стратегии развития Забайкальского края до 2030 года на условиях государственно-частного партнёрства с привлечением ресурсов как отечественного, так и иностранного капитала.

Наиболее важной сферой ответственности государства в транспортно-логистической системе является формирование опорной транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечение безопасности перевозок, контроль над реализацией законодательства в сфере транспорта и логистики, а также целенаправленная работа по привлечению и подготовке квалифицированных кадров для транспортно-логистического комплекса региона.

Развитие транспортно-логистической инфраструктуры региона должно осуществляться в аспекте учёта экологических интересов общества. Популяризация экологически безопасного транспорта (троллейбусы, автомобили, работающие на газомоторном топливе) является наиболее эффективным решением региональных экологических проблем.

Эффективное решение вышеперечисленных проблем невозможно без логически выстроенной модели управления транспортно-логистическим комплексом. В настоящее время оптимизация государственного управления не должна осуществляться на основе лишь сокращения государственного аппарата в ущерб качеству управленческого воздействия. Упразднение организационных структур управления, в том числе в сфере транспорта,

приведёт к разбалансированности транспортно-логистической системы региона. Система управления занимает центральное место в структуре транспортно-логистической системы региона, определяет работу общественного транспорта, а также регламентирует, координирует и контролирует грузовые перевозки. В процесс управления транспортно-логистическим комплексом в современных условиях активно внедряются интеллектуальные контрольные системы с целью повышения эффективности мультимодальных перевозок, повышения производительности и качества транспортного обслуживания, уменьшения экологического ущерба [6]. Автоматизация процесса управления транспортно-логистическим комплексом будет способствовать повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности территории, предприятий региона благодаря более активному включению в межрегиональные и международные системы поставок и пассажиропотоков, интеграции разных видов транспорта.

Таким образом, в целях повышения эффективности использования имеющегося потенциала и развития транспортно-логистической инфраструктуры приоритетными направлениями транспортной системы должны стать:

- обеспечение эффективного функционирования экономики, прежде всего, за счёт повышения плотности транспортной сети (железнодорожных линий, автомобильных дорог регионального и местного значения) и снижения удельных транспортных издержек;

- решение гуманитарных и социальных проблем посредством повышения транспортной мобильности населения;

- повышение качества предоставления транспортных услуг;

- совершенствование системы управления транспортно-логистическим комплексом региона.

Источники и литература

1. **Борисевич В. И., Гейзлер П. С., Фатеев В. С.** Экономика региона: учеб. пособие. – Минск: БГЭУ, 2002. – 432 с.
2. **Бураков В. И.** Международные логистические системы. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 174 с.
3. **Железнов Д. В., Леонова С. А.** Развитие транспортно-пересадочных узлов // Транспортно-логистическая интеграция Забайкальского края в условиях российско-китайско-монгольского трансграничья: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Чита, 22 апр. 2016 г.) / под науч. ред. Л. Б. Ковальчук. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – С. 56–61.
4. **Криклевская Л. Ю.** Перспективы развития транспорта и связи в Забайкальском крае // Проблемы экономики, социальной сферы и права: материалы XIV Региональной науч.-практ. конф. – Чита, 2015. – С. 101–113.
5. **Палкин Д. Д.** Перспективные направления развития автомобильных дорог приграничных территорий. Транспортно-логистическая интеграция Забайкальского края в условиях российско-китайско-монгольского трансграничья: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Чита, 22 апр. 2016 г.) / под науч. ред. Л. Б. Ковальчук. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – С. 132–137.

6. Печерская О. А. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры субъекта РФ как фактор экономического роста (на примере Воронежской области): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Воронеж, 2016.

7. Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края до 2030 года.

8. Транспортная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.04.2017).

9. Чита стала 47-й в топ-50 городов России по количеству легковых автомобилей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chita.ru/news/71118/> (дата обращения: 12.04.2017).

УДК 621.039(571.55)

ББК У305.9(2Рос-4Чит)

Анна Геннадьевна Бондарева,

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Роль атомной промышленности в социально-экономическом развитии Забайкальского края

В статье представлен анализ воздействия атомной промышленности на социально-экономическое развитие Забайкальского края, дан общий обзор социально-экономической обстановки в регионе. Автор приходит к выводу, что сегодня можно констатировать наличие общемировой тенденции к увеличению доли атомной энергии в процессе выработки электричества. Особое внимание акцентируется как на позитивных – повышение экономического благосостояния края, выполнение крупнейшими промышленными предприятиями социальных функций, так и негативных – обострение экологических проблем, рост структурной безработицы в моногородах – аспектах влияния горнодобывающей промышленности на жизнь региона.

Ключевые слова: атомная промышленность, социально-экономическое развитие, социально-экономические показатели, социально-значимые функции, экологическая обстановка, экологический мониторинг, ОАО «ППГХО»

Anna G. Bondareva,

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

The Role of Nuclear Industry in Socio Economic Development of Zabaikalsky Krai

The article is devoted to an analysis of nuclear industry's influence on the socio-economic development of Zabaikalsky Krai. It also presents an overview of the socio-economic situation in the region. The author comes to the conclusion that today there is a global trend towards increasing the proportion of nuclear energy in the process of electricity generating. Specific attention is focused on positive aspects of mining sector's impact on the region (the growing economic prosperity of the district, the implementation of social functions by the largest industrial enterprises) and negative ones (environmental problems escalation, the growth of structural unemployment in monocities).

Keywords: nuclear industry, socio-economic development, socio-economic indicators, social functions, environmental conditions, environmental monitoring, JSC "PIMCU"

Согласно статистическим данным МЭА, вес атомной энергии среди традиционных источников энергии (нефть, газ, уголь, атомная и гидроэнергия) увеличился с 0,9 % в 1973 году

до 5,8 % в настоящее время. Наиболее активно развивают мирный атом такие крупные игроки на международной арене, как Китай, Россия, Индия, некоторые европейские стра-

ны – Великобритания, Франция; бесспорным лидером атомной энергетики остаются США [7, с. 623; 8, с. 172]. Корпорация Росатом в 2006 году заявила о необходимости увеличить долю атомной энергетики с 16 % в 2000 до 25 % в 2020 году [9]. Всё это позволяет говорить о наличии общемировой тенденции к повышению доли атомной энергии в процессе выработки электричества. Следует обратить внимание на тот факт, что добычу необходимого для работы АЭС урана ведут всего лишь 28 стран, при этом 90 % месторождений приходится только на 10 из них. По доказанным запасам урана – 487 000 т (9,15 % общемировых) – Россия занимает третье место после Австралии и Казахстана. По объёмам добычи наша страна входит в десятку мировых лидеров с долей 13,68 % от общемирового. Большая часть разрабатываемых месторождений урана находится на территории Забайкальского края: только Аргунское месторождение даёт до 93 % от общероссийского объёма добычи [5].

С одной стороны, атомная промышленность, безусловно, является положительным фактором для развития региона. Так, бывший губернатор Р. Гениатулин подчёркивал, что ориентация Москвы на увеличение доли атомной промышленности будет стимулировать производство урана в крае, что, в свою очередь, запустит процессы развития всего агропромышленного комплекса. Это впоследствии поможет региону выйти из числа дотационных и самому обеспечивать хотя бы минимальные потребности (на данный момент порядка 40 % в консолидированном бюджете субъекта приходится на дотации из федерального центра) [9]. С другой стороны, добыча урана вызывает ряд серьёзных экологических проблем, связанных, прежде всего, с неблагоприятной радиационной обстановкой в крае, а также социально-экономические трудности в моногородах. Целью данной статьи является раскрытие характера воздействия атомной промышленности на социально-экономическое развитие региона, как в исторической ретроспективе, так и в настоящее время.

По сравнению с остальными регионами Забайкалье показывает невысокий уровень социально-экономического развития. Так, по данным на декабрь 2015 года в рейтинге по уровню жизни среди всех субъектов Российской Федерации край занял 74-е место, такую же позицию сохранил по уровню экономического развития, по средней продолжительности жизни Забайкалье находится на 77-м месте с показателем – 67 лет. Значительно лучше выглядит результат по экономической динамике

– 52-е место [3]. Также наблюдается рост доходов на душу населения: по номинальным показателям они уступают среднероссийским, но опережают по темпам роста. Размер среднемесячной начисленной заработной платы в 2007 году составлял 12 161 р., а за 2016 год – 32 785,4 р. Удалось значительно понизить уровень безработицы (с 20 % в 1999 г. до 10,8 % в 2016), хотя он по-прежнему намного превышает средние показатели по России – 5,4 % [1]. Можно сделать вывод, что в целом, продолжая значительно уступать большинству регионов по уровню жизни, Забайкалье демонстрирует улучшение основных социально-экономических показателей с начала XXI века.

Различные виды деятельности в регионе имеют неодинаковые темпы роста. Так, горнодобывающая промышленность стабильно увеличивает объёмы производства на 4–7 % в год. Она же составляет значительную долю в ВРП – свыше 57 %. Наиболее высокие темпы роста заработной платы отмечаются в «добыче топливно-энергетических полезных ископаемых» (122,7 %), эта же отрасль стабильно остаётся самой высокооплачиваемой в регионе: заработная плата превышает среднекраевые показатели в 1,7 раза [6, с. 3–6]. Горнодобывающая отрасль часто выступает локомотивом развития смежных отраслей, например, машиностроительной: завод горного оборудования, находясь в сложном финансовом положении, включился в импортозамещение и в 2015 году выпустил опытные образцы горнодобывающего оборудования, которые успешно прошли испытание [2, с. 173–177]. Всё это подтверждает существенную роль горнодобывающей промышленности, частью которой является и добыча уранового сырья, в стимулировании экономического прогресса региона.

Становление атомной промышленности Забайкальского края неразрывно связано с развитием самого края. Обнаружение нового месторождения и начало его разработки влекли за собой возникновение поселения. Одновременно со строительством предприятия и введением новых мощностей шло развитие инфраструктуры: строились жилые дома, ширилась сеть школьных, медицинских, культурных, спортивных, бытовых и торговых учреждений, увеличивалось число жителей, поселение превращалось в город. Именно по такой схеме происходило развитие города Краснокаменска – сейчас второго по величине (после Читы) города края с населением 53 242 чел. на 2016 год. История крупнейшего в России уранодобывающего предприятия – ОАО «ППГХО» – началась в 1948 году, когда было открыто первое урано-

вое месторождение «Мраморное». В ходе последующих геологоразведочных работ в 1960-е годы были обнаружены другие месторождения: «Красный Камень», «Тулукуевское», «Пятилетнее», «Новогоднее», «Юбилейное» и т. д. В ноябре 1967 года с изданием приказа № 0808с Минсредмаш СССР началось создание Приаргунского горно-химического комбината (ПГХО) для разработки урановых месторождений Стрельцовского рудного поля (названного так в честь своего первооткрывателя). Так как регион на тот момент представлял собой необжитую и экономически неосвоенную степь, то строительство приходилось вести в условиях отсутствия местных трудовых ресурсов, путей сообщения, энергетических мощностей. Поэтому одновременно с работами по постройке комбината прокладывались автомобильные и железные дороги, появлялась жилая застройка, сооружались объекты культуры. Первоначально возникшее на месте геологоразведочных работ поселение в 1964 году получило статус посёлка, а с 1966 года на месте посёлка Октябрьский началось строительство города Краснокаменска. В 1968 году был построен 120-квартирный дом, положивший начало первому микрорайону. Для коммунального обслуживания населения тогда же появились котельная, насосная станция и электростанция. Одновременно строились школы, детские дошкольные учреждения, столовые, магазины; в конце 1960-х годов были открыты первый клуб «Горизонт» и первый городской стадион. Уже к ноябрю 1969 года была введена в эксплуатацию железная дорога Краснокаменск – Харанор, обеспечившая своевременную доставку грузов и ускоренное строительство ПГХО. С 1973 года началось пассажирское сообщение. Ещё в 1968 году в посёлке Октябрьский были открыты больница, поликлиника, аптека, фельдшерский пункт и санэпидстанция (СЭС). В 1975 году в Краснокаменске начали функционировать городская больница, поликлиника, детская поликлиника, стоматология, центральная аптека и СЭС. В 1973 году в городе открылся ДК «Строитель», а в 1984 году комбинатом был выстроен новый ДК «Даурия». Первых отдыхающих санаторий «Горняк», находящийся в 7 км от города, принял в 1983 году (сейчас он входит в состав ОАО «ППГХО»). В апреле 1976 года на базе комбината было создано государственное профессиональное училище № 11 для подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для нужд ПГХО, начавшее свою работу в октябре 1977 года. Сейчас ПУ № 11 – одно из крупнейших в регионе учреждений начального

профессионального образования [4, с. 218–248]. Таким образом, именно атомная промышленность послужила импульсом к развитию Забайкальского края. Строительство предприятий влекло за собой возникновение посёлков и городов, что постепенно превращало необжитую степь в экономически развитую и хозяйственно освоенную территорию.

Сегодня ОАО «ППГХО» остаётся градообразующим предприятием, обеспечивающим рабочими местами более 9 тыс. жителей Краснокаменска. Поэтому объединение уделяет большое внимание благоустройству города, выделяет значительные средства на проведение культурно-массовых и спортивно-оздоровительных мероприятий. «ППГХО» осуществляет финансирование двух детских оздоровительных лагерей и ряда спортивных сооружений. Предприятие получило диплом победителя всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности» в 2002 году. Объединение заинтересовано в поддержании высокого уровня благосостояния своих работников. На настоящий момент комбинат добывает более 2000 т урана в год, что составляет 70 % от всего объёма урана, производимого в России [4, с. 218–248]. В дальнейшем предприятие намерено увеличивать объёмы выпускаемой продукции: осуществляется программа техперевооружения и ремонта оборудования. К 2021 году планируется ввести в эксплуатацию строящийся на базе Аргунского и Жерлового месторождений рудник № 6, что создаст новые рабочие места и увеличит поступления в бюджет края [2, с. 174]. ОАО «ППГХО», являясь крупнейшим горнодобывающим предприятием Забайкальского края, вносит существенный вклад в социально-экономическое развитие не только региона, но и всего Забайкалья в целом.

Но активное развитие атомной промышленности сопряжено с рядом негативных явлений, прежде всего, ухудшением экологической обстановки. Несмотря на все существующие средства защиты, определённая доля радиоактивных элементов всё же проникает в окружающую среду. Это приводит к перманентному облучению населения малыми дозами и, в свою очередь, увеличивает риски возникновения генетических и онкологических заболеваний. Не менее важной является проблема захоронения радиационных отходов [8, с. 172–173]. Поддержанию неудовлетворительного состояния атмосферного воздуха способствуют климатические особенности Забайкалья: так как регион находится в зоне действия сибирского антициклона, то господствующая

штилевая погода мешает вредным выбросам рассеиваться, что приводит к высокому уровню загрязнения при небольшой доле удельных выбросов. Всё это заставляет правительство края уделять существенное внимание решению экологических проблем.

Регулярно производится оценка радиационной обстановки в крае путём определения числа радионуклидов в приземных слоях атмосферы, открытых водоёмах, почве, а также мощности гамма-излучения на местности. В 2015 году в состав сети радиационного мониторинга в регионе входили: 33 пункта по измерению мощности экспозиционной дозы (МЭД) гамма-излучения, 13 – по отбору проб атмосферных выпадений и 1 пункт по отбору проб аэрозолей из приземного слоя атмосферы. Согласно полученным данным МЭД гамма-излучения колебалась в пределах естественного радиационного фона – 6–20 мкР/ч [2, с. 162–166]. На реализацию различных экологических программ правительство Забайкалья выделяет значительные финансовые средства: по данным 2015 года на эти цели было затрачено 70,6 млн р. Для просвещения населения и повышения уровня экологического образования в крае проводятся различные экологические акции: открытые уроки и занятия в школах, экомероприятия в детских садах, конкурсы сочинений и поделок, экологические игры и эстафеты. Край осуществляет активное межрегиональное и международное сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды [2, с. 181–214].

Но ответственность за обеспечение экологической безопасности лежит не только на органах власти и населении. Предприятия атомной промышленности также стараются минимизировать негативное воздействие на экологическую обстановку региона. Так, при ОАО «ППГХО» действует система экологического мониторинга, оценивающая состояние атмосферного воздуха, почвы, подземных и питьевых вод. Поддержание допустимого уровня радиации в атмосфере, почвах, воде обеспечивается за счёт складирования низкоактивных твёрдых отходов в специально оборудованные хранилища, очистки от радионуклидов шахтных вод. Комбинат был построен с учётом розы ветров таким образом, чтобы загрязнение промышленными выбросами атмосферы Краснокаменска, находящегося в 15 км от предприятия, было невозможно. Содержание в атмосфере города радионуклидов уранового ряда не превышает допустимых фоновых значений. На «ППГХО» большое внимание уделяется обеспечению безопасных условий труда персонала, особенно при добыче и переработке урансодержащих руд. Для умень-

шения поступления в рабочее пространство рудников наиболее радиационного радона применяется система искусственного общешахтного проветривания. Обеспечение радиационной защиты рабочих при добыче урана достигается путём использования высокотехнологичной самоходной забойной техники с защищёнными кабинами операторов, позволяющей снижать дозовый уровень облучения в два-три раза. Также широко применяются средства индивидуальной защиты органов дыхания [4, с. 218–248]. Таким образом, всеобщее понимание экологической опасности и консолидированные усилия государства, бизнеса и граждан позволяют минимизировать ущерб окружающей среде от промышленной деятельности и относительно успешно справляться с экологическими вызовами.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в целом атомная промышленность играет положительную роль в социально-экономическом развитии Забайкальского края. Уранодобывающие предприятия региона являются крупнейшими работодателями, плательщиками налогов, нередко выступают локомотивами для развития других отраслей промышленности, вносят существенный вклад в ВРП. Тесную взаимосвязь между состоянием отрасли и экономическим развитием региона в целом доказывает тот факт, что после экономического коллапса 1990-х годов именно реанимирование уранодобывающих предприятий, строительство и запуск новых шахт, способствовало улучшению экономической обстановки в регионе. Промышленные объединения выполняют социально-значимые функции – инвестируют в благоустройство городов, строительство объектов социальной инфраструктуры, поддерживают на достойном уровне заработные платы работникам.

Но необходимо отметить и негативные тенденции, связанные с атомной промышленностью. Так, в моногородах нередко возникает структурная безработица. Город Краснокаменск и пос. Первомайский (ООО «ЗабГЭК»), например, отнесены в 1-ю категорию монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации с наиболее сложным социально-экономическим положением, на основе таких показателей, как численность безработных граждан, уровень регистрируемой безработицы, численность работников, предполагаемых к увольнению с градообразующего предприятия [6]. К числу «минусов» атомной промышленности следует отнести экологические риски, хотя руководство края уделяет огромное внимание регулированию природопользования и защите окружающей среды.

Источники и литература

1. **Безработица в России** [Электронный ресурс] // PERSON-AGENCY. – Режим доступа: <https://www.person-agency.ru/statistic.html> (дата обращения: 24.03.2017).
2. **Доклад об экологической ситуации в Забайкальском крае за 2015 год** [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов Забайкальского края. – Режим доступа: http://www.xn--h1aakfkgb.xn--80aaaac8algcbgcbck3fl0q.xn--p1ai/OOS/ekologicheskaya_situaciya.html (дата обращения: 24.03.2017).
3. **Забайкалье заняло 74 место по уровню жизни населения** [Электронный ресурс] // ЗАБ-MEDIA. – Режим доступа: https://www.zab.ru/news/81849_zabajkale_zanyalo_74_mesto_po_urovnyu_zhizni_naseleniya (дата обращения: 29.12.2016).
4. **Нестеров Ю. В., Петрухин Н. П.** Сырьевая база атомной промышленности. События, люди, достижения / под ред. Н. П. Петрухина. – М.: Атомредметзолото, 2015. – 286 с.
5. **Основные данные о добыче урана в России и мире** [Электронный ресурс] // PromTu.ru. Промышленный портал. – Режим доступа: <http://www.promtu.ru/dobyicha-resursov/dobyicha-urana-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 09.02.2017).
6. **Прогноз социально-экономического развития Забайкальского края на 2017 год и плановый период 2018–2019 годов** [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Забайкальского края. – Режим доступа: http://www.xn--h1aeebdbgb5k.xn--80aaaac8algcbgcbck3fl0q.xn--p1ai/strategicheskoe_planirovaniya_i_makroekonomicheskoe_prognostirovanie/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_zabaykalskogo_kraya.html (дата обращения: 09.02.2017).
7. **Торкунов А. В., Мальгин А. В.** Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – 668 с.
8. **Цыганков П. А.** Международные отношения и мировая политика: учебник. – М.: Юрайт, 2016. – 292 с.
9. **Читинская область может заработать на развитии атомной энергетики** [Электронный ресурс] // REGNUM. – Режим доступа: <https://www.regnum.ru/news/577969.html> (дата обращения: 24.01.2017).

УДК 332.1(571.54/.55)

ББК У050.2(253.57)

Николай Иванович Атанов,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

«Зелёное» развитие Забайкалья: прожект или реальность?¹

На основе анализа причин упадка в агроэкономике в Республике Бурятия и сельских территорий Забайкальского края предложен переход на «зелёное» развитие Забайкалья с приоритетом животноводства, базирующегося на этноэкономике коренного населения.

Ключевые слова: Забайкалье, «зелёная» экономика, этноэкономика, стратегическое развитие, интеграция

Nikolai I. Atanov,

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

“Green” Development of Transbaikalia: Project or a Reality?

Based on the analysis of the causes of the decline in the agricultural economy in the Republic of Buryatia and rural areas in Zabaykalsky Krai the proposed transition to “green” development of Transbaikalia priority livestock based on the ethnical economy of the indigenous population.

Keywords: Transbaikalia, green economy, ethnical economy, strategic development, integration

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 17-22-03003).

Прошедшие 15 лет начала XXI века для аграриев Республики Бурятия (РБ) характеризуются упадком в объёмах производимой продукции и архаизацией способов ведения сельского хозяйства, что отражено в таблице. Положительная динамика валовой продукции (рост на 379 %) является следствием ценового роста. Больше всех пострадало растениеводство, а в его структуре – зерновое хозяйство: сокращение производства зерновых культур более чем в 8 раз – яркое тому свидетельство. А за 25 лет (начиная с 1990 года) производство зерна снизилось в 18 раз, т. е. практически зерновое хозяйство в Республике на грани полного свёртывания.

В животноводстве наилучшая динамика в мясном секторе, хотя рост за 15 лет в 1,2 раза говорит о низких среднегодовых темпах прироста (1,4 %). Ещё более низкие приростные характеристики в яичном птицеводстве, а молочное стадо Республики и вовсе показывает абсолютное сокращение производства молока на 11 %.

Численность работающих резко сократилась в период между 2000 и 2005 годами (на 17 тысяч) с дальнейшим небольшим приростом к 2010 году на 800 чел. и ещё на 3,8 тысяч к 2015 году. Однако до восстановления прежней численности работающих в 2000 году необходимо ещё 12,4 тыс. чел.

Об архаичности технологий и организации производства свидетельствует соотношение объёмов производимой продукции в хозяйствах с различной организационно-правовой формой.

В обобщённом показателе валовой продукции на долю личных подворий в 2015 году приходилось 62 %, против 74 % в 2000 году, за счёт изменения динамики в крестьянских хозяйствах с 4 % в 2000 году до 11,7% в 2015 году и в сельскохозяйственных организациях с 21 до 26,4 %, соответственно.

Снижение доли личных подворий в производстве продукции объясняется их абсолютным сокращением. Если в 2010 году количество семейных хозяйств равнялось 156 тыс., что в 2015 году их стало 121,6 тыс. (78 %). Если в 2000 году одно личное подворье давало 22,4 тыс. р. валовой продукции, то в 2015 году – 90,5 тыс., рост в 4 раза, при общем росте валовой продукции за этот период в 3,8 раза.

Понятно, что зернопроизводство – это предмет деятельности крупных хозяйств, а не личных подворий. Зато в других секторах без преувеличения можно утверждать, что в рыночных условиях сельское хозяйство Бурятии

существует благодаря трудолюбию сельских жителей, которые за счёт своих физических усилий поддерживают существующие объёмы производства мяса, молока, картофеля и овощей. Похожая ситуация в соседнем Забайкальском крае [8, с. 36–54; 4, с. 55–69].

Таким образом, сложившуюся депрессивную ситуацию в сельском хозяйстве РБ можем объяснить тремя причинами: убыванием сельского населения (фактор труда), обострённым дефицитом инвестиционных ресурсов (фактор капитала). При таком раскладе бесхозным остаётся третий фактор – земля. Огромное пространство от горной Оки Республики Бурятия, граничащей с Республикой Тыва, до Моготуй на границе с Амурской областью, представляет собой северо-восточную оконечность Великой степи (по Л. Гумилеву), обезлюденную и обескотиненную запущенную двухтысячекилометровую территорию, ожидающую своего рационального применения. Третья причина общесистемная. Страна оказалась в институциональной ловушке. Россияне на протяжении последней четверти века являются свидетелями многих сотен конференций, симпозиумов, форумов (Байкальского, Красноярского, Сочинского, Московского, Санкт-Петербургского и т. д.), посвящённых вопросам развития экономики, с правильными резолюциями и рекомендациями. Но все они ничтожно мало капитализируются в управленческие решения и практические дела. Совершенно неудовлетворителен КПД принятых федеральных и региональных программ развития. Причина может быть только одна – неработающие институты.

В этих условиях остроты проблемы и по этой причине невозможности выжидательной позиции относительно институциональных перемен, регионам необходимо самостоятельно искать пути возрождения местных экономик. Лучшим путеводителем, в условиях трудо- и капиталодофицита, является обращение внимания к своим истокам, к этноэкономике.

Природная и ландшафтная однородность Забайкалья, характеризующаяся низкой продуктивностью степных агроценозов из-за суровых погодных-климатических условий, предопределили на протяжении тысячелетий хозяйственную специализацию местных аборигенов – кочевое животноводство с особым, экологобезопасным способом использования пастбищ и сенокосов [7, с. 116].

Попытки перевести сельское хозяйство на индустриальные принципы в XX веке, без учёта естественных факторов конкретных территорий, не могли принести успеха и провали-

лись. Неудавшийся опыт подсказывает, что необходимо возрождать этноэкономику, исторически адаптированную к природно-климатическим и экологическим условиям Забайкалья.

Функционал этноэкономики многогранен: на неё мало влияют внешние вызовы в виде кризисов, она экологична и сбалансирована с законами природы, поэтому её продукция обладает высокими потребительскими свойствами, в отличие от аналогов, произведённых по интенсивным технологиям. Кроме того, она базируется на возобновляемых источниках и ресурсах, поэтому вечна и к тому же малозатратна (при наличии достаточных площадей пашни, сенокосов, пастбищ, лесов и водоёмов). Единственный её недостаток – невысокая продуктивность. Но это спорный вопрос, особенно если сравнить значимость качественных характеристик на единицу массы/веса продукции, произведённой по экстенсивной и интенсивной технологиям.

В то же время необходим новаторский подход с использованием достижений научно-технического прогресса, интегрируя исторический капитал хозяйственного уклада прошедших эпох с инновационным капиталом современности. Достижение своего рода баланса между преемственностью и новаторством, которые будут составлять разные стороны единого курса на стратегическое развитие, позволит изменить способы взаимодействия с окружающей средой – с одной стороны, обеспечить требуемые экономические результаты – с другой.

Предстоит изменить вектор движения в направлении от физической силы природно-ресурсной экономики к умной силе экономики знаний, в том числе «зелёной» экономики. «Соединительной тканью» является идентичность принципов устойчивого развития этноэкономики и «зелёной» экономики, непротиворечивость и сопряжённость с духовно-культурными ценностями Забайкальского полиэтнического сообщества. Поэтому вполне оправдано утверждение курса на «зелёное» развитие экономики, прежде всего аграрной, в качестве бренда, движущей силы экономического и духовного возрождения народонаселения Забайкалья с опорой на их традиции, прагматизм, трудолюбие и культурные ценности [3, с. 113–114].

Фокус на приоритет в «зелёном» развитии агроэкономики исходит из того, что «исход борьбы за устойчивое долговременное развитие (по Г. Мюрдалю) будет решаться в аграрном секторе» [9].

Ориентиром в развитии животноводства – ведущей отрасли сельского хозяйства, являет-

ся Монголия со схожими историей, ландшафтами, климатом, культурой хозяйственного уклада. На 01.01.2017 года общее поголовье скота в соседней стране составляло 62 млн голов. На душу населения (из 3 млн) приходится 20,6 головы, а на 1 км² (из 1500 тыс.) – 41 голова. В Республике Бурятия аналогичные показатели следующие: 0,8 головы на одного жителя и 2,5 головы на 1 км². При подстановке монгольских показателей на бурятскую статистику виртуальное поголовье скота составит: 20,2 млн голов при удельном значении 20,6 гол./чел. и 14,4 млн голов при удельном значении 41 гол./км². Как видим, резервы впечатляющие. С учётом коэффициента урбанизации и удельного веса труднодоступных территорий для пастбищного скотоводства в Бурятии, реальный резерв увеличения поголовья скота находится в пределах 6–7 млн голов, против 760 тыс. (без учёта свиней) в настоящее время. Такие же расчёты с высокой репрезентативностью можно ретранслировать и на Забайкальский край.

Животноводство – это не только мясо, молоко, шерсть, кожевенное и шубное сырьё. Как основа жизнедеятельности монгольских народов занятие животноводством является средством воспитания подрастающего поколения, непременным сегментом уклада народов кочевых цивилизаций с разветвлённой отраслевой структурой. Из-за экологичности и оздоравливающего эффекта кумыс, козье молоко, а также стеганые изделия из верблюжьей, ячьей, овечьей шерсти, кашемировый трикотаж из козьего, ячьего и верблюжьего пуха и т. п. не имеют конкурентов на современном глобальном и локальных рынках.

Возможность подготовки межрегиональной Стратегии законодательно закреплено в Законе Российской Федерации от 28.06.2014 г. № 172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации (статья 21) [5].

Заметим, что аналогичную стратегическую двухсубъектную проработку в терминах «зелёного» развития следует осуществить и в сферах лесного хозяйства и лесной промышленности, развития и вовлечения в коммерческий туристско-бальнеологический оборот лечебных минеральных источников, коими богато Забайкалье (свыше 300 в РБ и около 300 в Забайкальском крае), развитие топливной промышленности и энергетики, совместное хозяйственное освоение северных территорий, развитие приграничных территорий и сотрудничества с регионами соседних стран и т. д. В качестве пилотного выступит «зелёное» развитие традиционного животноводства.

Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество

Показатели развития сельского хозяйства Республики Бурятия за 2000–2015 гг.

Показатели	Ед. изм.	2000 г.		2005 г.		2010 г.		2015 г.		2015 г. в % к:		
		кол-во	уд. вес, %	кол-во	уд. вес, %	кол-во	уд. вес, %	кол-во	уд. вес, %	2000 г.	2005 г.	2010 г.
1. Валовая продукция, всего	млрд р. в д. ц.	4,7	100	9,1	100	10,6	100	17,8	100	379	196	168
В т. ч.: с/х организации	тыс. т	1,0	21,0	1,2	13,0	2,2	20,7	4,7	26,4	470	224	214
КФХ	тыс. т	0,2	4,0	0,3	3,5	0,6	6,1	2,1	11,7	10,5 раз	700	350
Население (ЛПХ)	тыс. т	3,5	74,0	7,6	83,5	7,8	73,2	11,0	61,9	314,0	145,0	141,0
2. Производство зерна, всего	тыс. т	179,1	100	83,0	100	72,4	100	21,4	100	-8,4 п.	-3,9 п.	-2,9п.
В т. ч.: с/х организации	тыс. т	173,4	97,0	77,5	93,3	62,8	86,7	16,4	76,6	-10,5п.	-4,7 п.	-3,8п.
КФХ	тыс. т	5,6	3,0	5,0	6,0	9,0	12,4	5,0	23,4	89,0	100	55,5
Население (ЛПХ)	тыс. т	0,1	-	0,5	0,7	0,6	0,9	-	-	-	-	-
3. Производство картофеля, всего	тыс. т	153,1	100	223,2	100	164,7	100	133,2	100	87,0	59,6	81,0
В т. ч.: с/х организации	тыс. т	4,0	2,5	4,7	2,1	10,0	6,0	14,8	11,0	370	315	148,0
КФХ	тыс. т	4,0	2,5	2,0	1,0	5,5	3,3	4,3	3,0	107	215	78,0
Население (ЛПХ)	тыс. т	145,1	95,0	216,5	96,9	149,2	90,7	114,1	86,0	79,0	52,7	76,4
4. Производство овощей, всего	тыс. т	66,2	100	104,3	100	46,5	100	55,4	100	84,0	53,1	119,0
В т. ч.: с/х организации	тыс. т	5,0	7,5	8,0	7,6	6,5	14,0	11,5	20,7	230,0	143,7	177,0
КФХ	тыс. т	1,4	2,1	3,8	3,4	2,8	6,0	3,3	5,9	236,0	87,0	118,0
Население (ЛПХ)	тыс. т	59,8	90,4	92,5	89,0	37,2	80,0	40,6	73,4	68,0	44,0	109,0
5. Производство молока, всего	тыс. т	231,3	100	223,9	100	229,5	100	205,6	100	89,0	92,0	89,5
В т. ч.: с/х организации	тыс. т	26,0	11,0	20,5	9,0	16,0	6,9	11,9	5,7	46,0	58,0	74,0
КФХ	тыс. т	7,0	3,0	7,9	3,5	7,5	3,1	6,6	3,3	94,0	83,0	88,0
Население (ЛПХ)	тыс. т	198,3	86,0	195,5	87,5	206,0	90,0	187,1	91,0	9,4	96,0	90,8
6. Производство мяса (в живом весе всех видов), всего	тыс. т	56,8	100	52,0	100	49,9	100	68,8	100	121,0	132,0	138,0
В т. ч.: с/х организации	тыс. т	11,2	19,7	6,5	12,5	8,0	16,0	24,5	35,6	124,0	377,0	306,0
КФХ	тыс. т	1,5	2,6	1,9	3,6	2,0	4,0	4,3	6,2	287	226,0	215,0
Население (ЛПХ)	тыс. т	44,1	77,7	43,6	83,9	39,9	80,0	40,0	58,2	91,0	91,0	100
7. Производство яиц, всего	млн шт.	80,0	100,0	62,7	100	64,9	100	84,7	100	105	135	130
В т. ч.: с/х организации	млн шт.	60,0	75,0	37,0	59,0	45,0	69,3	56,8	67,0	95,0	153	126
КФХ	млн шт.	0,5	0,6	0,4	0,7	0,5	0,9	6,2	7,0	12,4 раз	15,5 раз	12,4 раз
Население (ЛПХ)	млн шт.	19,5	24,4	25,3	40,3	19,4	29,8	21,7	26,0	111,0	85,7	112,0
8. Количество занятых, всего	тыс. чел.	56,6	100,0	39,6	100	40,4	100	44,2	100	78,0	111,6	109,0
В т. ч.: с/х организации	тыс. чел.	23,1	40,8	10,5	26,5	4,9	12,0	3,0	6,8	-7,7п.	-3,5п.	61,0
КФХ	тыс. чел.	2,8	5,0	2,5	6,3	2,6	6,4	1,8	4,0	64,0	72,0	69,0
Население (ЛПХ)	тыс. чел.	30,7	56,2	26,6	67,2	32,9	81,6	39,4	89,2	128,0	148,0	120,0
9. Количество личных подворных хозяйств	тыс. ед.	156	100	156	100	121,6	100	121,6	100	78	78	100

Источник: отчётные данные Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия.

Порядковое приращение поголовья скота за счёт только собственных ресурсов растянется во времени более чем на полвека. Необходимы внешние источники. Механизмом их привлечения может стать межрегиональное сотрудничество с аймаками Монголии и Внутренней Монголии Китая в рамках реализации трёхсторонней программы развития экономического коридора Китай – Монголия – Россия дал сопряжение проектов Евразийского экономического союза и Экономической зоны Великого Шёлкового пути Китая [6]. При таком рас-

кладе синергетический интеграционный эффект получат все три участника проекта. Сферами интеграционного сопряжения станут научные исследования, племенное дело, обеспечение общего эпизоотического благополучия, зоотехнические и другие направления сотрудничества, на вершине которых коммерческое взаимодействие по овладению конкурентного превосходства на Евразийском общем рынке с экологически чистой и биологически активной продукцией животного происхождения [2, с. 87].

Источники и литература

1. Алтухов А. И., Нечаев В. И., Порфирьев Б. Н. «Зелёная» агроэкономика / под ред. Б. Н. Порфирьева. – М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2013. – 247 с.
2. Атанов Н. И. Российско-Евразийский транзит Экономической зоны Великого Шёлкового пути // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 78–87.
3. Атанов Н. И., Янтранов А. Е. Потенциал «зелёного развития» Республики Бурятия // ЭКО. – 2015. – № 11. – С. 111–119.
4. Башкуева Е. Ю., Атанов Н. И. Потенциал сотрудничества приграничных муниципальных образований Забайкальского края и сопредельных территорий Китая (Приаргунский и Забайкальский районы) // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 55–69.
5. Закон Российской Федерации от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации (с изм. и доп.).»
6. Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minpromtorg.govrb.ru/rus-ch-mn.pdf> (дата обращения: 21.03.2017).
7. Тулохонов А. К. Политическая география Северной Азии в условиях глобализации. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2014. – 256 с.
8. Фадеева О. П. Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (заметки социолога) // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 36–54.
9. Myrdal G. Economic Theory and Under-developed Regions. – London, 1957.

УДК 327(571:510)
ББК Ф4(2Рос-5Кит)

Сергей Александрович Филонич,
АО «Региональное управление строительства»,
г. Чита, Россия

Сотрудничество со строителями из КНР у АО «РУС»: опыт и перспективы

Статья посвящена анализу опыта сотрудничества со строителями из КНР у АО «РУС» в XXI веке, преодолению негативных последствий инициативы губернатора Забайкальского края К. К. Ильковского в 2014–2015 годах, и действий Федерального закона от 20.04.2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”», а также перспективах дальнейшего развития партнёрских отношений в строительной отрасли.

Ключевые слова: сотрудничество, строительная отрасль, кризис, строители из КНР, партнёрские отношения

Sergey A. Filonich,
JSC "Regional construction management",
Chita, Russia

Collaboration with the Builders from China, Jsc "Rus": Experience and Prospects

This article analyzes the experience of cooperation with the builders from China, JSC "RUS" in the twenty-first century, to overcome the negative consequences of the initiative of the Governor of Zabaykalsky Krai Konstantin Ilkovsky K. K. in 2014–2015., and the Federal law of April 20, 2014 № 74-FZ "On amendments to the Federal law 'On legal status of foreign citizens in the Russian Federation'", and also about prospects of further development of partnership relations in the construction industry.

Keywords: collaboration, construction industry, crisis, construction of the China partnership

Акционерное общество «Региональное управление строительства» (РУС) начало сотрудничать со строителями из КНР ещё в 90-е годы XX века. Тогда РУС участвовал в строительстве нескольких многоэтажных зданий в Маньчжурии. Затем строители из Китая стали постоянными участниками на возведении объектов нашей компании в России. Причём сразу отмечу, это не была какая-то одна компания. Так, с 2002 по 2007 год нашим основным партнёром была фирма ООО «Маньчжурская компания по международному технико-экономическому сотрудничеству». Одновременно в 2006–2007 годах мы сотрудничали с Маньчжурской международной компанией «Восток» с ООО АРВМ. С 2008 по 2015 год нашим основным партнёром стала «Маньчжурская компания по технико-экономическому сотрудничеству с ООО «Синьхай»». Одновременно с 2013 года (и по настоящее время) РУС стал развивать партнёрские отношения с «Наньтунской трудовой компанией ООО «Цзин Тан»». С 2016 года ещё одним нашим партнёром стало ООО «Маньчжурская компания по технико-экономическому сотрудничеству Синьто».

В 2014 году генеральный директор ОАО «РУС» в тот период А. И. Филонич справедливо писал: «Со многими мастерами, бригадирами и инженерами мы работаем многие годы. Например, инженер Се Бинлинь, сегодня являющийся одним из руководителей китайских строителей, работает с нами почти 20 лет» [1, с. 35]. От себя добавлю, что с ним и многими другими китайскими коллегами мы работаем и в настоящее время.

Тогда же со статьёй «Добрые квоты» Александр Иванович выступил в «Российской газете». В ней он эмоционально писал о китайских строителях: «Я бы этим мужикам в Чите памятник поставил. Добросовестные, неприве-

редливые, сколько добра они принесли нашей земле!» [2].

В разные периоды для работ на стройках нашей компании мы привлекали разное количество строителей из КНР. И по прошествии времени ясно видно, что это количество напрямую связано с теми или иными кризисными явлениями, переживаемыми нашим краем. Так, например, в год образования Забайкальского края, когда РУС активно возводил в Чите микрорайон «Октябрьский» и строил ряд других объектов, мы пригласили на наши стройки 639 строителей из КНР. Последующие годы, как известно, были кризисными, что было связано с мировым финансовым кризисом и его последствиями для нашего региона. В 2009 и 2010 годах мы, соответственно, привлекали 402 и 374 строителя из Китая. Потом наступил самый благоприятный период, когда РУС начал строительство микрорайона «Царский» в Чите, ряда других многоэтажных жилых домов, коттеджного посёлка «Чеховский», детских садов в Чите, Краснокаменске и Могойтуйе, торговых центров и общежития ЗабГУ.

В результате в 2011 году мы привлекли на работу 523 строителя из КНР, в 2012 году – 623 специалиста, в 2013 году – 478 и в 2014 году – 552.

Именно 2014 год стал своего рода рубежом, когда в силу ряда причин произошло резкое ухудшение ситуации в строительной отрасли. Сегодня известно, что наряду с тем кризисом, в котором по известным причинам оказалась в этот период Российская Федерация, в Забайкальском крае начался региональный кризис, связанный с ошибками команды губернатора К. К. Илковского. Одновременно уже осенью 2013 года губернатор предложил всем строительным компаниям отказаться от использования в отрасли китайских строителей. Резко против выступил генеральный директор ОАО

«РУС», депутат Законодательного собрания Забайкальского края А. И. Филонич. В октябре 2013 года он выступил на страницах газеты «Забайкальский рабочий» со статьёй, посвящённой позитивному сотрудничеству РУСа со строителями из КНР. «Китайские строители – это подарок судьбы, который на рубеже двух веков получил наш край, – писал Александр Иванович. И со знанием дела пояснял. – В строительном комплексе они заняли прежде всего ту нишу, которую в советские времена занимали либо военные строители, либо заключённые, так называемые “химики”. Все разговоры о том, что они де заняли места российских работников – от лукавого. Не случайно у нас в крае количество вакантных рабочих мест в промышленных предприятиях (и в строительстве в том числе) превышает количество безработных» [3].

Он также пояснил, что если на определённом этапе строители из КНР выполняли значительно большее количество работ на строительстве любого объекта, то постепенно многие работы стали выполнять россияне. «Так, устройство сантехнического и электротехнического оборудования, а также вентиляционных систем, изготовление и установка окон, витражей и дверей, монтаж лифтов осуществляется исключительно российскими рабочими, – писал А. И. Филонич. – Инженерно-технический персонал на стройках – наш, отечественный. Плюс к этому доставка стройматериалов по железной дороге и на автомобильном транспорте – это наша работа, так же, как изготовление железобетонных конструкций и кирпичей. Так что на долю китайских строителей остаётся кладка, монтаж строительных конструкций и частично сварка» [3].

В 2014 году А. И. Филонич выступил на эту же тему со статьёй «Будущее строим вместе» в журнале «Россия и Китай». В ней он подчеркнул: «И, скажу прямо, без таких специалистов в настоящее время просто невозможно было бы решить многие строительные, а значит – и социально-экономические проблемы в Забайкалье» [1, с. 35].

В 2014 году две крупные строительные компании края «Энергожилстрой» и «Радченко» по предложению губернатора К. К. Ильковского пошли на эксперимент и попытались заменить строителей из КНР местными рабочими. Одновременно региональные власти на 2015 год почти в два раза сократили квоту на иностранную рабочую силу. В итоге эксперимент провалился, а ситуация в строительной отрасли резко ухудшилась, дополнительно усугубив региональный кризис.

Одновременно ситуацию дополнительно усугубил вступивший в силу 01.01.2015 года Федеральный закон от 20.04. 2014 года № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”». Согласно этому закону каждый иностранный работник, включая строителей из КНР, должен для получения разрешения на работу в России сдать экзамен на знание русского языка, нашей истории и основ законодательства. Это привело лишь к удорожанию каждого строителя из КНР, что тут же отразилось на стоимости квадратного метра вводимого жилья. Одним из инициаторов изменения этого Закона выступил депутат Законодательного собрания А. И. Филонич. Его поддержали коллеги нашего краевого парламента, обратившиеся в Государственную Думу с инициативой внести изменение в этот закон, освободив от этого требования сезонных работников. Но в Госдуме эта законодательная инициатива поддержки не получила. В августе прошлого года, в ходе избирательной кампании по выборам в Государственную Думу, аналогичный наказ мы дали нынешнему депутату Государственной Думы Н. В. Говорину. Надеюсь, что рано или поздно эти поправки всё же будут приняты.

В результате в 2015 году РУС смог привлечь на наши стройки 202 строителя из КНР, в 2016 году – 167, а весной 2017 года у нас работали лишь 81 человек. В 2015 году РУС завершил работы на объектах микрорайона «Царский» в Чите, который торжественно был сдан в эксплуатацию в 2016 году. В настоящее время мы заканчиваем три высотных здания на улицах Алданская, 11, Бабушкина, 4, Курнатовского, 70. В прошлом году не было заложено ни одного нового жилого дома.

Самым тяжёлым годом в строительной отрасли края будет 2018 год. Дело в том, что в текущем году не только РУС, но большинство других строительных компаний в Чите завершают возведение объектов, начатых в 2014–2015 годах. В прошлом и тем более текущем году заложено крайне мало новых объектов, и уже сегодня можно утверждать, что строительную отрасль края ждут два крайне тяжёлых года – 2018 и 2019. Но, будем надеяться, что этот кризис будет преодолён, строительная отрасль края выйдет на новый этап развития и, соответственно, сотрудничества со строителями из КНР. Наша цель остаётся прежней – позитивно менять в лучшую сторону облик Читы и других городов и посёлков Забайкальского края.

Источники и литература

1. Филонич А. Будущее строим вместе // Россия и Китай. – 2014. – № 14. – С. 35–36.
2. Филонич А. Добрые квоты // Российская газета. – 2014. – 3 июля.
3. Филонич А. Подарок судьбы // Забайкальский рабочий. – 2013. – 18 окт.

УДК 338.45(571.55)

ББК У305.424.5(2Рос-4Чит)

Алексей Викторович Дроботушенко,

Яков Александрович Суходолов,

*Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

**Забайкальский край как ключевое звено в создании
и развитии аэрокосмического кластера на востоке России**

Рассматривается вопрос создания нового центра аэрокосмической промышленности в Забайкальском крае, что окажет положительное влияние на социально-экономическое развитие Забайкальского края за счёт организации производств, направленных на обеспечение потребностей космодрома «Восточный», существующих в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке предприятий авиационной промышленности, а также организации производства экспортной продукции, востребованной в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: СФО, ДФО, Забайкальский край, космодром «Восточный», машиностроение, аэрокосмическая промышленность

Alexey V. Drobotushenko,

Yakov A. Sukhodolov,

*The Ministry of International Cooperation
and Foreign Economic Relations of Zabaikalsky Krai,
Chita, Russia*

**Zabaikalsky Krai as a Key Link in the Creation and
Development of Aerospace Industry on the Russian East**

Currently, the creation of a new Aerospace Industry Center in the Zabaikalsky krai is being taken into consideration. It will bring a positive impact to the social and economic development of the region through the organization of industries aimed at meeting the needs of the Vostochny Cosmodrome. The Aerospace Industry plans to support the aviation industry enterprises in Eastern Siberia and the Far East, as well as the production of export products, which are highly demanded in the Asia-Pacific region.

Keywords: Siberian Federal District, Far Eastern Federal District, Zabaykalsky region, Vostochny cosmodrome, aerospace industry, machine engineering

В настоящее время Забайкальский край находится в сложной социально-экономической ситуации. Причин ухудшения социально-экономического положения края за последние три десятилетия накопилось много, но среди них есть одна, на которую мало кто обращает внимание. В 1998 году прекратил своё существование Забайкальский военный округ с местом дислокации его управления в г. Чите

[3]. Вместе с ЗаБВО край лишился и федерального финансирования, которое шло по линии Министерства обороны России. Следы пребывания управления Забайкальского военного округа ещё сохраняются в Чите, но прежних средств из оборонного бюджета страны в Забайкальский край уже не поступает.

При этом край лишился регионообразующей основы финансирования и перспектив

развития. С ликвидацией ЗаБВО Забайкалье покинули десятки тысяч высококвалифицированных специалистов-офицеров и технических работников, в основном имевших высшее и средне-специальное образование. Вместе с ними выехали их жены, составлявшие костяк сферы образования, культуры и здравоохранения Забайкалья, а также их дети – будущее края.

Мы не должны забывать о печальном опыте с Украиной. Накануне союзным центром инвестициями и территориями, западная окраина страны отпала. Существуют опасения, что теперь та же угроза нависает над восточной окраиной России, получившей только за последние годы значительные бюджетные вливания и имеющей рядом с собой такие экономически развитые страны, как Китай, США, Япония. Для предотвращения такого развития событий требуется прочно связать Дальний Восток с Сибирью и всей Россией, но прежде всего – с Забайкальским краем [7].

Забайкальский край исторически является регионом с сырьевой направленностью хозяйства. Его экономика специализируется на горнорудной промышленности и сельском хозяйстве. Промышленный потенциал обрабатывающих производств Забайкальского края определяется в основном предприятиями машиностроительного комплекса, пищевой промышленности и промышленности строительных материалов. Однако техническое состояние основных фондов предприятий этих отраслей (износ свыше 50,0 %) значительно уменьшает их конкурентоспособность и требует крупномасштабных инвестиций для проведения модернизации. Высокотехнологичные производства на сегодняшний день в Забайкальском крае отсутствуют.

Машиностроение в регионе играло важную роль, так как его основу составляли предприятия оборонно-промышленного комплекса. В настоящее время в общем объеме обрабатывающих производств доля машиностроения составляет 37,5 %, в отрасли машиностроения занято более 6 тыс. чел. [9].

На сегодняшний день система оборонно-промышленного комплекса Забайкальского края включает в себя сервисные предприятия, осуществляющие капитальный и восстановительный ремонт бронетанковой (АО «103 бронетанковый ремонтный завод»), авиационной (АО «810 авиационный ремонтный завод») и автомобильной техники (ОАО «88 Центральный автомобильный ремонтный завод»), а также предприятия, специализирующиеся на строительстве средне- и малотоннажных су-

дов и катеров (ООО «Сретенский судостроительный завод»). Несмотря на узкую специализацию данных предприятий, они играют заметную роль в экономике региона, обеспечивая занятость на производстве более 1 тыс. чел. В то же время необходимо отметить, что ситуация, складывающаяся на данных предприятиях в настоящее время, продолжает оставаться напряженной. Это связано со снижением объема государственного оборонного заказа, размещаемого в регионе в последние годы. Снижение объемов проводимых ремонтных работ на данных предприятиях вызвано ликвидацией ЗаБВО и передислокацией из Забайкальского края большого количества военной техники.

Чем можно компенсировать эту потерю Забайкальского края, сохраняющего и в настоящее время важное военно-стратегическое значение для России?

Одним из перспективных направлений социально-экономического развития Забайкальского края может стать создание центра аэрокосмической промышленности, которая относится к наиболее технически развитым отраслям машиностроения с высокой степенью кооперирования и концентрации производства, а также играет ведущую роль в обеспечении национальной безопасности России [10].

Проект создания в Забайкальском крае центра аэрокосмической промышленности включён в «Комплексный план социально-экономического развития Забайкальского края до 2030 года», который в настоящее время разрабатывается совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации (в соответствии с поручением Президента России В. В. Путина Пр-3082 от 31.10.2016) [5].

Правительство Забайкальского края поддерживает идею создания на территории региона нового центра аэрокосмической промышленности, так как размещение новых предприятий машиностроительного комплекса, в том числе предприятий ОПК, положительно скажется на социально-экономическом развитии Забайкальского края и повышении обороноспособности России на Дальнем Востоке.

Прочной привязкой Дальнего Востока к Забайкалью станет вхождение Забайкальского края составной частью в аэрокосмический кластер, формирующийся вокруг космодрома «Восточный», расположенного в соседней Амурской области. Дополняющие его предприятия аэрокосмического машиностроения и приборостроения могут быть размещены в Забайкальском крае и обладать рядом преиму-

ществ по сравнению с аэрокосмическими центрами в европейской части России, в частности, в Самарской области:

Во-первых, центр аэрокосмической промышленности в Забайкалье будет иметь меньшее плечо территориальной удалённости от космодрома «Восточный».

Во-вторых, он будет играть роль «дублёра» аэрокосмической промышленности в Самаре, что очень важно для обеспечения государственной безопасности (аэрокосмический кластер в Самарской области территориально очень компактен, что, наряду с экономическими преимуществами, делает его уязвимым в случае военных и террористических атак).

В-третьих, он станет высокотехнологичным связующим звеном между дальневосточными субъектами Российской Федерации и субъектами РФ, входящими в Байкальский регион (включая Иркутскую область и Республику Бурятия с действующими на их территориях предприятиями авиастроения), а также Красноярским краем, где сосредоточено производство ракетной техники и ведётся подготовка кадров для аэрокосмической промышленности.

При этом создание центра аэрокосмической промышленности в Забайкальском крае не предполагает «обрушающей» конкуренции с центром аэрокосмической промышленности в Самаре, поскольку создание нового комплекса предприятий позволит увеличить долю России на международном аэрокосмическом рынке, которая в настоящее время составляет всего около 2–3 % [4]. Новый центр аэрокосмической промышленности, который будет создан в Забайкалье по последнему слову науки и техники, даст толчок к модернизации всего существующего аэрокосмического производства и вместе с Самарским, Воронежским и другими промышленными центрами отрасли усилит позиции России на мировом аэрокосмическом рынке.

Машиностроительный комплекс аэрокосмической промышленности Красноярского края может продвигаться в Забайкалье, создав здесь несколько дополняющих его предприятий по производству различного оборудования и комплектующих.

Экспертная поддержка по проработке вопросов, связанных с созданием нового аэрокосмического центра в Забайкалье, может быть оказана со стороны Красноярского регионального отделения Союза машиностроителей России и учёных опорного Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева.

В создании предприятий аэрокосмического комплекса в Забайкалье очень важно заинтересовать такие государственные корпорации, как «Роскосмос» и «Ростех». Особенно «Ростех» [11], в который входят концерны «Алмаз-Антей» и «Радиоэлектронные технологии», способные стать активными инвесторами в Забайкальском крае. Например, «Алмаз-Антей» в короткий срок построил в Кирове (АО «Кировское машиностроительное предприятие») и Нижнем Новгороде (АО «Нижегородский завод 70-летия Победы») машиностроительные предприятия, предназначенные для серийного производства новых комплексов воздушно-космической обороны и ракет к ним. Суммарная стоимость строительства обоих заводов составила более 54 млрд р. (около 20 млрд р. – строительство завода в Кирове и около 34 млрд р. – завода в Нижнем Новгороде) [1]. При выходе данных предприятий на проектную мощность запланировано создание до 5500 новых рабочих мест (3500 рабочих мест в Кирове и 2000 рабочих мест в Нижнем Новгороде).

Строительство в Забайкальском крае аэрокосмического предприятия, аналогичного АО «Кировское машиностроительное предприятие» (объём инвестиций около 20 млрд р.) позволит создать до 1 800 новых рабочих мест и обеспечить налоговые поступления в бюджеты всех уровней в объёме до 540 млн р.

Выпуск высокотехнологичной продукции, в том числе востребованной в рамках реализации федеральных целевых программ (таких, как развитие ОПК и федеральной космической программы), заказов государственных корпораций «Ростех» и «Роскосмос», обеспечения потребностей космодрома «Восточный» и имеющих в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке России предприятий авиационной промышленности (авиазаводов в Иркутске, Улан-Удэ и Комсомольске-на-Амуре), позволит эффективно задействовать инженерно-научный потенциал Сибири и Дальнего Востока, будет способствовать быстрому экономическому, производственному и интеллектуальному развитию Забайкальского края, а также открывает новые возможности для развития сельского хозяйства, пищевой промышленности и сферы услуг, включая санаторно-курортный комплекс.

Создание центра аэрокосмической промышленности, ориентированного, в том числе, на выпуск экспортной продукции, будет способствовать экономическому и технологическому сотрудничеству России с Китаем, Индией, Малайзией и другими странами Азиат-

ско-Тихоокеанского региона [2; 8], а также обеспечит предприятию заказы на долгосрочную перспективу.

Для детальной проработки вопросов, связанных с созданием на территории Забайкальского края нового центра аэрокосмической промышленности (таких, как определение перечня производимой продукции, кадрового обеспечения, выбора площадки и др.) требуется проведение скоординированной работы на уровне Правительства Российской Федерации, с привлечением представителей Минпромторга России, Минэкономразвития России, Госкорпораций «Ростех» и «Роскосмос», космодрома «Восточный», авиационных заводов в Иркутске, Улан-Удэ и Комсомольске-на-Амуре, Красноярского регионального отделения Союза машиностроителей России, Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева, а также Правительства Забайкальского края.

Вопрос кадрового обеспечения кластера высококвалифицированными специалистами может быть решён сибирскими вузами, ведущими подготовку кадров для высокотехнологичных отраслей промышленности. Достаточно назвать Сибирский аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнева и Томский университет систем управления и радиоэлектроники [6]. К слову сказать, для возведения аэрокосмических объектов потребуются не только инженеры, но и охранники, уборщики мусора, водители транспортных средств. «Здесь все профессии нужны», – справедливо замечает автор статьи «Восточный путь в космос» Егор Щербаков [12].

При этом есть надежда, что в Забайкалье могут приехать специалисты предприятий аэрокосмической промышленности Украины. Это – готовый человеческий капитал, для привлечения которого нужно построить рядом с Читой современный благоустроенный город-спутник, что окажет положительное влияние на демографическую ситуацию в Забайкальском крае.

Таким образом, создание в Забайкальском крае центра аэрокосмической промышленности:

- позволит стабилизировать ситуацию на существующих предприятиях оборонно-промышленного комплекса Забайкальского края и сохранить специалистов машиностроительного профиля в регионе;

- станет логическим завершением цепочки уже имеющихся на востоке России предприятий авиационной промышленности;

- создаст сеть сопутствующих производств как в самом крае, так и в соседних субъектах Российской Федерации в СФО и ДФО;

- ускорит рост доли высокотехнологичной продукции в общем объеме промышленного производства востока России;

- обеспечит экономическое и технологическое сотрудничество России с Китаем и другими странами АТР;

- позволит использовать инженерно-научный потенциал наших соотечественников с Украины и других стран СНГ;

- даст возможность быстрому экономическому, производственному и интеллектуальному развитию Забайкальского края.

Источники и литература

1. **АО «Кировское машиностроительное предприятие»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kmp43.ru> (дата обращения: 30.04.2017).

2. **Ерыгин Ю. В., Фирулев О. В.** Оценка современного положения ракетно-космической отрасли России на международном рынке космических услуг // Решетневские чтения 2015. – Красноярск: Изд-во гос. аэрокосмического ун-та им. М. Ф. Решетнева. – 2015. – Т. 2, № 19. – С. 342–343.

3. **О военно-административном делении Российской Федерации.** Указ Президента Российской Федерации от 27 июля 1998 года № 900 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19565/ (дата обращения: 30.04.2017).

4. **Прокопенкова И. О.** Современные тенденции развития международной кооперации в мировой аэрокосмической промышленности: фактор Китая и Индии // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 2. – С. 122–137.

5. **Суходолов А. П.** Сильный и привлекательный [Электронный ресурс] // Российская газета. Столичный вып. – 2016. – № 7142. – Режим доступа: <https://www.rg.ru/2016/12/01/aleksandr-suhodolov-rasskazal-o-razvitii-zabajkalskogo-kraia.html> (дата обращения: 30.04.2017).

6. **Суходолов А. П.** Чита всматривается в космос [Электронный ресурс] // Российская газета. Федер. вып. – 2016. – № 7120. – Режим доступа: <https://www.rg.ru/2016/11/07/zabajkale-mozhet-stat-novym-centrom-aerokosmicheskoy-promyshlennosti-rf.html> (дата обращения: 30.04.2017).

7. **Суходолов А. П.** Чтобы не оказаться «провинциальным углом» [Электронный ресурс] // Российская газета. Федер. вып. – 2016. – № 7152. – Режим доступа: <https://www.rg.ru/2016/11/07/zabajkale-mozhet-stat-novym-centrom-aerokosmicheskoy-promyshlennosti-rf.html>

rg.ru/2016/12/14/u-zabajkalia-poiavilsia-shans-realizovat-svoiu-istoricheskuiu-missiiu.html (дата обращения: 30.04.2017).

8. **Суходолов Я. А.** Современная специфика внешнеторговых связей Российской Федерации с Китайской Народной Республикой // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2015. – № 4. – С. 158–164.

9. **Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chita.gks.ru> (дата обращения: 30.04.2017).

10. **Тимофейчев А.** Космическую промышленность России сдвигают на восток [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си. – 2013. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2013/10/131024_rogozin_far_east_space_industry (дата обращения: 30.04.2017).

11. **Чемезов С. В.** Инновации как основа стратегического развития госкорпорации «Ростех» // Инновации. – 2013. – № 12. – С. 3–9.

12. **Щербаков Е.** Восточный путь в космос // Восточно-Сибирская правда. – 2017. – № 14. – 11–17 апр. – С. 22–23.

УДК 338
ББК У04

Екатерина Владимировна Михайлова,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Илья Георгиевич Чубаров,
Институт Дальнего Востока РАН,
г. Москва, Россия

Социально-экономическое сжатие через призму демографических изменений в переходной экономике на примере городов Амурской области¹

В статье рассмотрены проявления сжатия социально-экономического пространства в условиях перехода от плана к рынку в наиболее урбанизированной части Приамурья – Амурской области. Как показал анализ динамики изменения демографических показателей городов этого региона, семь из десяти населённых пунктов испытывают устойчивую депопуляцию. Названы основные причины оттока населения: отъезд в более благополучные в экономическом отношении регионы с целью трудоустройства на новом месте (в силу кризисного положения отдельных отраслей, предприятий и моногородов, а также отмены системы снабжения Амурской области после распада Советского Союза); отъезд в связи с передислокацией или расформированием воинских частей; отъезд в связи с экологическими фобиями. Указаны региональные и федеральные проекты, направленные на адаптацию городов Амурской области к рыночным механизмам и наращиванию способности удерживать и привлекать население. На примере демографического роста села Чигири Благовещенского района проиллюстрирована тенденция субурбанизации.

Ключевые слова: сжатие пространства, Амурская область, система населения, депопуляция, переходная экономика

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных (проект № МК-2007.2017.6).

Ekaterina V. Mikhailova,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia

Ilya G. Chubarov,
Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Social and Economic Shrinkage Through the Lense of Demographic Change in the Context of Transition Economy: the Case of Amur Oblast Cities

The paper addresses the issue of social and economic shrinkage in the context of transition economy in the most urbanized part of left-bank area adjacent to the Amur River – Amur Oblast. Analyzing dynamics of the demographic change revealed that seven out of ten cities experience continual depopulation. The main reasons for out-migration are 1) relocation to more economically advanced regions for purpose of employment due to crisis condition in certain economic sectors, enterprises and single-industry towns, as well as due to the abolition of the supply system of Amur Oblast after the demise of the Soviet Union; 2) relocation caused with redeployment or disbandment of military units; 3) relocation triggered with environmental phobias. The authors name regional and federal initiatives aimed at adaptation of Amur Oblast cities to market economy and increasing their capacity to keep population and attract resettlers. By looking at the Chigiri demographic growth the paper indicated the trend of suburbanization.

Keywords: shrinkage, Amur Oblast, urban nodes system, depopulation, transit economy

Вопрос плановых и стихийных изменений территориальной и урбанистической структуры России вследствие распространения рыночных механизмов неоднократно рассматривался в литературе. Большинство учёных констатируют сжатие интенсивно используемого пространства страны [20; 28; 29; 30] и вызванную им деформацию системы расселения. Согласно К. Аксенову, И. Брадэ и Е. Бондарчуку [10, с. 46], преобразования урбанистических сетей в постсоциалистических странах обусловлены как новыми вызовами, стоящими перед городами в период трансформации (открытием экономики, либерализацией рынка недвижимости, развитием потребительского сектора и пр.), так и изменениями внешней среды существования городов (становлением частного бизнеса, развитием городского управления, снижением роли государства как регулятора социально-экономических процессов). Экономико-географические различия субъектов РФ, в частности, их удалённость от основных экономических центров, структура их экономики, наличие «искусственно созданных неконкурентоспособных производств и поселений с низким уровнем благоустройства» [22, с. 64–65] сказываются на их возможностях адаптации к рыночным условиям, удержания и привлечения человеческих ресурсов.

В этой статье основные проявления сжатия социально-экономического пространства рассмотрены на примере одного из регионов Дальнего Востока России (далее – ДВ РФ) – Амурской области. Описывая Приамурье как историко-географический регион от слияния рек Шилки и Аргуни до устья Амура¹, А. Ф. Мандыч оценивает Амурскую область как его наиболее урбанизированную часть: в ней сосредоточены 10 из 16 городов², как показано на рисунке, и 16 из 35 посёлков городского типа, расположенных на данной территории [16, с. 461]. Однако после распада Советского Союза в результате ухудшения экономической и демографической ситуации ДВ РФ в целом и Амурской области в частности само существование отдельных городов, не превратившихся в постиндустриальные центры инвестиций и потребления, находится под угрозой.

Проследим основные вехи возникновения опорного каркаса расселения Амурской области. Как видно из таблицы, только три из десяти городов Амурской области – Благовещенск, Зея и Свободный – обрели статус города в до-

¹ Без учёта водосбора реки Уссури, тяготеющей к историко-географическому району Приморье.

² Здесь и далее число городов и посёлков городского типа указано с учётом присуждения статуса города Циолковскому в 2017 г.

революционной России. Становление остальных шести городов связано с периодом форсированной индустриализации, проводимой Советским Союзом. Причём четыре из шести городов получили статус города с середины 1940-х по середину 1970-х годов. Город Циол-

ковский, местоположение космодрома «Восточный», находится в процессе строительства в настоящий момент и представляет собой проект национального масштаба, сравнимый с проектом Байкало-Амурской магистрали (далее – БАМ) – «магистрали века».

Картограмма городов Амурской области. Обозначения: 1 – Завитинск; 2 – Сквородино; 3 – Белогорск; 4 – Зeya; 5 – Райчихинск; 6 – Свободный; 7 – Тында; 8 – Шимановск; 9 – Благовещенск; 10 – Циолковский (ранее Углегорск)

За исключением Сквородино, основанные в XIX и начале XX века города более успешно справляются с задачами адаптации к рынку и удержания населения. Это можно заметить при оценке демографической обстановки Амурской области на городском уровне. Стабильные демографические показатели характерны для двух городов региона – областного центра Благовещенска и второго по численности в области города Белогорска. Остальные города Амурской области за последние 26 лет потеряли значительную часть жителей. В частности, районные центры Свободный и Тында, имевшая статус неофициальной столицы Байкало-Амурской магистрали, с 1990 по 2016 год каждый потеряли около 30 тыс. жителей, что в первом случае составляет одну треть, а во втором – половину населения этих городов.

Как известно, наиболее значимой причиной снижения численности регионов ДВ РФ является миграционный отток в другие регионы России. Согласно основоположнице концепции западного миграционного дрейфа Ж. А. Зайончковской, миграционный обмен по вектору восток – запад обозначился ещё в 1960-е годы и имел тесную связь с трудоресурсной ситуацией по стране в целом. «Чем хуже трудоресурсная ситуация в стране и чем, соответственно, лучше конъюнктура на рынке труда в самых привлекательных регионах, тем интенсивнее переток населения с востока на запад» [13]. В условиях переходной экономики произошла интенсификация западного пере-

носа и центростремительности миграций: «население устремилось туда, где меньше ощущался развал экономики, быстрее развивался рынок и легче было найти заработок». Хотя в целом по сравнению с 1990-ми годами в настоящий момент произошел спад темпов миграционной убыли населения, отток продолжается и его показатели весьма высоки: в 2016 году из Амурской области выбыло 3,9 тыс. чел. [26, с. 71].

Свёртывание системы государственной поддержки [29], упадок угольной, лесной и металлообрабатывающей промышленности, прекращение проекта строительства БАМ в 1991 году стали наиболее значимыми причинами оттока экономически активного городского населения Амурской области в 1990-е годы. Вызванная уходом государства из регионов эскалация проблем функционирования градообразующих предприятий негативно сказалась на оттоке населения из моногородов Амурской области. Явным свидетельством слабой адаптации к рыночной экономике является внесение городов Райчихинск и Свободный в 2014 году в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации «с наиболее сложным социально-экономическим положением» [21, с. 2].

Примечательно, что ввиду осознания модернизации железнодорожного транспорта и последующего высвобождения трудовых ресурсов из градообразующей отрасли рекомендации по диверсификации народнохозяйственных функций малых городов Амурской

Раздел 3. Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление)

области были сформулированы ещё в советское время. По мнению О. П. Литовка, Сковородино, Шимановск и Завитинск могли бы служить межрайонными центрами культурно-бытового обслуживания тяготеющего к ним сельского населения, вести подготовку квалифицированных

кадров, более интенсивно участвовать в переработке сельскохозяйственного сырья (для Шимановска и Завитинска), строительной (для Шимановска в силу залежей природных ископаемых) и деревообрабатывающей (для Сковородино) промышленности [15, с. 142].

Сводная характеристика уровня и динамики социально-экономического развития городов Амурской области¹

<i>Город</i>	<i>Динамика урбанизации</i>	<i>Экономическая специализация</i>	<i>Демографическая ситуация (общий тренд, численность)</i>
Белогорск	1860 г. – первое поселение, 1926 – присвоение статуса города	Железнодорожная станция, пищевая промышленность, кирпичный и асфальтовый заводы, штаб 35-й армии	В 2001 г. город потерял 7 тыс. чел., с 2002 г. по настоящее время население держится на уровне 67 тыс. чел.
Благовещенск	1856 г. – первое поселение, 1858 г. – присвоение статуса города	Пищевая и деревообрабатывающая промышленность, производство строительных материалов и машиностроение, торговля, строительство	С 1987 г. население на уровне 200 тыс. чел. и выше
Завитинск	1906 г. – первое поселение, 1954 г. – присвоение статуса города	Железнодорожная станция «Завитая», ранее – военный гарнизон	С 1989 г. город потерял более 50 % населения (более 10 тыс. чел.). В 2016 г. численность населения 10,8 тыс. чел.
Зея	1879 г. – первое поселение, 1906 г. – присвоение статуса города	Электроэнергетика, добыча золота, лесная промышленность	С 1989 г. город потерял треть населения (около 9 тыс. чел.). В 2016 г. численность 23,7 тыс. чел.
Райчихинск	1932 г. – первое поселение, 1944 г. – присвоение статуса города	Угольная промышленность, градообразующее предприятие – ЗАО «Амурский уголь»	С 1989 г. устойчивая демографическая убыль, город потерял треть населения (10 тыс. чел.). В 2016 г. 17,7 тыс. чел.
Свободный	1912 г. – основание города	Железнодорожная станция, вагоноремонтный завод, электроэнергетика, строится Амурский газоперерабатывающий завод (далее – ГПЗ)	С 1992 г. город потерял треть населения (26 тыс. чел.). В 2016 г. 54,5 тыс. чел.
Сковородино	1907 г. – первое поселение, 1927 г. – присвоение статуса города	Железнодорожная станция, ранее – военный гарнизон	С 1979 по 2001 г. стабильная численность на уровне 13 тыс. чел., затем на уровне 10 тыс. чел. В 2016 г. 9,3 тыс. чел.
Тында	1917 г. – первое поселение, 1975 г. – присвоение статуса города	Железнодорожная станция, лесная промышленность	С 1992 г. устойчивая демографическая убыль, город потерял 50 % населения (30 тыс. чел.), сейчас численность 30,5 тыс. чел.
Шимановск	1910 г. – первое поселение, 1950 г. – присвоение статуса города	В период БАМа – центр производства стройматериалов, сейчас железнодородная станция, станкостроение и лесная промышленность	С 1992 г. город потерял треть населения (7,7 тыс. чел.), сейчас 18,8 тыс. чел.
Циолковский	1961 г. – первое поселение, 2017 г. – присвоение статуса города	Сейчас – строительство и ракетно-космическая отрасль, ранее – место дислокации ракетных войск	Население растёт. В 2016 г. 6 тыс. чел., плановая численность – 25 тыс. чел.

Составлено авторами на основе [1–9, 19].

Другим фактором существенного оттока населения из Амурской области в конце 1990-х – начале 2000-х годов стало расформирование либо передислокация воинских ча-

стей, располагавшихся в регионе. Такие города, как Белогорск, Завитинск, Райчихинск, Сковородино и Углегорск, затронутые процессом сокращения и реформирования Вооружённых

¹ Населённые пункты, характеристика которых представлена в строках с серой заливкой, относятся к моногородам.

сил РФ, не только потеряли жителей из числа убывших военных и их семей, но и испытали сужение базы клиентов, обслуживанием которых занимались местные предприятия.

Наконец, двоякую роль в изменении демографической обстановки сыграло решение о строительстве космодрома «Восточный». С одной стороны, это решение привело к строительству города Циолковский, на который возложены ожидания стать «одним из самых современных городов Амурской области» [8]. К участию в его возведении привлекаются строительные отряды со всей страны, часть участников которых остаётся в Амурской области. Принимая во внимание потребность в специалистах аэрокосмического профиля и смежных специальностей, вузы Амурской области адаптировали ряд образовательных программ для удовлетворения кадровых нужд космодрома [11]. Эта мера будет способствовать удержанию молодёжи и привлечению абитуриентов из других регионов страны. С другой стороны, распространяемые в СМИ слухи о гептиле, высокотоксичном веществе, используемом в разгонных блоках ряда ракет, привели к нарастанию миграционных настроений среди населения Амурской области. Несмотря на бездоказательность связи между веществами, используемыми при запуске ракет с космодрома, и здоровьем населения [27], миф об ухудшении экологической обстановки подтолкнул часть жителей к отъезду из региона.

Рассмотренный тренд депопуляции городов Амурской области является лишь одним из проявлений сжатия социально-экономического пространства. Другим параллельным процессом является концентрация ресурсов и экономической активности в определённых узловых населённых пунктах. Благовещенск смог удержать население на уровне 200 тыс. чел. и выше с 1987 года за счёт своей административно-управленческой функции и приграничности, стал магнитом внутриобластных миграций. Примечательно, что аналогичная роль усиления центральных функций города и наращивания его демографического потенциала за счёт преимуществ приграничного положения прослеживается в стремительном росте китайского соседа Благовещенска г. Хэйхэ. Помимо регионального центра демографический прирост характерен для ряда пригородных районов, что соответствует общемировой тенденции субурбанизации. Например, входящее в состав Благовещенского района село Чигири, спутник Благовещенска, испытывает устойчивый демографический прирост на протяжении последних 15 лет.

С 2002 года численность его населения выросла в 3,3 раза и в 2016 году составила 8,4 тыс. чел. В ближайшем будущем этот населённый пункт может сравняться по численности с такими городами районного подчинения Амурской области, как Завитинск и Сковородино.

Для диверсификации региональной экономики и развития городов правительство Амурской области разработало ряд проектов, направленных на создание новых и модернизацию имеющихся предприятий, привлечение отечественных и иностранных инвестиций, в том числе кластер «Амур», территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР) «Приамурская» и «Белогорская» (утверждены федеральным центром в 2015 г. [24]), ТОР «Свободненская» (одобрена правительственной подкомиссией по вопросам реализации инвестпроектов на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе в 2017 г. [23]), проектные заявки на создание ТОР для развития среднего и малого бизнеса в моногородах Свободном и Райчихинске (получили рекомендацию к доработке в 2015 г. [14]), обсуждается возможность подготовки проекта ТОР в Тынде [28]. Кроме того, моногорода Амурской области разработали комплексные программы собственного развития на 2017–2018 годы для улучшения качества городской среды, создания социальных объектов, развития малого и среднего предпринимательства [18]. Эти инициативы можно рассматривать как попытки государственного участия в осуществлении перехода на трансформационный (для Свободного, Райчихинска и Тынды) и пост-трансформационный (для Благовещенска и Белогорска) этапы развития городов Амурской области.

Видно, что разработка планов развития имеющейся сети расселения Амурской области идёт по пути поддержания полюсов роста – наиболее крупных городов региона. Такая стратегия встретила критику со стороны экспертного сообщества. По мнению В. Н. Дьяченко [12], в условиях отсутствия экономических стимулов, способных привлечь трудовые ресурсы из европейской части России, стратегия точек роста становится инструментом перераспределения населения в рамках области и стягивания трудовых ресурсов в наиболее развитые социально-экономические центры, тем самым оставляя во круг «безлюдную пустыню». Признавая существование такого риска, отметим, что подобный формат создания территорий с особым льготным режимом хозяйствования имеет положительный мировой опыт применения для помощи в адаптации к рыночной экономике

городам, испытывающим затруднения. Примером может служить учреждение свободных экономических зон в Китае в 1980 году и последующее совершенствование этого механизма предоставления преференций отдель-

ным территориям [17]. Учитывая, что Белогорск и Свободный являются моногородами, выбор их в качестве приоритетных точек развёртывания новых федеральных программ представляется обоснованным.

Источники и литература

1. **Администрация города Благовещенска** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admblag.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
2. **Администрация города Белогорска** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belogorsk.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
3. **Администрация города Зея** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admzeya.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
4. **Администрация города Райчихинска** Амурской области Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.райчихинск-мо.рф> (дата обращения: 10.05.2017).
5. **Администрация города Тында** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gorod.tynda.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
6. **Администрация города Шимановска** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shimanovskadm.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
7. **Администрация городского поселения «Город Завитинск» Амурской области** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www/завитинск-город.рф> (дата обращения: 10.05.2017).
8. **Администрация ЗАТО Циолковский** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zatouglegorsk.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
9. **Администрация Сквородинского района Амурской области** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skovorodino.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
10. **Аксенов К., Брадэ И., Бондарчук Е.** Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград – Санкт-Петербург. 1989–2002. – СПб.: Геликон Плюс, 2006. – 284 с.
11. **«Восточный старт»: как готовят молодых специалистов для амурского космодрома** [Электронный ресурс] // ГТРК «Амур». Вести-Благовещенск. – 2016. – Режим доступа: <http://www.gtrkamur.ru/news/2016/04/19/17053> (дата обращения: 08.05.2017).
12. **Дьяченко В. Н.** Тенденции трансформации демографической ситуации в Амурском приграничье // Научные исследования: сб. ст. междунар. науч. конф. – 2016. – С. 54–64.
13. **Зайончковская Ж. А.** Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 3. – С. 3–18.
14. **Кутырев И.** Амурские моногорода Свободный и Райчихинск готовятся стать ТОРами [Электронный ресурс] // Амурская правда. – 2015. – Режим доступа: <http://www.ampravda.ru/2015/09/26/060922.html> (дата обращения: 07.05.2017).
15. **Литовка О. П.** Некоторые вопросы развития малых городов Амурской области // Амурский краевед. – 1975. – С. 141–143.
16. **Мандыч А. Ф.** Приамурский край России [Электронный ресурс] // Где я должен побывать, чтобы познать Россию. Русское географическое общество. – Режим доступа: https://www.lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-3315/a_journey_of_discovery_into_the_heart_of_russia%20-%200001/index.html (дата обращения: 11.04.2017).
17. **Мозиас П. М.** Свободные экономические зоны в Китае: современный этап развития // Общество и государство в Китае: XXXV Науч. конф. / сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: Вост. лит., 2005. – С. 234–249.
18. **Моногорода Амурской области защитили комплексные программы развития на 2017–2018 гг.** [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Амурской области. – 2017. – Режим доступа: <http://www.mer.amurobl.ru/ru/news/267/> (дата обращения: 11.05.2017).
19. **Муниципальное образование город Свободный Амурской области** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svobnews.amur.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).
20. **Нефедова Т. Г.** Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования: сб. науч. тр. – М., 2010. – С. 128–145.
21. **Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2014 г. № 1398-р** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf> (дата обращения: 01.05.2017).
22. **Пивоваров Ю. Л.** Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. – 1996. – № 2. – С. 63–74.
23. **Правительственная подкомиссия одобрила создание двух новых ТОРов на Дальнем Востоке** [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2017. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/550408> (дата обращения: 11.04.2017).

24. Правительство России утвердило создание ТОР «Приамурская» и ТОР «Белогорск» [Электронный ресурс] // Минвостокразвития. – 2015. – Режим доступа: https://www.minvnr.ru/press-center/news/1644/?sphrase_id=638 (дата обращения: 07.03.2017).

25. Романова Е. А., Виноградова О. Л., Фризина И. В. Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО) // Балтийский регион. – 2015. – № 3. – С. 38–61.

26. Социально-экономическое положение Амурской области в 2016 г.: доклад / Амурстат. – Благовещенск. – 2017. – 129 с.

27. «Там, где ни копни, – везде кости динозавров...» и ещё 4 мифа об Амурской области [Электронный ресурс] // ТАСС Дальний Восток. – 2016. – Режим доступа: <http://www.dv.land/spec/mify-ob-amure> (дата обращения: 01.05.2017).

28. Тында получит право на создание ТОР [Электронный ресурс] // Амурская правда. – 2015. – Режим доступа: <http://www.ampravda.ru/2016/06/28/067743.html> (дата обращения: 08.05.2017).

29. Batunova E. Shrinking Cities of Southern Russia: Specifics of the Shrinkage Pattern. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/38273789/Shrinking_cities_SR_Batunova.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAIWOWYYGZ2Y53UL3A&Expires=1494963604&Signature=e3cR2CkL2TPT08c0MqgYvYiyAxc%3D&response-content-disposition=inline%3B%20filename%3DShrinking_Cities_of_Southern_Russia_Spec.pdf (дата обращения: 01.05.2017).

30. Cottineau C. A multilevel portrait of shrinking urban Russia // Espace populations sociétés. Space populations societies. – 2015. – № 3; – 2016. – № 1.

УДК 622(517.3)

ББК 33.2(5Мон)

Ганжуурдалайн Цолмон,

Администрация Дорнод аймака,
местный координатор проекта
«Устойчивое жизнеобеспечение-III»,
г. Чойбалсан, Монголия

Хроника о Мардай

В статье рассматривается история и состояние добычи урановой руды в Восточной Монголии, а также перспективы развития российско-монгольских отношений на рынке урана. Также затронуты вопросы по рекультивации загрязнённых земель в зоне возможного радиационного воздействия.

Ключевые слова: геологоразведочная лицензия, урановое месторождение, Межправительственное Соглашение, радиация, техногенное нарушение почв

Ganjuurdalai Tsolmon,

Governor's office of Eastern province
Local coordinator,
Third Sustainable Livelihood project of World Bank,
Choibalsan, Mongolia

The Chronicle of Mardai

This article considers the following questions: History, present situation of uranium exploration and mining in Eastern Mongolia and the prospects of cooperation between Mongolia and Russia in the uranium sector. It also considers the problem on reclamation of contaminated sites in the areas of possible radiation impact.

Keywords: exploration license, uranium deposit, Intergovernmental Agreement, radiation, technogenic disturbance of soils

Хронологические даты:

1948 г. Поисково-разведочные работы на уран проведены в Восточной Монголии в конце 1940-х годов Сосновской геологической экспедицией («Сосна»).

1968 г. Обоснование идеи возможности обнаружения крупных урановых месторождений на территории Монголии.

1970 г. Было подписано Межправительственное Соглашение.

1974 г. Выявление Гурван-Булагского и Дорнодского месторождений и их предварительные оценки запасов на категории С2.

1976 г. Сделаны специализированные геолого-прогнозная и радиогеохимическая карты.

1978–1990 гг. Был введён в строй карьер «Дорнод» и развитие шахтёрского посёлка.

1995–1997 гг. В 1995 году была создана американская компания “WM Mining” под управлением директора Уоллеса Мэйса.

2005 г. Были начаты геологоразведочные работы на обоих лицензионных участках месторождения.

2006 г. Вышла в свет книга «Монгольский уран», написанная Председателем Совета Федерации Федерального Собрания РФ Сергеем Мироновым.

2007 г. “Khan Resources Inc” закончила подсчёт запасов согласно кодексу JORC. Подписание «Протокола о намерениях между “Ро-

сатом” и Министерством промышленности и торговли Монголии по развитию сотрудничества в области геологоразведки, добычи и переработки урановых руд».

2008 г. Закончена подготовка банковского технико-экономического обоснования разработки месторождения. Были созданы Управление по ядерной энергии Монголии и компания «МонАтом».

2009 г. В июле Парламент Монголии принял Закон об атомной энергии. В августе подписано соглашение о сотрудничестве между Госкорпорацией «Росатом» и «Управлением по ядерной энергии Монголии».

2009 г. Лицензия на добычу СП “CAUC” и геологоразведочная лицензия “Khan Resources Mongolia” были приостановлены «Агентством по недрам Монголии».

2010 г. Правительство Монголии объявило об аннулировании лицензий на месторождение Дорнод. Канадская горнодобывающая компания “Khan Resources” подала иск в международный арбитражный суд против Монголии.

Монголия – государство в восточной части Центральной Азии. На севере граничит с Россией, на востоке, юге и западе – с Китаем. Площадь 1564,9 тыс. км². Население 3,140 млн чел. (по состоянию 29.04.2017 г.).

Столица – Улаанбаатар. Денежная единица – тугрик. Официальный язык – монгольский. Наиболее значительные горные поднятия сосредоточены в западной части – Монгольский Алтай (высота до 4374 м, гора Хуйтэн-Уул – высшая точка Монголии). В центральной и вос-

точной частях преобладают денудационно-аккумулятивные равнины, понижающиеся на северо-восток к оз. Хух-Нуур (самая низкая точка страны, 553 м на территории Чулуунхороот сомона Дорнод аймака). На юг и юго-восток заходит пустыня Гоби, над ней возвышаются не-

сколько изолированных вулканических массивов – вулканическая область Дариганга (высота до 1778 м, вулкан Шилийн-Богд-Уул на территории Сухбаатарского аймака). Песчаные пустыни в Монголии занимают площадь около 30 тыс. км². Монголия характеризуется богатейшими природными ресурсами меди, золота, урана, железной руды, плавикового шпата и углей. Месторождение комплексных золото-медных руд Оюу-Толгой (аймак Умнеговь) – крупнейшее в мире (2010 г.) по запасам из неразрабатываемых месторождений. Перспективными являются месторождения руд урана (Мардай, Дорнод, Гурванбулаг в аймаке Дорнод), железа (Тумуртэй, Баянгол, Баргилт, Хуст-Уул Тумэртолгой). Наиболее важные месторождения каменных, в т. ч. коксующихся углей – группа Тавантолгой, Нарийн-Сухайт, Улаан-Овоо, Овоот; бурых и каменных углей – Овооттолгой; бурых углей – Багануур, Шивээ-Овоо. По результатам последних геологических исследований прогнозируемые запасы урана в Монголии составляют 1,475 млн т.

Поисково-разведочные работы на уран проведены в Восточной Монголии в конце 1940-х годов Сосновской геологической экспедицией («Сосна»). Сотрудники ВСЕГЕИ и Сосновской экспедиции представили в Урановое управление Мингео СССР докладную записку «О перспективах ураноносности восточной части МНР», в которой была обоснована идея возможности обнаружения крупных урановых месторождений на продолжении структур Стрельцовского типа на территорию соседней Монголии. Эта идея была рассмотрена ведущими учёными страны и получила одобрение, в связи с этим Советское Правительство направило предложение провести переговоры с руководством Монгольской Народной Республики о предоставлении советским организациям возможности проведения поисков месторождений урана на территории этой страны.

В 1970 году было подписано Межправительственное Соглашение, в соответствии с которым советские геологические организации получили право проведения поисков и разведки урановых месторождений в Монголии.

За период существования экспедиции во время наземных поисков было обследовано 145,2 тыс. км². Участники Монгольской экспедиции нашли 6 месторождений урана и 150 проявлений урановых оруденений.

К 1971 году геологи стали осваивать Северо-Чойбалсанское плато, относящееся к Монголо-Приаргунскому бассейну, где сосредоточилось несколько крупных месторождений. По полученным советской геологоразведкой ма-

териалам, запасы Дорнодского составили 10 270 т (содержание урана – 0,188 %), Гурванбулагского – 28 870 т (0,175 %), в 1977 году стали появляться первые дома посёлка.

Согласно рекомендации геологов ВСЕГЕИ велась разведочная работа, и первооткрывателями Гурванбулагского и Дорнодского месторождений стали опытные геологи Ю. А. Анисимов и Г. В. Зверев.

В 1974 году было открыто Гурванбулагское месторождение, где было хорошее содержание урана, отдельные пересечения в скважинах до 0,3 % урана на 4 м. К началу 1980-х годов был построен карьер, несколько разведочно-эксплуатационных шахт, 20 км подземных горных выработок и в 1982 году вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР о строительстве предприятия по добыче и заключено Межправительственное Соглашение между СССР и МНР об организации совместного предприятия «Эрдэс» в Северо-Чойбалсанском районе. В 1988 году на базе Дорнодского и Гурван-Булагского урановых месторождений на территории сомонов Баяндун, Дашбалбар Дорнод аймака были введены в строй карьер «Дорнод» (производительностью 400 тыс. т руды в год).

Месторождение было соединено железнодорожной веткой (около 140 км) с линией Соловьёвск – Чойбалсан (ст. Баян-Тумэн УБЖД). Возле был основан посёлок «Дорнод» – посёлок геологов, шахтёров, строителей, который был расположен в долине Мардай на территории сомона Дашбалбар Восточного аймака Монгольской Народной Республики, в 120 км на север от города Чойбалсана. Введены в строй ЛЭП и водоводы. Жилые дома-усадыбы с единой системой водоснабжения и отопления, школы, хороший клуб, магазины с изобилием заграничных товаров, детский сад, центральная площадь с зелёными насаждениями, – всё, что нужно для комфортной жизни, появилось на пустом месте посреди степи.

Добытая урановая руда с этого месторождения впервые поступила на переработку на Приаргунский горно-химический комбинат в 1988 году, т. е. сырьё перерабатывалось на расположенном в 200 км от месторождения в г. Краснокаменске. Переработка руды осуществлялась на гидрометаллургическом заводе и на площадке кучного выщелачивания. Готовой продукцией предприятия является закись-окись урана – U₃O₈. Добыча продолжалась до 1995 года, всего добыто около 600 тыс. т руды.

С 1993 года деятельность предприятия «Эрдэс» остановлена и в 1998 году предприя-

тие было ликвидировано. Активы были поставлены на консервацию, шахты и карьер были затоплены.

Масштабы посёлка были крупными и были выстроены за счёт государственных субсидий. Уровень затрат до 1991 года без учёта средств на проведение геологоразведочных работ на Дорноде составлял 300 млн российских рублей (курс доллара равнялся 60 копейкам).

В 1994 году в Монголии появилась американская компания «Energy Fuels Nuclear Inc», которая была заинтересована в добыче урана способом подземного выщелачивания. Для участия в проектах с шахтным и карьерным способом добычи урана в 1995 году в соответствии с законом на Британских Виргинских островах была создана компания «WM Mining», которая в том же году совместно с ОАО «ППГХО» и правительством Монголии создала «Центрально-азиатскую урановую компанию» (CAUC) для освоения месторождения Дорнод (США, Россия и Монголия). С 1996 года уже 58 % акций на разработку месторождений проекта «Дорнод» принадлежали компании «Khan Resources Inc», которая возникла на месте «WM Mining», 21 % – правительству Монголии, 21 % – ОАО «ППГХО», впоследствии дочерней компании ОАО «Атомредметзолото» в структуре Росатома.

Российско-монгольское сотрудничество по урану началось активизироваться в 2007 году. Совет Федерации РФ ратифицировал Межправительственное Соглашение с Монголией о создании совместной компании, что позволило бы запустить уранодобывающее предприятие с запасами урана в размере более 50 тыс. т, около 22 тыс. из которых находятся в месторождении Мардай (Дорнод) в Монголии. Первые договорённости о создании СП были достигнуты в январе 2009 года, но сроки подписания документов постоянно сдвигались.

В качестве объекта сотрудничества определены месторождения Дорнодского ураново-рудного района. Месторождение находится в запущенном состоянии и потребует серьёзных вложений для реанимации затопленных шахт, восстановления железной дороги и линии электропередачи. К этому времени себестоимость добычи урана (на 2009 г.) была свыше 80 долл. за 1 кг урана, из-за подземного способа.

Учредителями компании в равных долях выступили с российской стороны – ОАО «Атомредметзолото» (АРМЗ), с монгольской – компания с ограниченной ответственностью «МонАтом». Основными направлениями дея-

тельности компании являются: разведка и добыча урансодержащих руд, рудное обогащение добытых полезных ископаемых и реализация конечной продукции; создание и эксплуатация уранодобывающих мощностей, проведение рекультивационных работ в соответствии с монгольским законодательством и международными стандартами; осуществление вспомогательной деятельности.

В деятельности «Дорнод уран» могут участвовать юридические лица третьей стороны в качестве акционеров компании по согласованию с учредителями. Все лицензии и разрешения, необходимые для деятельности компании, предоставляет монгольская сторона в соответствии с законодательством Монголии. По условиям соглашения, совместная компания освобождается от уплаты налогов и иных обязательных платежей, взимаемых в соответствии с законодательством Монголии, в связи с привлечением работников из Российской Федерации (до вывода предприятия на полную мощность).

Капитальные затраты на пуск уранового проекта «Дорнод» в Монголии превысят 200 млн долл. Ввод в эксплуатацию рудника с объёмом добычи 1000 т урана в год был возможен в 2014–2015 годах при условии немедленного начала работ по строительству. Лицензию на месторождение Гурванбулаг, Дорнодского рудного узла, в 1990-е годы получила канадская компания «Вестерн проспектор групп», через десять лет смогла продать месторождение китайской компании CNNC. В будущем возможно совместное использование инфраструктуры, например, сернокислотных заводов. Но дальнейшего развития этот проект не получил, столкнувшись с экономическими реалиями. Кроме того, одной из ключевых проблем было то, что лицензии на Дорнод контролировались канадской «Khan Resources Inc». Однако 25 февраля монгольские власти аннулировали лицензии «Khan Resources Inc», после чего АРМЗ отказалось от борьбы за неё.

В июле 2009 года Монголия приняла закон об атомной энергии: в госсобственности должно быть не менее 51 или 34 % (в исключительных случаях) долей в урановых месторождениях. Летом 2009 года лицензия СП «CAUC» на добычу и геологоразведочная лицензия «Khan Resources Mongolia» были приостановлены «Агентством по недрам Монголии» в связи с нарушениями лицензионного соглашения по итогам визита на месторождение горной инспекции зимой 2010 года. Правительство Монголии объявило об аннулировании ряда добычных и разведочных лицензий,

выданных с «нарушением национального законодательства Монголии», в том числе лицензий на месторождение Дорнод.

27 ноября 2009 года урановый холдинг «АРМЗ» попытался получить контроль над “Khan Resources Mongolia”, предложив выкупить её акции по 0,65 канадского доллара за штуку (АРМЗ планировал осуществить эту сделку стоимостью около 35 млн канадских долл. за счёт собственных средств). Эту аферу перебила китайская CNNC, повысившая цену до 0,96 канадского доллара. Монголия не сможет увеличить долю без согласия АРМЗ, ведь сама она не сможет голосовать как заинтересованная сторона, а для одобрения нужно согласие 75 % акционеров. В мае 2011 года канадская компания “Khan Resources” предъявила иск к правительству Монголии в связи с незаконным, по её мнению, отзывом лицензии на добычу урановой руды на месторождении Дорнод. Иск за право владения урановым месторождением Восточного аймака Монголии Мардай между Правительством Монголии и компанией «Хан ресурс» рассматривался в течение пяти лет в Арбитражном суде и решение было принято в пользу канадской компании. Хотя, согласно этому решению, Правительство Монголии обязано выплатить компании «Хан ресурс» 100 млн долл., стороны договорились снизить сумму выплаты до 70 млн долл.

Параллельно с этим разбирательством в международном арбитраже “Khan Resources” обратилась в суд Онтарио с иском к «Атомредметзолото» (АРМЗ, структуры Росатома) в августе 2010 года, заявив о ряде нарушений со стороны российского холдинга. Сумма исковых требований составила 300 млн долл. “Khan Resources” отмечает, что российская сторона в ущерб достигнутым договорённостям и интересам компании заключила соглашение с Монголией о создании нового совместного предприятия для разработки тех же месторождений и сделала всё для аннулирования выданной ранее лицензии на разведку месторождений.

Как сообщила Канадская пресса “CCN”, компания “Khan Resources” приобрела лицензию на месторождение Дорнод заведомо нечестным путём. Директор компании Уэллос Мэйс (Wallace M. Mays) проиграл 5 млн долл. в покере и компания “Khan Resources” оплатила этот долг под залог лицензии на месторождение Дорнод.

Через некоторое время “Khan Resources Inc” и её дочерние компании начали иск в Верховном суде Онтарио против Уоллеса Мэйса и компании “WM Mining” за то, что Мейс намере-

вался передать акции “Khan Resources Inc” и некоторых горнодобывающих объектов Монголии на счёт личной холдинговой компании “WM Mining”. В октябре 2006 года Высший суд Онтарио удовлетворил исковые требования компании “Khan Resources Inc”. В деле против Уоллеса Мэйса и “WM Mining Company LLC” компания “Khan Resources Inc” изыскивает убытки в размере 10 млн долл. США за нарушение фидуциарных обязанностей, фальсификацию и незаконное вмешательство в деятельность, обеспечивающие экономические интересы, а также усугубляемые штрафные санкции в размере 5 млн долл. США.

Главный исполнительный директор “Khan Resources Inc” Мартин Квик отметил, что «действия Мэйса в отношении владения активами “Khan Resources Inc” заставляют компанию срывать усилия компании по использованию более выгодных рыночных условий. Компании необходимо получить компенсацию за ущерб, который она понесла в результате безответственных и легкомысленных действий Уоллеса Мэйса». В результате судебного разбирательства, Мэйс заплатил компании “Khan Resources Inc” штраф в размере 15 млн долл. за счёт принадлежащих ему акций “Khan Resources Inc” стоимостью в 18 млн долл. США.

Добыча и переработка урана – это сверхчувствительная сфера, имеющая серьёзный политический аспект, связанный с опасностью распространения ядерных технологий и ядерных материалов и наносящий большой вред окружающей среде, здоровью и хозяйству коренных жителей. В месторождении Мардай, которое находится на территории сомона Дашбалбар Дорнодского аймака, велась добыча урана с большим объёмом (ежегодно более чем 1 тыс. т). При передаче Россией этого месторождения Монголии не были предприняты сторонами достаточные меры, направленные на консервацию шахты, рекультивацию окружающей среды, защиту коренных жителей от излучения и захоронение радиационных отходов. Как только ушли россияне из Мардая, местные жители, не зная о том, что там добывалось, разграбили городок, демонтировали или разрушили здания, снесли защитные ограждения радиоактивной зоны и даже земляную насыпь над «хвостами», тем самым способствуя распространению радиации по степи.

В августе 2012 года монгольские и японские антиядерные активисты посещали Мардай. Там они обнаружили земляные насыпи над «хвостами», которые оставила канадская компания “Khan Resources” без рекультиваций, ограждений и даже предупреждений.

Гражданка Японии активистка Риоко Имаока обнаружила уровень излучения, который составил 10 микрозивертов/час, то есть в 50 раз превышающий норму безопасности. Это было даже выше показателей, что можно измерить вблизи Фукусимы.

Члены монгольского движения «Анти нуклеар» в августе 2012 года проходили по территории сомонов Дорнод аймака, таких, как Баяндун, Дашбалбар и Сэргэлэн. С помощью немецкого прибора GAMMA-SCOUT® следили за радиационной обстановкой круглосуточно и также использовали его в сочетании с компьютером и GPS. В породах и почвах Мардая меа сторождении Гурванбулага было сделано измерение, где уровень радиации местами достигает 0,017 Зв/г, что в 50 раз больше среднего мирового показателя. При возможном присутствии ^3H , ^{14}C , ^{131}I , ^{210}Pb , ^{228}Ra и ^{232}Th в почве бывшей водопроводной трубы Мардая было обнаружено, что баланс активности урана и радия утрачен на 2–5,7, что больше в почвах с техногенным загрязнением. В 2009 году проведена совместная инспекция четырёх государственных организаций в полиметаллическом месторождении Улаан, которое находится в 7 км от Мардая, «урановой столицы в Восточной Монголии» и было официально установлено, что здесь, в отвале, содержание урана превысило норму безопасности в 3,2 раза, радия – 226 в 2,4 раза, уровень радиации было до 6 микрозивертов/час. В близлежащих сомонах употреблялись строительные материалы из Мардая с целью постройки зданий разных учреждений и заведений, даже складов для продуктов детского сада. Местные скотоводы живут и пасут скот в рискованных в отношении радиоактивности местах (в юртах и домах измерен фон до 0,41 микрозивертов/час, что в 2 раза превышает норму безопасности). Сегодня редкие проверки на дозу радиационного излучения в Восточной Монголии Отделением радиации Генерального Департамента, профессионального надзора и контроля Монголии, отсутствие подобающего внимания местных властей к сложившейся ситуации волнуют людей.

19 апреля 2017 года было подписано соглашение о сотрудничестве с губернатором Дорнод аймака М. Бадамсуреном и директором Канадского проекта MERIT Сэнди Фэйр. Канадская ассоциация исполнительной службы (CESO) в период с 2016 по 2022 год будет осуществлять проект MERIT в Дорнод аймаке в размере 11 млн долл. США, направленный на стимулирование устойчивого социально-экономического развития путём наращивания

управленческого потенциала и укрепления координации ключевых институтов стратегического сектора и эффективного сотрудничества среди основных заинтересованных сторон. В рамках проекта проведут учебные семинары, консультации, а также будет оказана техническая и практическая поддержка местным сообществам, коренным народам, пострадавшим от воздействия горнодобывающей промышленности.

Выводы:

1. В итоге грандиозных работ по поискам урана и его разработке в 1970–1991 годах было открыто пять месторождений (из них два доведено до промышленного освоения) и множество рудопроявлений урана, попутно открыты месторождения и рудопроявления полиметаллов и других полезных ископаемых, составлены качественные геологические карты и опоискованы огромные площади. Все документации работ были переданы Монголии. Сегодня Монголия сама выбирает наиболее выгодных для себя партнёров. Во времена СССР работа по поискам месторождений урана была самой масштабной, но на сегодняшний день итоги оказались несколько неадекватны затраченным усилиям. Добыча урана и вывоз руды был практически только начат и быстро прекратился, затраты не окупились. Дальнейшие российско-монгольские совместные работы по добыче урана споткнулись о проблемы в экономике и политике. По всей видимости, российские компании будут продолжать конкуренцию с другими компаниями за лицензии.

2. Во время пребывания делегации в Канаде во главе с экс-министром финансов Монголии Б. Болор урегулировали отношения в суде Онтарио, вследствие чего стороны договорились снизить сумму выплаты до 70 млн долл. Но так как спор уже разрешён и Монголия потерпела поражение, необходимо сохранять принцип стратегически важных месторождений. После этого события совсем скоро, в ближайшее время на месторождении Мардай начнётся добыча. В случае открытой продажи лицензии на международном рынке велика вероятность того, что её купит китайская «Национальная ядерная корпорация». «Все ждут, когда этот плод созреет и упадёт», – как характеризовал ситуацию Дмитрий Самович – главный геолог аэропоисковой партии Монгольской экспедиции. Неужели придёт пора сказать: “Yes Nuclear!”.

3. Радиация – невидимая, неслышимая опасность, не имеющая вкуса, цвета и запаха. Учёные считают, что изоляция РАО должна

превышать миллион лет, и, увы, судя по бездействию, местные власти не обладают достаточной информацией и знанием об объективной опасности и вреде радиации, входящей в их компетенцию. А меж тем стремительно идёт добыча урана.

Источники и литература

1. **Актуальные вопросы взаимодействия России и Монголии в сферах экономики и бизнеса** [Электронный ресурс] / С. А. Филин, Дугаржав Лувсанцэрэнгийн, Отгончимэг Дугаржавын. – Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-vzaimodeystviya-rossii-i-mongolii-v-sferah-ekonomiki-i-biznesa#ixzz4fmC8b3lV> (дата обращения: 21.03.2017).
2. **Болортуяа Ч.** Монгол, ОХУ-ын хамтарсан «Дорнод уран» үйлдвэр байгуулахаар тохиролцжээ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.gogo.mn/r/80572,2010-12-15.11:42> (дата обращения: 04.04.2017).
3. **Голомт – Анти нуклеар хөдөлгөөн** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.golomt.org/2015-11-2515:11:43> (дата обращения: 28.04.2017).
4. **ЗАСГИЙН ГАЗРЫН ТОГТООЛ, МАРДАЙН УРАНЫ ЭРДЭС ҮЙЛДВЭР, ТОСГОН, ДЭД БҮТЦИЙН ТАЛААР АВАХ АРГА ХЭМЖЭЭНИЙ ТУХАЙ** -1999 оны 11 дүгээрсарын 17-ны өдөр Дугаар 190 Улаанбаатар хот (Постановление Правительства Монголии от 17 ноября 1999 г. № 190 г. Улаанбаатар «О мерах по отношению инфраструктуры уранового предприятия “Эрдэс” и шахтёрского посёлка в Мардай») [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.legalinfo.mn/law/details/3112> (дата обращения: 24.04.2017).
5. **Канадская Khan Resources обжаловала решение по иску к «дочке» Росатома** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rapsinews.ru/international_news/20120424/ (дата обращения: 14.03.2017).
6. **Мардай Фукушимагаас ч аюултай болох төлөвтэй юм** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.golomt.org/2012/09/15/mardai/BlogatWord.press.com.2012/09/15> (дата обращения: 21.04.2017).
7. **Мардайн лицензийг хөрөнгийн биржээр арилжвал Монгол Улс шинэ «дайн»-д хөл тавина** [Электронный ресурс]. – 2016. – 18 апр. – Режим доступа: <http://www.morningnews.mn/modules.php?name=News&file=print&sid=25449/> (дата обращения: 27.04.2017).
8. **Путь «Экспедиции-33»** // Сибирский энергетик. – 2013. – 26 апр.
9. **Соболев А. О.** Страницы истории работ геологов СССР и РФ по поискам и освоению месторождений урана на территории Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/sobolev_1.shtml (дата обращения: 27.04.2017).
10. **Ульгийсайхан Д., Скородумова Л. Г.** Современный монгольско-русский тематический словарь. – М.: Вост. лит., 2008. – 362 с.
11. **Khan Resources Commences Claim for Damages Against Wallace** [Электронный ресурс] – 2006. – Nov. 13. – Режим доступа: <http://www.marketwired.com/.../khan-resources-commences-claim-for-damages-against-wal> (дата обращения: 25.04.2017).
12. **Notice of Arbitration – italaw** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0449_0.pdf (дата обращения: 21.04.2017).
13. **Ontario Superior Court Grants Oppression Remedy and Sets Aside the Purported Transfers by Wallace Mays of Khan Resources’ Mining Assets.** Toronto, Ontario [Электронный ресурс] // CCN Matthews. – 2006. – Oct. 12. – Режим доступа: <https://www.highbeam.com/doc/1P2-13743541.html> (дата обращения: 28.04.2017).
14. **Technical Meeting on the Uranium Production Cycle Network on. Education and Training (UPNET).** IAEA Headquarters. Vienna, Austria [Электронный ресурс]. – 2012. – 1–3 October. – Режим доступа: <https://www.iaea.org/.../Technical.../uranium/...UPNET-2012/12-33071E2> (дата обращения: 04.04.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Арпентьева М. Р. – д-р психол. наук, доцент, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства Центра социально-гуманитарных исследований ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», г. Калуга, Россия.

Arpentieva M. R. – Doctor of Psychological Sciences, Docent, Professor, Senior researcher of the Chair of psychology of development and education, Head of laboratory of psychological and pedagogical support of the family and children Center of social and humanitarian research of the Kaluga State University K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia.

Атанов Н. И. – д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия.

Atanov N. I. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading researcher of the Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Белякова Е. В. – д-р экон. наук, доцент, заведующая кафедрой логистики ФГБОУ ВО «Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнева», г. Красноярск, Россия.

Belyakova E. V. – Doctor of Economic Sciences, Docent, Head of the Chair of Logistics at Siberian State aerospace University named after academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia.

Бернюкевич Т. В. – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии социологического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Bernyukevich T. V. – Doctor of Philosophy Sciences, Docent, Professor of the Chair of philosophy of the Faculty of sociology of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Бондарева А. Г. – студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Россия.

Bondareva A. G. – Student of the Moscow State University M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.

Буров В. Ю. – д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и мировой экономики факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Burov V.Yu. – Doctor of Economic Sciences, Docent, Head of chair economic theory and world economy of the Faculty of Economics and Management of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Владимирова О. Н. – д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учёта, анализа и аудита факультета экономики и управления торгово-экономического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.

Vladimirova O. N. – Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor of Chair of Accounting, Analysis and Auditing of the Faculty of Economics and Management at the Institute of Economic and Trade at Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Ганжуурдалайн Цолмон – докторант по менеджменту образования, координатор проекта «Всемирного банка» «Устойчивое жизнеобеспечение-III» Администрации Дорнод аймака, г. Чойбалсан, Монголия.

Ganzhuurdalain Tsolmon – Candidate for a doctor's degree in Education Management, project coordinator of the World bank Third Sustainable Livelihoods Project of the Administration of Dornod Province, Choibalsan, Mongolia.

Гернего Л. В. – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры философии социологического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Gernego L. V. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor Chair of philosophy of the faculty of sociology of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Грибова С. Н. – д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Gribova S. N. – Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor Chair of World Economy of the Faculty of Economics of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Дроботушенко А. В. – министр международного сотрудничества и внешнеэкономических связей Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Drobotushenko A. V. – Minister of international cooperation and foreign economic relations in Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Дроботушенко Е. А. – магистрантка ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, помощник директора Центра научных исследований российско-китайских отношений Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Drobotushenko E. A. – Undergraduate of Baikal State University, Irkutsk, Assistant Director of the Center for scientific research of Russian-Chinese relations, Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Иванова Ю. В. – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна факультета культуры и искусств ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Ivanova Yu. V. – Doctor of Philosophy Sciences, Docent, Professor of the Chair theory and history of culture, arts and design Faculty of the Culture and Arts of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кайбалина Н. Б. – управляющий директор ООО «Тасеевское», г. Балей, Россия.

Kaibalina N. B. – Managing Director at ООО “Taseyevskoye”, Baley, Russia.

Карасёв С. В. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин заочно-вечернего факультета ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», г. Иркутск, Россия.

Karasyov S. V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of General Education of the Faculty of Extramural Education at Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

Кашбразиев Р. В. – канд. экон. наук, доцент, доцент Департамента мировой экономики и мировых финансов ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Россия.

Kashbrasiev R. V. – Candidate of economic Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of world economy and international Finance of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Кичигина И. М. – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры финансов, кредита и бухгалтерского учёта финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kichigina I. M. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Chair of Banking, Finance, and Accounting of the Faculty of Finance and Economics Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Ковальчук Л. Б. – канд. экон. наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kovalchuk L. B. – Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director on educational work of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Коврижных О. А. – канд. филос. наук, доцент кафедры международного права и международных связей юридического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kovrizhnykh O. A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor Chair of international law and international relations of the Law faculty of the of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кравцова С. А. – канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kravtsova S. A. – Candidate of Economic Sciences, Docent, Head of the Chair of World economy, enterprise and humanitarian disciplines of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Криклевская Л. Ю. – канд. экон. наук, заведующая кафедрой экономики и управления финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kriklevskaya L.Yu. – Candidate of Economic Sciences, Head of the Chair of Economics and management of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Кривоносова Н. Я. – канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, кредита и бухгалтерского учёта финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Krivososova N.Ya. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Chair of Banking, Finance, and Accounting of the Faculty of Finance and Economics Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Крылов Д. А. – д-р филос. наук, доцент, заведующий кафедрой политологии исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Krylov D. A. – Doctor of Philosophy Sciences, Docent, Head of the Chair of Political Science of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Куренная И. Г. – канд. ист. наук, ведущий специалист по историко-культурному наследию комитета культуры администрации городского округа «Город Чита», г. Чита, Россия.

Kurenayya I. G. – Candidate of Historical Sciences, a leading expert on the historical and cultural heritage of Committee on culture of administration of city district “City of Chita”, Chita, Russia.

Ли Ваньли – аспирант ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Li Wanli – postgraduate student at Transbaikal State University, Chita, Russia.

Малаховская М. В. – д-р экон. наук, профессор, профессор ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.

Malakhovskaya M. V. – Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Маслин М. А. – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Россия.

Maslin M. A. – Doctor of Philosophy Sciences, Full Professor, Head of the Chair of History of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy at Moscow State University M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.

Матузова М. С. – старший преподаватель кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Matuzova M. S. – Senior Lecturer of the Chair of World economy, enterprise and humanitarian disciplines of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Михайлова Е. В. – научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Mikhailova E. V. – Researcher of the Chair of Geography of world economy of Geographical faculty of the Moscow state University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.

Ортыков А. У. – директор ООО «Забайкальская краевая лаборатория судебных экспертиз», г. Чита, Россия.

Ortykov A. U. – Director at ООО Regional Forensic Laboratory of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Павлов А. В. – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия.

Pavlov A. V. – doctor of philosophical Sciences Full Professor, Professor Chair of Philosophy at the Tyumen state University, Tyumen, Russia.

Петрова А. Т. – д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита факультета экономики и управления торгово-экономического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.

Petrova A. T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Chair of Accounting, Analysis and Auditing of the Faculty of Economics and Management of the Institute for Economics and Business at Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Попова Е. М. – старший преподаватель кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Pорова Е. М. – Senior Lecturer of the Chair of World economy, enterprise and humanitarian disciplines of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Рид А. – магистр естественных наук, социальный работник, Ассоциация социального обеспечения работников, г. Мюнхен, Германия.

Rid A. – Master of Natural Sciences, caseworker at Social Welfare Association, Munich, Germany.

Рыжая А. А. – аспирант ФГБОУ ВО «Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнева», г. Красноярск, Россия.

Ryzhaya A. A. – Postgraduate student at Siberian State Aerospace University named after academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia.

Середа А. В. – канд. филос. наук, доцент кафедры международного права и международных связей юридического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Россия.

Sereda A. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Faculty of Law at Transbaikal State University, Chita, Russia.

Соколова Е. А. – канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой филологического образования факультета основного общего и среднего образования ГАОУ ДПО «Ленинградский областной институт развития образования», г. Санкт-Петербург, Россия.

Sokolova E. A. – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Head of the Chair of Philological Education at Leningrad Education Development Institute, Saint-Petersburg, Russia.

Сунь Янь – Хэйлунцзянский институт иностранных языков, г. Харбин, КНР.

Sun Yan – Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Heilongjiang, China.

Суслов Е. В. – канд. полит. наук, доцент кафедры филологии и журналистики историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия.

Suslov E. V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor Chair of Philology and Journalism of the Faculty of History and Philology of Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

Суходолов Я. А. – канд. экон. наук, начальник отдела международного и межрегионального сотрудничества Министерства международного сотрудничества и внешнеэкономических связей Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Sukhodolov Ya. A. – Candidate of Economics Sciences, Head of International and Interregional Cooperation Department of Ministry for International Cooperation and Foreign Economic Relations of Zabaykalsky Region, Chita, Russia.

Таскаева М. П. – канд. экон. наук, доцент, ведущий доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Taskaeva M. P. – Candidate of Economics Sciences, Docent, Senior assistant professor of the Chair of World economy, enterprise and humanitarian disciplines of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Товмасын Л. – студентка ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Россия.

Tovmasyan L. – student of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

У Синчэнь – доцент Института китайской культуры, член правления Китайской ассоциации атеизма, представитель Федерации молодежи в г. Тяньцзинь, эксперт Антисектантской ассоциации Тяньцзиня, редактор научной газеты Института социализма в г. Тяньцзинь, г. Тяньцзинь, Китай.

U. Sinchan – Associate Professor of the Institute of Chinese culture, member of the Board of the Chinese Association of atheism, the representative of the Federation of youth in Tianjin, an expert Antiscratch Association of Tianjin, the editor of the scientific papers of the Institute of socialism in Tianjin, Tianjin, China.

Филонич С. А. – генеральный директор акционерного общества «Региональное управление строительства», г. Чита, Россия.

Сведения об авторах

Filonich S. A. – The General Director of joint-stock company “Regional construction management”, Chita, Russia.

Чжан Ин – магистр политических наук Института китайской культуры, доцент, г. Гуанчжоу, Китай.

Zhang Ying – Master of Political Sciences of the Institute of China's Culture, Guangzhou, China.

Чубаров И. Г. – канд. географ. наук, научный сотрудник Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Chubarov I. G. – Candidate of Geographical Sciences, Researcher of the Centre for scientific information and documentation Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ширрмахер Б. – доктор соц. наук, заведующая отделением, Институт Фрезениус, г. Мюнхен, Германия.

Schirmacher B. – Doctor of Social Sciences, Head of the Chair, at Institute Fresenius, Munich, Germany.

Шишкина Н. П. – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Shishkina N. P. – Candidate of Economics Sciences, Docent, Associate Professor of the Chair of World economy, enterprise and humanitarian disciplines of the Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Штайн А. – доктор медицины, преподаватель, Людвиг-Максимилиан-Университет, г. Мюнхен, Германия.

Stein A. – Doctor of medicine, Lecturer at Ludwig-Maximilians University, Munich, Germany.

Научное издание

**ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ:
ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО**

Часть 3

**HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION:
PARTNERSHIP AND COOPERATION**

Part 3

Редактор В. К. Демиденко
Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 30.07.2017.
Форм. бум. 60×84/8.
Печать цифровая. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. 20,2. Уч.-изд. л. 16,6.
Тираж 300 экз. Заказ № 17144.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30